

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Лингвистика

- Сдобнова А. П.** Состав и организация лексики на разных этапах онтогенеза 5
- Родионова Т. В., Привалова И. В.** Ассоциативный эксперимент как один из приемов исследования языкового сознания медиков 13
- Назарова Р. З., Золотарев М. В.** Прецедентные феномены: проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов 17
- Никитина А. Ю.** Фразеологическая единица как основной элемент прагматического уровня языковой личности Екатерины Второй 23
- Балашова Е. Ю.** Концептуальное поле *vera/faiht* в православном и протестантском субдискурсах (на материале текстов русскоязычных и англоязычных корпусов) 29
- Морозова О. В.** Образ России и США в российской прессе как реализация коммуникативной категории «свой – чужой» 34
- Трофимова Н. А.** Соболезнование: лингвистический взгляд (на материале немецкого языка) 39
- Илюкина Л. В.** О наименованиях блюд из круп и молока в некоторых современных говорах Рязанской области 44

Литературоведение

- Прозоров В. В.** Мотив рассеянности и парижская тема в комедии А. П. Чехова «Вишневый сад» 48
- Захаров К. М.** Игры Подколесина и Кочкарева в гоголевской «Женитьбе» 51
- Рясов Д. Л.** Немецкое окружение Гоголя-ученика 53
- Книгин И. А.** К. Шеллер-Михайлов в журнале «Русское слово» 59
- Сергеев А. С.** Творчество Леонида Андреева в оценке «Русского вестника» 64
- Ромайкина Ю. С.** Альманах «Шиповника»: интегрирующий контекст (на материале третьей книги, 1908) 70
- Курсакова Е. И.** Традиции словацкой религиозной поэзии и течение Католической Модерны 77
- Миц Б. А.** «Первая московская тетрадь» и проблема большой формы в лирике Манделштама 1930-х годов 82
- Дубкова М. В.** Город и фантазеры в работах П. Акройда 91
- Васильева Ю. О.** Мотив судьбы в поздней прозе Ч. Т. Айтматова 94
- Разумовская Е. А.** Античная традиция в «Холодных одах» М. Амелина 100
- Прохорова Т. Г.** Роман Юрия Буйды «Вор, шпион и убийца»: между автобиографией и вымыслом 106

Журналистика

- Гильманова А. Н.** Использование мультимедийных и интерактивных свойств сети Интернет в электронных газетах Татарстана 111

Приложения

- Представляем книгу** 115

- Сведения об авторах** 121

Решением Президиума ВАК
Министерства образования и науки РФ
журнал включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов и
изданий, в которых рекомендуется
публикация основных результатов
диссертационных исследований
на соискание ученой степени
доктора и кандидата наук

Зарегистрировано
в Министерстве Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года.
Зарегистрировано в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и мас-
совых коммуникаций. Свидетельство
о регистрации СМИ ПИ № ФС77-
56153 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания по каталогу
ОАО Агентства «Роспечать» 36011,
раздел 15 «История. Филология».
Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Трубникова Татьяна Александровна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Степанова Наталия Ивановна

Верстка
Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор
Ковалева Наталия Владимировна

Корректор
Гаврина Марина Владимировна

Адрес редакции:
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского
университета
Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

Подписано в печать 20.06.15.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 14, 18 (15,0).
Тираж 500 экз. Заказ 18.

Отпечатано в типографии
Издательства Саратовского
университета

© Саратовский государственный
университет, 2015

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи по направлениям: Лингвистика, Литературоведение, Журналистика, а также материалы в разделы Представляем книгу и Хроника (научной жизни). Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – 8–16 страниц.

Статья должна содержать аннотацию (до 5 строк), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <http://bonjour.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты;
- внешнюю по отношению к автору рецензию, заверенную печатью организации, в которой работает рецензент.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. С правилами рецензирования можно ознакомиться по адресу: <http://bonjour.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегию серии в электронном виде по адресу: iyu@mail.ru, телефон для справок (8452) 21-06-48. Оригинал рецензии и договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Институт филологии и журналистики, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: <http://bonjour.sgu.ru/>

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Linguistics

- Sdobnova A. P.** Composition and Structure of Lexicon at Different Stages of Ontogenesis 5
- Rodionova T. V., Privalova I. V.** Associative Experiment as One of the Methods of Studying Linguistic Consciousness in Physicians 13
- Nazarova R. Z., Zolotarev M. V.** Precedent Phenomena: Problems of Definition and Classification 17
- Nikitina A. Yu.** Phraseological Unit as the Main Element of Pragmatic Level of Language Personality of Catherine II 23
- Balashova E. Yu.** The Conceptual Field *Faith* in Orthodox and Protestant Subdiscourses (on the Material of the Russian and English Language Corpus Texts) 29
- Morozova O. V.** Images of Russia and the USA as the Realization of a Communicative Category «Friend or Foe» in the Russian Press 34
- Trofimova N. A.** Condolences: a Linguistic Perspective (on the Material of the German language) 39
- Ilyukina L. V.** On the Names of Grain and Milk Dishes in Some Modern Dialects of Ryazan Region 44

Literary Criticism

- Prozorov V. V.** The Motive of Absentmindedness and the Parisian Theme in A. P. Chekhov's Comedy «The Cherry Orchard» 48
- Zakharov K. M.** Kochkarev's and Podkolesin's Games in «Marriage» by Gogol 51
- Ryasov D. L.** German Environment of N. V. Gogol as a Pupil 53
- Knigin I. A. A. K. Sheller-Mikhailov** in the Journal *Russkoye Slovo* (The Russian Word) 59
- Sergeev A. S.** Leonid Andreev's Oeuvre in the Evaluation of *Russkiy Vestnik* (The Russian Bulletin) 64
- Romaykina Yu. S.** Shipovnik (Rose Tree) Almanac: an Integrating Context (on the Material of the Third Book, 1908) 70
- Kursakova E. I.** Traditions of Slovak Religious Poetry and Catholic Moderna Movement 77
- Mints B. A.** The «First Moscow Notebook» and the Issue of the Great Form in Mandelstam's Poetry of the 1930s 82
- Dubkova M. V.** The City and the Visionaries in the Works by P. Ackroyd 91
- Vasilyeva Yu. O.** The Motive of Fate in the Late Prose by Ch. T. Aitmatov 94
- Razumovskaya E. A.** Antique Tradition in the «Cold Odes» by M. Amelin 100
- Prokhorova T. G.** Yury Buida's novel «Thief, Spy, and Murderer»: Between an Autobiography and Fiction 106

Journalism

- Gilmanova A. N.** The Usage of Multimedia and Interactive Features of the Internet in Electronic Newspapers of Tatarstan 111

Appendices

- Presentation of the Book** 115

- Information about the Authors** 121

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ»**

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Стальмахов Андрей Всеволодович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Усанов Дмитрий Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамяионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»**

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Stalmakhov A. V. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

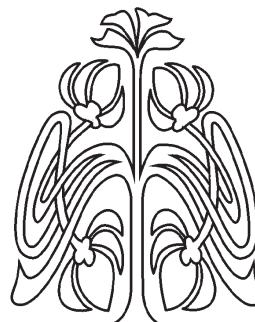
Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

Usanov D. A. (Saratov, Russia)

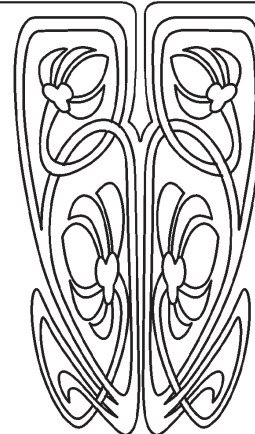
Ustyantsev V. B. (Saratov, Russia)

Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА»**

Главный редактор

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Клоков Василий Тихонович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Борисов Юрий Николаевич, кандидат филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Горошко Елена Игоревна, доктор филол. наук, доктор социол. наук, профессор (Харьков, Украина)

Долинин Александр Алексеевич, Ph.D, профессор (Мэдисон, штат Висконсин, США)

Егоров Борис Федорович, доктор филол. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Елина Елена Генриховна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Кабанова Ирина Валерьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Крысин Леонид Петрович, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)

Лённгрен Тамара Павловна, Ph.D, преподаватель Университета г. Тромсё (Тромсё, Норвегия)

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филол. наук, профессор (Витебск, Беларусь)

Никитина Серафима Евгеньевна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)

Норман Борис Юстинович, доктор филол. наук, профессор (Минск, Беларусь)

Раева Александра Васильевна, кандидат филол. наук (Саратов, Россия)

Ратмайр Ренате Фелисите, Ph.D, профессор (Вена, Австрия)

Сиротинина Ольга Борисовна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Хуан Мэй, доктор филол. наук, профессор (Пекин, КНР)

Шраер Максим Давидович, Ph.D, профессор (Бруклин, штат Массачусетс, США)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: PHILOLOGY. JOURNALISM»**

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

Editor-in-Chief – Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Ivanyushina I. Yu. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Klokov V. T. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

BorISOV Yu. N. (Saratov, Russia)

Goroshko E. I. (Kharkov, Ukraine)

Dolinin A. A. (Madison, Wisconsin, USA)

Egorov B. F. (St. Petersburg, Russia)

Yelina E. G. (Saratov, Russia)

Kabanova I. V. (Saratov, Russia)

Krysin L. P. (Moscow, Russia)

Lönngren T. (Tromsø, Norway)

Maslova V. A. (Vitebsk, Belarus)

Nikitina S. Ye. (Moscow, Russia)

Norman B. Yu. (Minsk, Belarus)

Rayeva A. V. (Saratov, Russia)

Rathmayr R. (Vienna, Austria)

Sirotnina O. B. (Saratov, Russia)

Huan May (Beijing, People's Republic of China)

Shrayer M. D. (Brookline, Massachusetts, USA)

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'23-057.874

СОСТАВ И ОРГАНИЗАЦИЯ ЛЕКСИКОНА НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ОНТОГЕНЕЗА

А. П. Сдобнова

Саратовский государственный университет
E-mail: sdobnovaap@yandex.ru

В работе подводятся итоги изучению состава и организации лексикона школьников разных возрастных групп.

Ключевые слова: речевой онтогенез, лексикон школьника, ассоциативный эксперимент.

Composition and Structure of Lexicon at Different Stages of Ontogenesis

A. P. Sdobnova

The article sums up the results of studying the composition and structure of the lexicon of school pupils of different age groups.

Key words: speech ontogenesis, school pupil's lexicon, associative experiment.

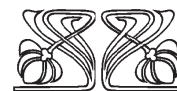
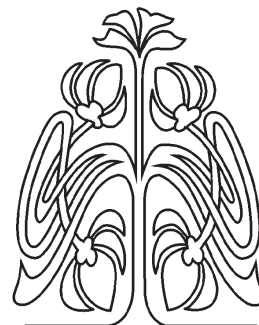
Состав и строение лексикона человека непрерывно меняются на протяжении всей жизни человека, особенно интенсивно – в раннем возрасте, на начальных этапах освоения речи, и в целом – в дошкольный период жизни ребенка. Уже поэтому внимание исследователей направлено на процессы развития лексикона у детей преимущественно этого возраста, и онтолингвистикой сделано в данном направлении очень много.

1. Лексикон ребенка на ранних этапах онтогенеза.

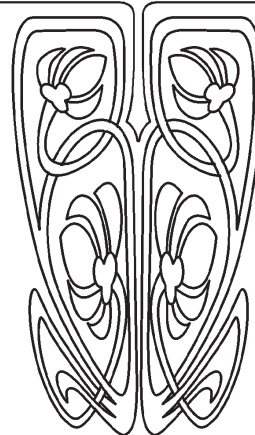
Исследованиями отечественных и зарубежных онтолингвистов установлены основные универсальные закономерности в развитии словаря ребенка, изучено формирование ядра лексикона уже на ранних этапах развития, выявлены принципы его организации, прослежены возрастные изменения в составе лексикона и факторы, определяющие эти изменения.

1.1. При исследовании лексикона рассматривают его количественные и качественные характеристики. Существуют различные данные об объеме лексикона ребенка (см., например, данные о росте словаря ребенка в работе С. Л. Рубинштейна¹). Установлено, что могут различаться не только объемы словарей у детей, говорящих на разных языках, но даже у детей одного возраста, растущих в одной семье. Причин различий/расхождений несколько: одни обусловлены психофизиологическими, половозрастными и другими особенностями развития ребенка (интраверты, экстраверты, индивидуальные, гендерные различия, различие в речевом развитии в условиях sibлингового общения и др.), другие – исследовательскими методиками: выбором материала, метода исследования (представительность выборки, различие в идентификации слов на ранних этапах онтогенеза и др.)².

1.2. Бесспорными оказываются универсальные характеристики начального детского лексикона. Он характеризуется тем, что к моменту продуцирования 50 первых слов (1,5–2 года) пассивный лексикон (понимаемые слова) значительно превышает активный (продуцируемые слова): соотношение колеблется от 2:1 до 10:1³. Ядром начального лексикона выступают конвенциональные (реальные, нормативные) слова и слова языка нянь (звукоподражательные и лепетоподобные). Кроме того, в лексикон входят протослова (уникальные слова, создан-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ные ребенком и употребляемые им постоянно) и застывшие фразы⁴.

К классификации единиц начального детского лексикона подходят с разных позиций. Определить точно семантику и морфологическую принадлежность слов этого периода чрезвычайно сложно из-за диффузности и неустойчивости значения слова у ребенка, и потому не случайным оказывается множество классификаций: тематическая (А. Н. Гвоздев), семантически и функционально ориентированная таксономия (К. Нельсон, Х. Бенедикт), формальная таксономия (Е. Ливен), классификация смыслов, основных идей (М. Д. Воейкова и И. А. Чистович), «стандартный набор понятий» (С. Н. Цейтлин). Так, в классификации С. Н. Цейтлин выделены основные группы слов начального детского лексикона: окружающие ребенка лица, птицы и животные, игрушки, еда, прогулка, одежда, оценка, предметы в доме, действия, состояния и др.⁵ Классификации К. Нельсон, Е. Ливен и других основаны на большем обобщении: *common nouns* (простые имена), *onomatopoeic words* (звукоподражания), *proper nouns* (личные имена), *interactive words* (слова, обеспечивающие взаимодействие), *other words* (другие слова)⁶.

Состав начального детского лексикона обусловлен потребностью ребенка в освоении окружающего мира, необходимостью назвать явления, передать определенный набор понятий, чем объясняется сходство первых слов-«смыслов» у разных детей, у детей, живущих в разное время, у разноязычных детей⁷. Так, сравнение начального детского лексикона русскоязычных детей конца XX– начала XXI в. и детей, рожденных в начале XX в., проведенное М. Б. Елисеевой, показало стабильность состава начальных детских лексиконов. Различия вызваны, как было выявлено, реальными изменениями окружающего ребенка мира⁸. Сопоставление начальных детских лексиконов русскоязычных и англоязычных детей показало, что тематически при некоторых различиях в частоте употребления большая часть лексикона у них совпадает (обозначения родителей, названий еды, питья, большинства групп животных, птиц, слов согласия/несогласия, приветствия/прощания и др.). Выявленные М. Б. Елисеевой различия (например, в группе «животные» или в употреблении этикетных слов) объясняются внешними факторами⁹.

Освоение семантики слова в ранний период начинается с предметно-ситуативной соотнесенности слова, с овладения денотативным компонентом. К особенностям лексикона ребенка раннего возраста относят детскую омонимию, явление сдвинутой референции, лексико-семантическую сверхгенерализацию (расширение референции), которую отмечают и отечественные, и зарубежные ученые¹⁰, обусловленную, в первую очередь, ограниченным лексическим запасом и неосвоенностью лексического значения¹¹.

1.3. Вторая универсальная особенность лексикона раннего возраста, отмечаемая отечественными и зарубежными исследователями, – лексический взрыв активного словаря начиная с конца второго года жизни: лексикон последовательно увеличивается, количественное различие активной и пассивной его частей заметно сокращается, почти исчезает, поскольку слова пассивного лексикона «актуализируются в активном», а новые слова почти сразу начинают произноситься, т. е. пополняют активный лексикон¹². Этот период характеризуется появлением производных лексических единиц, диминутивов, словообразовательных инноваций¹³.

Данный этап характеризуется, во-первых, развитием семантики лексических единиц, понятийным структурированием в результате постепенного процесса овладения ядерно-периферийной структурой лексического значения слова, во-вторых – формированием разного рода системных отношений в структуре лексикона: парадигматических (синонимических, антонимических), иерархических гипо-гиперонимических (*животное – собака – пудель*) вследствие результата процесса категоризации – стремления ребенка «категоризовать» окружающее (М. Б. Елисеева), выделением в составе лексикона ядерной группы лексем, околядерной, периферийной.

1.4. В основе исследования состава и структуры лексикона ребенка раннего возраста лежат преимущественно материалы непосредственных наблюдений речевого поведения детей, фиксации их спонтанной речи. Значительный объем словаря детей следующих возрастных групп (младшего, среднего, старшего дошкольного, школьного возраста), большая вариативность, изменчивость лексикона – с одной стороны, и появление нового аспекта (психолингвистического) и нового объекта исследования (внутреннего лексикона) – с другой, потребовали привлечения и других материалов и методов исследования: кроме фиксации устной речи детей, используются данные различных экспериментов.

Так, Т. В. Соколова исследовала внутренний лексикон ребенка дошкольного возраста (3–6 лет) по материалам свободного ассоциативного эксперимента. Ею получен ассоциативный тезаурус ребенка, который рассматривается автором как функционирующая система. Результаты количественно-системного анализа ассоциативного тезауруса ребенка привели Т. В. Соколову к утверждению, что ассоциативный тезаурус ребенка – это структурное образование, в котором формируется ядро, имеется периферия и индивидуальная часть. Ядро внутреннего лексикона ребенка в основе своей совпадает с ядром лексикона взрослого (*человек, дом, хорошо, большой, говорить*), т. е. формирование ядра лексикона начинается на самых ранних этапах становления семантической системы. Т. В. Соколовой выделены специфичные для данного возрастного периода смысловые

доминанты детства (*играть, хороший, человек, большой, читать, петь, мяч, бегать, машина, говорить, дом*). Самое частотное в реакциях слово *играть* является, по Т. В. Соколовой, центром вербальной ассоциативной сети¹⁴.

Ядро частотных единиц лексикона дошкольников 6–7 лет выделено А. В. Захаровой на материале текстов устной речи детей. Оно включает единицы, называющие лицо (*мама, папа, тетя, бабушка, человек, люди, мальчик, мальчишка*), прилагательные широкой семантики (*маленький, большой, плохой, хороший, детский* и др.), глаголы (*говорить, делать* и др.) и конструктивные («строительные») грамматические элементы (*я, он, быть, не, в, что* и др.)¹⁵. А. В. Захарова выявила группу тождественных ядерных единиц в лексиконе детей и взрослых (*человек, люди, быть, говорить* и др.).

Таким образом, по материалам устной речи и материалам ассоциативного эксперимента установлено, что ядро лексикона формируется у ребенка на ранних этапах его речевого развития, а значит, в этот период начинается и структурирование лексикона (выделение его ядра и периферии).

1.5. В онтолингвистике, психоллингвистике изучение развития значения слова в раннем онтогенезе имеет давнюю научную традицию, которая заложена в трудах Л. С. Выготского, Ж. Пиаже, Н. И. Жинкина, А. Р. Лурия и развивается в работах А. Н. Леонтьева, А. А. Леонтьева, М. М. Кольцовой, Н. Х. Швачкина, Е. Кларк, Т. В. Ахутиной, Т. Н. Ушаковой, С. Н. Цейтлин, Н. И. Лепской, А. М. Шахнаровича, Н. М. Юрьевой, Н. В. Уфимцевой, Т. М. Рогожниковой, Т. Н. Наумовой, Е. Ю. Протасовой, Н. А. Гасицы, А. П. Стеценко, Г. Р. Добровой, М. Л. Кусовой, С. В. Плотниковой, И. Н. Гридиной, Ю. С. Пузановой, Т. В. Батыркаевой и др.

Онтолингвистикой разработаны разные гипотезы развития у ребенка значения слова (гипотезы генерализации, дифференциации, параллельно идущих процессов генерализации и дифференциации, гипотезы прототипов, характеризующие определенное сдвига в развитии значения слова и др.)¹⁶, выделяются этапы развития: ситуативная закрепленность значения, формирование предметной соотнесенности, формирование понятийной соотнесенности, формирование семантической структуры слова как системы лексико-семантических вариантов.

В конце XX – начале XXI в. в изучении развития значения слова у ребенка выделяется два направления. Одно – исследование общей модели и стратегий развития семантической структуры слова в индивидуальном сознании. Другое – исследование освоения ребенком семантики отдельного слова или семантики лексических единиц отдельных лексико-семантических, лексико-грамматических групп. Сложные процессы в становлении лексикона – семантической структуры слова, связей между лексическими единицами – исследуются преимущественно экс-

периментально, и одним из основных способов получения знаний об этих процессах выступает ассоциативный эксперимент.

В рамках первого направления разработана концепция значения слова как достояния индивида¹⁷, развиваемая представителями тверской, пермской, московской, уфимской, минской и других научных школ. Например, на материале ассоциативных экспериментов Т. М. Рогожниковой проведено исследование механизмов функционирования многозначных слов в индивидуальном сознании на большом возрастном диапазоне (4–18 лет) и установлено, что в процессе развития у ребенка происходит «расширение набора ЛСВ полисемантического слова», степень актуальности одного и того же ЛСВ может меняться, меняется и содержание отдельных ЛСВ, что имеются два основных взаимодействующих, связанных в едином процессе пути развития значения слова: дифференциация значений слов, обусловленная все более глубоким, четким различием признаков предметов и явлений действительности по мере взросления ребенка, и «отвлечение от различительных признаков, ведущее к более высоким уровням обобщения»¹⁸. Т. М. Рогожниковой разработана модель развития значения слова, представленная как спираль с увеличивающимися по мере восхождения диаметрами витков. Процесс развития значения слова – процесс непрерывный и постепенный, и каждый новый виток – это повторение на качественно ином уровне¹⁹.

В работах второго направления освоение ребенком семантики отдельного слова или семантики лексических единиц отдельных лексико-семантических, лексико-грамматических групп рассматривается во взаимосвязи когнитивного и языкового развития ребенка (А. М. Шахнарович, Г. А. Черемухина, Н. М. Юрьева, С. Н. Цейтлин, Г. Р. Доброва, М. Л. Кусова, Н. Е. Кожухова, С. В. Плотникова, Н. А. Чернявская, Т. А. Щеглова, Т. В. Батыркаева и др.). Так, И. Н. Гридиной выявлено, что при формировании системы гипо-гиперонимических отношений в лексиконе ребенка 1,5–6,5 лет «освоение родо-видовых отношений связано с когнитивным развитием ребенка, а освоение гипо-гиперонимических отношений – с языковым развитием». Определены две стратегии освоения детьми «иерархической связи гипонимов и гиперонима: путь от общего к частному – от гиперонима к гипонимам («сверху вниз»); движение от частного к общему – от гипонимов к гиперониму («снизу вверх»)), при этом один и тот же ребенок может следовать одним путем во всех случаях, осваивая ту или иную лексико-семантическую группу, а может выбирать разные стратегии при освоении разных лексико-семантических групп»²⁰. Автором выявлена поэтапность формирования гипо-гиперонимических отношений: появление гиперонима в пассивном словаре и переход его в активный словарь, затем – активный рост гипонимического ряда и, наконец,

формирование гипо-гиперонимического гнезда, осознание структуры гнезда как иерархического образования. В том же онтолингвистическом и психоллингвистическом аспекте М. Л. Кусовой, Ю. С. Пузановой рассмотрено освоение параметрических прилагательных²¹. Ю. С. Пузановой выявлены основные этапы развития у детей 1,5–5,5 лет системы параметрических прилагательных: осознание общей характеризующей функции параметрических прилагательных, выделение интегральной семы в структуре лексического значения этой лексико-семантической группы, затем освоение сем полярной характеристики и полярности отношений между основными параметрическими прилагательными и, наконец, на следующей ступени – овладение дифференциальными семами в структуре лексических значений параметрических прилагательных. Актуальные исследования связи когнитивного развития ребенка и освоения семантики глагола как семантического предиката, ядра высказывания выполнены Н. Е. Кожуховой, С. В. Плотниковой, Т. А. Щегловой, Н. А. Чернявской и др.

Таким образом, исследования лексикона ребенка раннего и дошкольного возраста, проведенные в разное время с использованием различных методов, выявили универсальные закономерности в развитии лексикона ребенка, состав и принципы организации лексикона, сформированность его ядра уже на ранних этапах развития ребенка.

2. Лексикон ребенка на поздних этапах онтогенеза.

2.1. Выявить особенности формирования лексикона ребенка на поздних этапах онтогенеза, в школьный период, несравненно сложнее, чем в ранний период, по тем же, уже названным ранее причинам: значительный объем словаря, его подвижность и большая вариативность, обусловленная биологическими, психофизиологическими, социокультурными, возрастными, гендерными особенностями.

Распространенный в середине XX в. системноцентрический подход к исследованию лексикона позволил получить некоторые данные об объеме и составе реального лексикона не только ребенка дошкольного возраста, но и подростка. Я. И. Вильтовской по материалам письменных текстов 360 сочинений был определен реальный словарь 12-летнего подростка (5 кл.) объемом в 5185 знаменательных слов. Экспериментально, с использованием лингвистического интервьюирования Я. И. Вильтовской был смоделирован примерный, «гипотетический» словарь подростка, который включал 30 тысяч слов²². В лексиконе подростка автором выделены 202 тематические группы, главной из которых, по мнению Я. И. Вильтовской, выступает лексико-семантическая группа «названия лиц». Данное исследование представляет определенный интерес и является важным этапом в исследовании лексикона младшего подростка. Однако смоделированный «гипотетический»

словарь не может в полной мере отражать реальную систему словаря и его функционирования, связей слов и отношений между ними в лексиконе ребенка. Лексикон школьников рассматривается Т. Г. Дьяконовой, Н. В. Орловой и другими, однако материалом в этих исследованиях выступает учебный дискурс, несомненно, ценный, необходимый источник анализа лексикона, но недостаточный для определения полноты реально существующего, функционирующего и в других сферах общения лексикона школьника.

Смена научной парадигмы в 80–90 гг. XX в. привела к тому, что системноцентрический и функциональный аспекты исследования лексикона были дополнены социоллингвистическим и, как уже было сказано, психоллингвистическим аспектами. С позиций психоллингвистики исследуется ментальный, внутренний лексикон, и одним из основных способов получения знаний о реальной структуре внутреннего лексикона признается ассоциативный эксперимент. В качестве самостоятельного источника исследования лексикона ребенка все большее распространение получают созданные по материалам проведенных свободных ассоциативных экспериментов компьютерные базы данных и публикуемые ассоциативные словари. Новый научный подход значительно расширил возможности изучения лексикона на этапах позднего онтогенеза. Такие исследования ведутся учеными разных научных школ в Перми, Санкт-Петербурге, Уфе, Омске, Саратове, Екатеринбурге, Москве, Воронеже и других научных центрах.

2.2. Важные результаты получены учеными пермской психоллингвистической школы, которые рассмотрели внутренний лексикон русского ребенка 6–10 лет по данным прямого и обратного ассоциативного словаря и словаря субъективных частот пермских младших школьников. В качестве модели внутреннего лексикона ребенка 6–10 лет авторы рассматривают словарь детских ассоциаций. В структуре внутреннего лексикона младших школьников ими выделено ядро, которое включает несколько «слоев». В первый слой входят единицы *хороший, друг*, в следующий слой – *красивый*; далее (по убывающей частоте встречаемости в ассоциативных полях) – *большой; холодный, мама, работа, человек; белый, лето, весна* и т. д. Установлено преобладание в ядре единиц с положительной коннотацией, а из частей речи – существительных и прилагательных. В ядре внутреннего лексикона ребенка 6–10 лет были выделены лексико-семантические группы, наиболее актуальные в детской картине мира: *школа, игра; природа, человек; дом, перемещение в пространстве, работа, звуковосприятие и звукопроизводство, отношения между людьми*²³. В качестве общих закономерностей, характеризующих внутренний лексикон младшего школьника, авторы отмечают устойчивые представления о лексико-грамматических классах слов, сформир-

рованность к 10 годам представления о значении слова и его значимости во внутреннем лексиконе, закрепленность в сознании понятий, важных в концептосфере и взрослого, и ребенка (*дом, человек, друг, книга, хороший, большой, думать* и др.); выделяют актуальные концепты детской картины мира (*мама, папа, кошка, игра, играть, писать, школа* и др.)²⁴; отмечают гендерные различия, проявляющиеся в том, что для внутреннего лексикона девочек более важны системные отношения, структурные взаимосвязи слов как единиц языковой системы, для мальчиков актуальны внешние, формальные отношения (созвучия, рифмы); устройство и функционирование внутреннего лексикона девочек имеет, как показывают исследователи, больше сходства с устройством и функционированием его у взрослых.

Результаты исследования Н. Н. Николаенко²⁵ динамики актуального лексикона петербургских школьников той же возрастной группы не противоречат результатам, полученным пермскими исследователями при рассмотрении структуры лексикона, его ядра. Обнаруживается совпадение актуальных фрагментов лексикона петербургских и пермских младших школьников: *дом, школа* (и учебные принадлежности), *природа* (растения, животные), *игра/досуг*. К проявлениям динамики лексикона Н. Н. Николаенко относит его большее разнообразие у детей 9–10 лет в сравнении с лексиконом детей 7–8 лет, отражение в лексиконе процесса социализации в развитии пространственного локуса: ребенок в 7–8 лет чаще использует слова, обозначающие пространство, в котором он находится («Я здесь и теперь»), в 9–10 лет его лексикон начинает отображать дальнейшее пространство, «пространство потенциальной, вероятностной деятельности» («Я в сфере идей и представлений»). Гендерная вариативность лексикона проявляется, как и у пермских школьников, в том, что девочки опережают мальчиков в темпах формирования лексикона и структурирования языковой картины мира.

2.3. Исследование лексикона школьников следующих возрастных групп (подросткового и юношеского возраста), как правило, ограничивается рассмотрением отдельных компонентов лексикона (фрагментов, категорий, лексических, лексико-семантических, тематических групп), анализом действия отдельных факторов развития. Так, Р. И. Березин исследовал актуальный лексикон подростка (5–8 кл.) и установил, что рост актуального словаря подростка носит скачкообразный характер, но в целом к восьмому классу его актуальный словарь значительно увеличивается²⁶. Основные динамические процессы, как выявлено исследователем, совершаются в зоне среднечастотных и единичных слов; группа высокочастотных слов малочисленна и стабильна.

Т. И. Доценко и Е. В. Бочкарева выделяют в организации внутреннего лексикона устный подлексикон и письменный, которые обеспечивают

речевую деятельность в двух формах речи²⁷. По материалам двух экспериментов (устно-устного и письменно-письменного) с подростками 5–9 классов было выявлено, что объем устного подлексикона на 25% меньше объема письменного, при этом устный подлексикон – более однородная структура в сравнении с письменным.

Многоуровневое исследование некодифицированных (преимущественно жаргонных) единиц в лексиконе подростков 15–17 лет, выполненное Е. Н. Гуц²⁸ на материале ряда ассоциативных экспериментов, показало, что внутренний лексикон подростка наряду с кодифицированными единицами включает значительный пласт некодифицированной лексики (в первую очередь – жаргонной, наряду с просторечной), использование которой в речи подростков «отличается относительной стабильностью». Анализ ядра лексикона («ядра языкового сознания» – в другой терминологии) подростка выявил константную часть ядра, общую у подростков и взрослых (*жизнь, человек, дом, любовь, радость, хорошо, друг, счастье, плохо, деньги, большой, ребенок, мир, я, добро, красивый, смерть, сила, сильный, много, зло, время, день*), и переменную, отличающую ядро подростков от ядра взрослых (*лох, кайф, урод, мужчина, люди, семья*). Отличительной особенностью ядра лексикона подростка конца XX – начала XXI в. является, по Е. Н. Гуц, наличие в нем некодифицированных единиц *кайф, лох, урод*, которые занимают в нем устойчивое положение и замещают соответствующие кодифицированные элементы ядра языкового сознания.

2.4. Рассмотреть состав лексикона школьников всех возрастных групп и динамические процессы в нем позволяет база данных «Ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области» (АСШС)²⁹, созданная в Саратовском университете на основе свободных ассоциативных экспериментов, проведенных с учащимися 1–11 классов в возрасте 7–18 лет. База данных АСШС включает более 927 тысяч ассоциаций на 1126 стимулов. В эксперименте участвовали более 30,5 тысячи учащихся.

2.4.1. Смоделированный по материалам АСШС совокупный лексикон (т. е. приведенные к начальной форме все ассоциации) включает более 25 тысяч разных лексических единиц и фразем. Объем лексикона школьников количественно близок лексикону взрослого носителя языка (по данным РАС, он включает около 30 тысяч)³⁰. Словники четырех возрастных групп (младших школьников, младших подростков, старших подростков и старшеклассников) количественно различны. Наибольший объем словника – у старшей возрастной группы (9–11 кл.), он составляет более 15 тысяч единиц и в среднем на 2 тысячи единиц превышает словники других возрастных групп.

2.4.2. В составе совокупного лексикона выделяется базовая часть – единицы, которые имеются в составе лексикона каждой из четырех возраст-

ных групп школьников и обозначают главные, актуальные явления окружающего мира. Они обеспечивают единую информационную базу и взаимопонимание в процессе речевой коммуникации, активно функционируют в речевой коммуникации школьников и взрослых.

2.4.3. В составе лексикона выделяются ядро и периферия. Поскольку ядро выступает естественным (первичным) метаязыком человека, его становление происходит, как уже было сказано, в раннем возрасте, но продолжается и в школьном.

Ядерная часть лексикона каждой из четырех возрастных групп школьников отличается от ядер всех других групп, т. е. нет такого ядра, состав которого полностью совпал бы с составом другого. Тем не менее, ядро лексикона школьников отличается высокой стабильностью: в ядерной зоне лексикона всех возрастных групп школьников сохраняются слова, которые входят в ядро лексикона уже у дошкольников 3–6 лет: *человек, я, хороший, хорошо, большой, маленький, быстро, мальчик, идти, книга*³¹, а в ядре лексикона каждой из возрастных групп школьников константные единицы, эксплицирующие самые значимые составляющие картины мира и взрослого, и школьника любого возраста, составляют около 60%. Среди константных единиц имеются и такие, которые отражают специфику картины мира ребенка как учащегося (*класс, школа*), фокус его интересов (*игра, животное*).

Важно заметить, что среди первых 10 единиц, имеющих наибольшее количество ассоциативных связей с другими словами, в каждом возрастном ядре лексикона всегда имеются единицы *человек, дом, друг*, которые соответствуют базовым ценностям языкового сознания как русскоязычных взрослых³², так и школьников любого возраста. Они входят в число первых по рангу 10 единиц ядра также и по данным ассоциативных словарей детей 6–10 лет и подростков³³.

Ядро лексикона школьников – структура динамическая. Его возрастная динамика характеризуется ярко выраженным последовательным сближением с ядром лексикона взрослых. Этот процесс имеет и количественное (от одной возрастной группы школьников к другой количество единиц ядра, тождественных единицам ядра лексикона взрослых, последовательно увеличивается), и содержательное (семантические зоны, их наполнение) проявление³⁴. Изменения в ядре лексикона проявляются в ранговой нестабильности единиц ядра, в замене одних единиц другими по мере взросления и социализации школьника, в динамических процессах в самой семантической структуре единиц ядра.

Так, *жизнь* входит, по данным Н. В. Уфимцевой, в ядро русского языкового сознания и занимает в нем 3-ю ранговую позицию после единиц *человек* и *дом*³⁵. В ядре языкового сознания школьников *жизнь* занимает более низкую ранговую позицию, чем в ядре ЯС взрослых. Но динамика

ранговых позиций ядерной единицы *жизнь* свидетельствует о глубинных сдвигах в представлении ребенка о жизни: от младшей возрастной группы к старшей ранг этой единицы повышается (с 36-й позиции в ядре лексикона младших школьников он перемещается на 22-ю – у младших подростков, затем на 9-ю – у старших подростков и на 6-ю позицию – у старшеклассников) и все более сближается с позицией, какую *жизнь* занимает в языковом сознании взрослых испытуемых. Анализ семантики слова *жизнь* показал, что в динамических процессах, происходящих в школьный период, проявляется действие многих факторов: возраста, пола, степени социализации, жизненного опыта и др. Доминирующими выступают возрастной и гендерный. Действие возрастного фактора проявляется активнее всего в подростковый период, а гендерного фактора начинается в старшем подростковом возрасте и достигает пика в юношеском³⁶.

Динамические процессы в ядре лексикона имеют место не только на уровне отдельных единиц, они проявляются и на уровне его системной организации. Единицы ядра лексикона покрывают смысловые зоны ‘Человек’ (*человек, друг, мама, учитель, я, ребенок* и др.), ‘Оценка’ (*хороший, плохой, умный, дурак, красивый, сильный, добрый* и др.), ‘Деятельность’ (*делать, идти, думать, писать, деньги, работа, дело, школа, урок* и др.), ‘Жизнь’ (*жизнь, смерть, любовь* и др.), ‘Природный и животный мир’ (*земля, солнце, вода, лес, дерево, собака* и др.)³⁷. Эти зоны выделяются в ядре лексикона любой группы школьников, различие определяется иерархией ценностей в картине мира школьников разных возрастных групп. У каждой возрастной группы наблюдается большая детализация тех областей картины мира, которые для них актуальны, предмета которых они оперируют. Этим обусловлена смена приоритетности семантических зон и областей по мере взросления и социализации личности. Показательна динамика состава и объема единиц зоны ‘Деятельность’, и в первую очередь – области учебной деятельности (*школа, класс, урок, тетрадь, ручка, пенал, писать, слово, книга, учебник, учитель, ученик*): от одной возрастной группы к другой единицы этой зоны теряют свои позиции и уступают место единицам других семантических зон. Так, уходят из ядра старших подростков и старшеклассников *карандаш, пенал, тетрадь, учебник* под давлением более актуальных единиц других семантических зон, например: *любовь, смерть, время*. То есть единицы, обозначающие предметы конкретного мира, сменяются единицами отвлеченной семантики, обозначающими понятийные категории.

2.4.4. Выделение единиц периферийной зоны лексикона школьников составляет сложную проблему. По традиции к периферии лексикона относят низкочастотную лексику, а на ассоциативном материале – лексемы, встретившиеся в качестве

реакции только по одному разу. По материалам базы данных АСШС, такие лексемы составляют треть состава совокупного лексикона школьников. Анализ единичных лексем позволяет утверждать, что, даже если слово встретилось как ассоциация один раз, оно входит в активную часть словаря школьника (исключение составляет ограниченная группа квазислов), поскольку подавляющее большинство единичных лексем – это узуальные лексические единицы, относительно частотные в разговорной или в книжной речи носителей русского языка. Например, единичные в реакциях школьников лексемы *закричать, рациональный, феномен* и другие входят в первые 5000 самых частотных слов (по данным частотного словаря О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова)³⁸. В группу единичных лексем входят функционально неоднородные единицы: наряду с кодифицированными лексическими единицами (типа *пододеяльник, ряженка, овощной, фронтовой, аплодировать, соединять, штрафовать, перечитать, раскопать, захлопнуться* (1–4 кл.), *буханка, лыжный, доплыть, вприпрыжку* (5–6 кл.), *обломок, ягодный, утащить* (7–8 кл.), *гуманитарный, шутливый, ученический, крановщик, астролог, гитарист, согреть, смешивать* (9–11 кл.) и под.) имеются жаргонные, сниженные (*бесиловка, дембельский, закусон, дистрофан, класснуха, суперски, потрясно* и под.). Нет пока убедительного ответа на вопрос, представлены ли и в какой мере единичные (и неединичные) лексемы в словаре каждого отдельного школьника. Но нет сомнения в том, что, если у ребенка слово выступило в качестве ассоциативной реакции, оно имеет устойчивую связь в его ассоциативно-вербальной сети и входит в активную зону его лексикона. Лексические единицы, выступившие в качестве реакций в АСШС, – это по преимуществу лексика, которую следует рассматривать как активную, хотя актуальность отдельных ее пластов различна у школьников разных возрастных групп. У младшей возрастной группы (1–4 кл.) преобладает лексика, отражающая наглядно-чувственную картину мира; у младших подростков (5–6 кл.) – увеличение в составе единичных некодифицированной лексики наряду с иноязычной; у старших подростков (7–8 кл.) – большее разнообразие и сниженность некодифицированной лексики; у старшей возрастной группы (9–11 кл.) – разнообразие лексических единиц, функционирующих в разных стилях, разных сферах общения, отражающих актуализацию социальных, профессиональных сфер.

Таким образом, лексикон современного школьника – живая, развивающаяся система. Изменения охватывают все его части и стороны, лексико-семантические, тематические группы, семантическую структуру каждой лексической единицы. Лексикон школьника – настолько активно формирующаяся структура, что перегруппировка ассоциативно-вербальных связей отражается даже в самой устойчивой части лексикона – в его ядре.

3. На процесс становления лексикона действуют различные факторы: возрастной, гендерный, социальный опыт школьника, степень его одаренности, условия обучения, социокультурные, психофизиологические и др. Доминирующим выступает фактор «возраст», и он действует в одном направлении – в сторону сближения лексикона школьников с «взрослой нормой». Вместе с тем многими исследователями отмечаются гендерные различия в развитии лексикона и в функционировании его единиц (Т. М. Рогожникова, И. Г. Овчинникова, Т. И. Доценко, Р. И. Березин, Н. В. Аниськина, С. В. Мамаева, В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова и др.). Различия проявляются, например, в большей стандартности единиц лексикона у девочек и большей индивидуальности, динамичности у мальчиков, в разной скорости протекания развития отдельных участков лексикона. При этом действие фактора «пол» на развитие лексикона школьников оказывается более сложным, чем действие фактора «возраст», и разные исследования приводят к не всегда совпадающим выводам. При том что внимание к гендерной дифференциации лексикона ребенка проявляется в значительном количестве работ, приходится признать, что эта его сторона остается пока малоизученной и требует специального глубокого рассмотрения.

Несмотря на наличие отдельных исследований³⁹, почти неизученным остается явление индивидуального лексикона ребенка (идиолексикон, лексикон личности), необходимы исследования того, в какой степени его словарь коррелирует со словарем «коллективного школьника», как закономерности развития лексикона «коллективного школьника» (развитие семантической структуры разных типов слов, динамика ядра и отдельных зон лексикона, этапы и скачкообразность в его развитии и др.) проявляются в становлении лексикона отдельного ребенка как личности.

Говоря о динамике состава и организации лексикона русскоязычных школьников, мы остановились здесь лишь на макроявлениях, относящихся к лексикону в целом; не менее сложные и при этом чрезвычайно разнообразные процессы изменений, совершающиеся в пределах отдельных семантических полей и групп, – предмет отдельного обсуждения.

Примечания

- ¹ См.: *Рубинштейн С.* Основы общей психологии : электронная версия. С. 344–346. URL: <http://bookap.info/klasik/rubinshteyn/load/doc.shtml> (дата обращения: 01.09.2014).
- ² См.: *Елисеева М.* Фонетическое и лексическое развитие ребенка раннего возраста. СПб., 2008. С. 65–66.
- ³ Там же. С. 63–64.
- ⁴ См.: *Елисеева М.* Указ. соч. ; *Цейтлин С.* Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М., 2009.

- 5 Подробно см.: *Цейтлин С.* Язык и ребенок : Лингвистика детской речи. М., 2000. С. 54–55.
- 6 Цит. по: *Елисеева М.* Указ. соч. С. 72.
- 7 См.: *Пинкер С.* Язык как инстинкт. М., 2004. С. 253.
- 8 См.: *Елисеева М.* Указ. соч. С. 72–73.
- 9 Там же. С. 73–75. Значительное сходство начального лексикона разноязычных детей и различия, вызванные структурой языка и национальными культурными особенностями, по данным зарубежных исследователей, рассматриваются Т. Н. Ушаковой (См.: *Ушакова Т.* Речь : истоки и принципы развития. М., 2004. С. 85–89) и др.
- 10 См.: *Кларк Е.* Универсальные категории : о семантике слов-классификаторов и значениях первых слов, усваиваемых детьми. Вводные замечания // Психолингвистика. М., 1984. С. 221–241 ; *Hoek D., Ingram D. & Gibson D.* Some possible causes of children's early word overextensions // *Journal of Child Language*. 1986. Vol. 13. № 3 ; *Цейтлин С.* Язык и ребенок ... ; *Она же.* Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи ; *Елисеева М.* Указ. соч. и др.
- 11 Подробнее см.: *Елисеева М.* Указ. соч. С. 79–83.
- 12 Там же. С. 93.
- 13 Подробно см.: *Цейтлин С.* Детская речь : инновации формообразования и словообразования: на материале современного русского языка : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Л., 1989 ; Язык и ребенок ... ; *Она же.* Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи ; *Она же.* Детские инновации : к истории изучения // Лингвистика креатива 2. Екатеринбург, 2012. С. 49–62 ; *Юрьева Н.* Проблемы речевого онтогенеза : производное слово, диалог : экспериментальные исследования. М., 2006 ; *Елисеева М.* Указ. соч.
- 14 См.: *Соколова Т.* Ассоциативный тезаурус ребенка 3–6 лет : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. М., 1999.
- 15 А. В. Захарова отмечает функциональную значимость этих единиц в тексте: «Самые частотные прилагательные выходят в текст компактно и быстро» (*Захарова А.* Опыт лингвистического анализа словаря детской речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1975. С. 13). При этом исследователь выделяет такую особенность: параметрические прилагательные *большой, маленький* сохраняют в этом возрасте, как и в раннем онтогенезе, широкую многозначность: определяют и размер, и количество, и объем, и возраст. Представляется, что такая недифференцированность/интегральность семантики параметрических прилагательных *большой, маленький* находится в соответствии с общеоценочностью семантики прилагательных *хороший, плохой* (См.: *Захарова А.* Опыт статистического исследования устной речи ребенка // Исследования по языку и фольклору / отв. ред. В. А. Аврорин ; АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. Вып. 2. Новосибирск, 1967. С. 18–38).
- 16 Обзор и сопоставление основных существующих в отечественной и зарубежной онтолингвистике гипотез развития у ребенка значения слова см.: *Рогожникова Т.* Психолингвистическое исследование функционирования многозначного слова. Уфа, 2000.
- 17 См.: *Залевская А.* Психолингвистические исследования. Слово. Текст : Избранные труды. М., 2005.
- 18 *Рогожникова Т.* Указ. соч. С. 142.
- 19 Там же. С. 144.
- 20 *Гридина И.* Гипо-гиперонимические отношения в ментальном лексиконе детей и взрослых : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. С. 7–8.
- 21 См.: *Кусова М.* Параметризация в речи детей младшего дошкольного возраста // Уральский филол. вестн. Сер. Язык. Система. Личность : Лингвистика креатива. 2012. № 3. С. 28–33 ; *Пузанова Ю.* Параметрические прилагательные русского языка в онтогенезе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2012.
- 22 См.: *Вильтовская Я.* Исследование объема и состава лексикона подростка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1980.
- 23 См.: *Овчинникова И., Береснева Н., Дубровская Л., Пенягина Е.* Лексикон младшего школьника (характеристика лексического компонента языковой компетенции). Пермь, 2000. С. 62–64.
- 24 Там же. С. 79, 82.
- 25 См.: *Николаенко Н.* Динамика формирования внутреннего лексикона младших школьников // Журнал эволюционной биохимии и физиологии. 2004. Т. 40, № 5. С. 440.
- 26 См.: *Березин Р.* Организация актуального лексикона подростка по фактору частоты // Словесность и современность : материалы науч. конф. : в 3 ч. Ч. 2. Лингвистика. Пермь, 2000.
- 27 См.: *Доценко Т., Бочкарева Е.* Устный и письменный подлексиконы ментального словаря русского подростка // Русский язык : исторические судьбы и современность : материалы III Междунар. конгресса исследователей рус. яз., Москва, МГУ, 20–23 марта 2007 г. М., 2007. С. 117.
- 28 См.: *Гуц Е.* Психолингвистическое исследование языкового сознания подростка. Омск, 2005.
- 29 См.: Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области : электронная версия / сост. В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова, А. О. Мартьянов. Саратов : Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, 1998–2008. По материалам базы данных АСШС опубликован: *Гольдин В., Сдобнова А., Мартьянов А.* Русский ассоциативный словарь : ассоциативные реакции школьников I–XI классов : в 2 т. Саратов, 2011.
- 30 См.: Русский ассоциативный словарь : в 2 т. Т. I. От стимула к реакции. М., 2002. С. 3.
- 31 См.: *Сдобнова А.* Лексикон современного школьника : проблема состава // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2013. Т. 13, вып. 3. С. 19–24.
- 32 См.: *Уфимцева Н.* Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание : формирование и функционирование : сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. 2-е изд. М., 2000. С. 163.
- 33 См.: *Овчинникова И., Береснева Н., Дубровская Л., Пенягина Е.* Указ. соч. С. 76–78 ; *Гуц Е.* Указ. соч. С. 122.
- 34 См.: *Гольдин В., Сдобнова А.* Динамика языкового сознания современной молодежи по данным «Ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области» // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология.

Журналистика. 2007. Т. 7, вып. 1. С. 24–30; Сдобнова А. Ядро внутреннего лексикона школьников : динамика и устойчивость // Горизонты психолингвистики : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Тверь, 23–24 октября 2009 г. Тверь, 2009.

³⁵ См.: Уфимцева Н. Указ. соч. С. 164.

³⁶ Подробнее см.: Сдобнова А. Динамические процессы в ассоциативном поле «жизнь» // Вопр. психолингвистики. 2012. № 2 (16). С. 20–29.

³⁷ Сдобнова А. Ядро языкового сознания школьников : функционально-семантическая структура // Языковое сознание : парадигмы исследования : сб. ст. / под

ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой. М., 2007. С. 169–192.

³⁸ См.: Ляшевская О., Шаров С. Новый частотный словарь русской лексики : электронная версия. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 14.05.2012).

³⁹ См.: Сдобнова А. Индивидуальный ассоциативный словарь школьника // Русский язык сегодня : сб. ст. / отв. ред. Л. П. Крысин. Вып. 3. М., 2004. С. 286–295 ; Она же. Индивидуальный тезаурус в развитии ассоциативных полей // Язык. Сознание. Культура : сб. ст. / под ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой. М. ; Калуга, 2005. С. 174–182.

УДК 81'276.6: 81'23

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК ОДИН ИЗ ПРИЕМОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ МЕДИКОВ

Т. В. Родионова, И. В. Привалова

Саратовский государственный медицинский университет
E-mail: rodionova.tvsar@yandex.ru, ivprivalova@mail.ru

В статье обсуждаются возможности психолингвистического ассоциативного эксперимента при изучении профессионально-личностной специфики языкового сознания медиков. Результаты исследования свидетельствуют о профессиональной детерминированности ассоциативных реакций и их конгруэнтности парцеллам, зафиксированным в лексико-семантическом поле «Болезнь»
Ключевые слова: языковое сознание, ассоциативная реакция, лексико-семантическое поле.

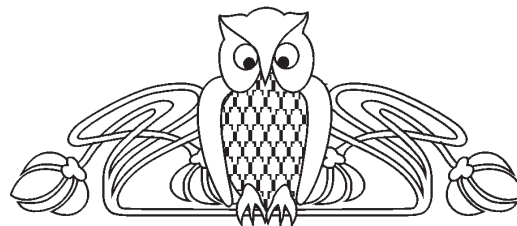
Associative Experiment as One of the Methods of Studying Linguistic Consciousness in Physicians

T. V. Rodionova, I. V. Privalova

The article discusses the potential of a psycholinguistic association experiment in the study of professional and personal distinguishing features of language consciousness in physicians. Research findings support the idea of associative reactions being professionally determined and of their congruency with the parcels recorded in the lexical-semantic field «Disease».

Key words: linguistic consciousness, associative reaction, lexical-semantic field.

Проведение психолингвистических ассоциативных экспериментов важно для познания языкового сознания как этнолингвокультурной общности в целом, так и ее отдельных личностей. В своем понимании этого явления мы опираемся на следующее определение: «Языковое сознание – это образы сознания, овнешняемые языковыми средствами: отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как совокупностью этих полей»¹. В настоящее время самым популярным методом в описании языкового сознания и его особенностей

является психолингвистический ассоциативный эксперимент. Данный подход достаточно часто применяется для исследований в области семантики и лексики языковых единиц.

Суть психолингвистического ассоциативного эксперимента заключается в предъявлении испытуемым ряда слов-стимулов, услышав которые, они должны записать свои ассоциативные реакции. В ходе так называемого *свободного ассоциативного эксперимента* испытуемые записывают свои реакции в виде слов, словосочетаний, а иногда и частей предложений. При *направленном ассоциативном эксперименте* испытуемым могут быть поставлены ограничения по частям речи в записи возникающих слов-реакций. В итоге слова-реакции приобретают конфигурации в виде ассоциативных полей, каждое из которых являет собой фрагмент образа мира. Совокупность ассоциативных реакций, или ассоциативных норм, находит лексикографическое оформление в ассоциативных словарях (см., например, первый ассоциативный словарь под редакцией А. А. Лентьева – «Словарь ассоциативных норм русского языка»²; а также «Русский ассоциативный словарь»³). Таким образом, ассоциативные связи, сформированные в сознании людей, проявляются достаточно показательно в ответах-реакциях на то или иное слово-стимул. Полученные ответы-реакции содержат в себе богатую и интересную для исследователя информацию, которая может быть использована при решении ряда проблем, в том числе и в области лексической семантики.

Психолингвистический ассоциативный эксперимент зарекомендовал себя как эффективный метод при изучении национально-культурной специфики языкового сознания, поскольку получаемое в ходе эксперимента ассоциативное поле представляет собой «фрагмент образа мира

того или иного этноса, отраженного в сознании “среднего” носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов»⁴. Совокупность ассоциативных реакций культурно специфична и отличается от одной этнолингвокультуры к другой, так как «наличие в слове не только объективной, но и субъективной семантики позволяет структурировать ассоциативные системы, существующие в этнолингвокультурах. А этнолингвокультурная специфика вербальной ассоциации проявляется в различии реакции на единое слово-стимул у представителей различных этнических групп»⁵. Национально-культурная специфичность языкового сознания общепризнана. Но, полагаем, можно говорить и об *индивидуально-профессиональной обусловленности языкового сознания*. Постулируя данное утверждение, мы, прежде всего, исходим из того, что в вербальных реакциях проявляются индивидуальные особенности испытуемых или, в терминологии Д. А. Леонтьева, «личностные смыслы». «Образы языкового сознания интегрируют в себе умственные знания, формируемые самим субъектом преимущественно в ходе речевого общения, и чувственные знания, возникающие в сознании в результате переработки перцептивных данных, полученных от органов чувств в предметной деятельности»⁶. Тогда логично предположить, что профессиональная деятельность может предопределять уникальные образы сознания, находящихся эксплицитное выражение в языковых единицах, а также особенности когнитивно-дискурсивной организации языка отдельной личности. Профессиональная маркированность ассоциативных реакций уже отмечалась в ряде исследований⁷, однако еще не проводилась связь с организацией языкового сознания отдельных профессиональных групп, а также не анализировалось сходство/различие совокупностей вербальных ассоциатов и лексико-семантических групп. Мы полагаем, что подобные соотношения можно проследить, и вышеизложенные теоретические размышления находят подтверждение в данных, полученных нами в результате проведенного психолингвистического ассоциативного эксперимента.

При исследовании профессиональной маркированности языкового сознания медиков мы первоначально планировали проведение психо-

лингвистического ассоциативного эксперимента лишь с врачами разных специальностей, однако в дальнейшем, в целях сравнительного анализа и более глубокого изучения результатов опроса, решили расширить эксперимент и включили в контингент опрашиваемых представителей других профессий.

Эксперимент проводился с двумя одинаковыми по численности группами информантов – жителями города Саратова (по 100 человек в каждой группе). Первую группу информантов составляли врачи разных специальностей. Вторая группа была представлена информантами, не являющимися медиками. Возрастные и половые различия участников ассоциативного эксперимента не являлись информативно значимыми характеристиками. Все информанты второй группы – представители разных профессий, имеют законченное высшее образование (техническое, экономическое, гуманитарное). Таким образом, в первой и второй группах все респонденты являлись жителями крупного областного центра, имеющие устойчивые профессиональные навыки, что позволяет говорить о сопоставимости двух групп и полученных результатов.

Испытуемым было предложено в качестве стимулов 60 слов разных частей речи (имена существительные, прилагательные и глаголы), но только 20 из них составляли группу так называемых «сигнальных» слов-стимулов, т. е. тех, что уже были отнесены нами к ядру или периферии лексико-семантического поля (далее – ЛСП) «Болезнь». Часть слов-стимулов представляла собой одно словообразовательное гнездо (*болезнь, болей, боль, больной, больница*), но эти слова-стимулы не следовали одно за другим в общем списке слов, а давались вразброс. Времени на обдумывание ответов информантам не предоставлялось, количество реакций на стимул допускалось от 1 до 5. Порядок ответов должен был строго соблюдаться. Однако респонденты не были ограничены в выборе конкретной части речи: в качестве ответов допускались языковые единицы различных частей речи и словосочетания. Как видим, проведенные исследования можно квалифицировать как свободный ассоциативный эксперимент. Для описания в данной статье мы выбрали результаты, полученные на предъявление девяти различных слов-стимулов (таблица).

Примеры распределения слов-реакций на сигнальные слова-стимулы

Сигнальные слова-стимулы	Слова-реакции	
	Медики	Немедики
Болезнь	боль (94), врач (89), больной (81), больница (52), страдание (50), смерть (48), температура (41), слабость (24), жалобы (17), инфекция (15), головная боль (13), жизнь (11), кома (10), ОРЗ (9), травма (?), инфаркт (6), пневмония (4), атеросклероз (2), шприц (1), госпитализация (1) и др.	боль (82), больница (71), лекарства (66), врач (63), больной (61), температура (55), больничная койка (46), страх (43), лечить (41), старость (37), хроническая (28), шприц (26), уколы (24), постель (16), лежать (15), кровь (12), желудка (8), нервная (7), капельница (4), тоска (4), наступила (4), возраст (1), порез (1) и др.

Окончание таблицы

Сигнальные слова-стимулы	Слова-реакции	
	Медики	Немедики
Врач	лечить (54), больной (47), больница (41), профессия (38), оказывать помощь (35), опытный (33), хирург (28), белый халат (26), ординаторская (23), консилиум (21), главный (20), помощь (16), начинающий (15), пациент (14), несчастный (13), терапевт (12), операционная (11), акушер-гинеколог (8), лечение (8), плохо оплачиваемый (7), травматолог (3), терпение (2), помощник (1) и др.	хороший (71), плохой (69), вызов (47), поликлиника (44), зубной (43), терапевт (40), пришел (31), вызвать (29), беседа (21), халат (21), стетоскоп (19), скорая помощь (18), шприц (17), невропатолог (14), помог (14), лечит (13), знакомый (11), доктор (10), свой (9), хирург (8), профессия (6), окулист (5), калечит (4), козел (2), равнодушный (1), придурок (1) и др.
Воспаление	температура (42), покраснение (34), боль (32), краснота (30), отек (26), болевые ощущения (21), легких (20), суставов (19), придатков (19), недомогание (19), воспалительный процесс (17), заживление (15), лечение (12), острое (11), жар (9), хроническое (8), инфекция (7), лечить (5), среднего уха (3), нарыв (1), кожи (1) и др.	легких (64), жар (23), температура (22), боль (14), прошло (11), отек (9), среднего уха (8), краснота (8), нарыв (7), кожи (3), фурункул (2), поджелудочной железы (1), сильное (1), вскрывать (1), больно (1), плохо (1) и др.
Зашивать (зашить)	рану (61), ткани (26), переднюю брюшную стенку (25), матку (25), хирургическая игла (24), «край в край» (22), «П-образно» (22), рубцом (22), операционное поле (20), шовный материал (18), хирург (17), перевязочная (14), колготки (12), чулки (8), носки (8), иголки (7), нитки (5), прореху (2), дырку в кармане (1), наволочку (1), простынь (1) и др.	одежду (69), чулки (66), дыру (65), носки (63), колготки (62), прореху (14), платье (13), костюм (12), залатать (9), заштопать (9), карман (8), штопать (7), игла (6), нитки (4), ножницы (2), ткань (2), мешок (1), шов (1) и др.
Инфекционный	процесс (91), больной (66), больница (50), заразный (31), очаг (30), среда (25), барак (23), опасный (22), изоляция (19), зараза (18), инфекция (18), врач-инфекционист (7), обеззараживающие средства (5), асептика (3), грязь (1), затхлый воздух (1) и др.	больница (64), заразный (57), опасный (42), грязный (31), зараза (17), отделение (14), центр (13), грипп (12), желтуха (9), больной (8), зараженный (5), бокс (4), гной (3), рана (2), слезы (1), жуть (1) и др.
Клиника	больница (73), врачи (66), больные (61), болезни (60), заболевания (60), стационар (54), лечение (52), лечебное учреждение (49), симптомы заболевания (40), акушерства и гинекологии (36), медперсонал (28), стоматологии (21), свита врачей (18), травматологии и ортопедии (14), кожных болезней (9), лечить (8), скорая помощь (3), работа (1), дежурить (1) и др.	больница (81), поликлиника (75), врач (70), медсестра (66), болезнь (61), медпункт (54), лечение (50), лечиться (49), лечебное учреждение (42), стационар (37), персонал (31), больные (29), дурдом (18), тоска (15), белые халаты (9), жуть (7), грязь (6), кошмар (5), не дай бог (3), алтынка (2), страшно (1), больно (1) и др.
Расстройство	желудка (88), кишечника (81), дыхания (75), кровообращения (61), речи (54), движения (47), слуха (34), зрения (27), памяти (26), душевное (26), понос (20), нарушение (20), боли в животе (17), диарея (13), дисфункция (11), души (8), нервное (8), страдать (7), ухудшение (7), плохо себя чувствовать (5), отравление (4), болезнь (3), осложнения (3), плохо (3), сильное (2), нервов (2), боль (2), лечить (2), сбой (1), сортир (1) и др.	нервов (79), желудка (75), разлад (68), речи (67), дел (63), душевное (61), волнение (57), рассердиться (42), выход из строя (39), расшататься (37), грустить (36), уйти в себя (28), понос (27), неудовольствие (25), огорчение (25), неудовлетворение (8), следы (8), нарушение (3), памяти (2), горе (2), неожиданное плохое известие (1), душевная травма (1) и др.
Слушать	больного (59), легкие (51), тоны сердца (46), хрипы (42), жалобы (37), врача (28), совет (21), фонендоскоп (19), внимательно (12), трубка (10), лекцию (10), беседу (9), но не слышать (8), музыку (8), но думать о своем (6), новости (6), радио (6), собеседника (4), вполуха (2), всякую ерунду (1), склонившись над больным (1), доктор Айболит (1), трёп (1) и др.	радио (93), музыку (91), лекцию (75), новости (62), собеседника (41), сплетни (35), диск (32), оперу (32), природу (31), и слышать (30), прислушиваться (19), вдумчиво (17), концерт (14), соловья весной (7), пение жаворонка (5), призадумываться (4), беспокоиться (2), невнимательно (2), тишину (1) и др.
Сломать	ногу (73), руку (68), перелом (59), гипс (51), бинты (48), конечности (46), лежать в кровати (40), себе жизнь (39), голову (37), шею (37), жизнь (35), дом (24), игрушку (21), машину (18), настрой (1), волю (1), аппарат дыхания (1), задранная кверху конечность (1) и др.	стул (92), жизнь (83), разрушить (71), разбить (63), руку (57), ногу (46), мебель (41), игрушки (33), вещь (20), очки (8), ручку (8), карандаш (8), часы (6), перелом (5), боль (4), гипс (4), разворочить (1), разрубить (1), свернуть шею (1), отвернуть голову (1), уничтожить (1) и др.

Анализ результатов ассоциативного эксперимента позволил сделать ряд интересных наблюдений.

1. Слова-реакции, данные информантами как 1-й, так и 2-й групп, могут быть сгруппированы в те же парцеллы, выделяемые при исследовании ЛСП «Болезнь» в письменной научной (ПНР), устной научной (УНР) и спонтанной неофициальной разговорной речи (РР) медиков. Наблюдаются такие, например, группировки, как: «Виды болезней» (*грипп, воспаление легких, ангина* и др.), «Причины болезни» (*сломать, продуть, простудиться, простуда* и др.), «Проявление болезни» (*жар, температура, кашель, давление, насморк, головная боль, понос* и др.), «Средства лечения» (подгруппа «Лекарственные средства»: *микстура от кашля, аспирин, горчичники* и др.; подгруппа «Методы лечения»: *операция, оперироваться, гипс, повязка* и др.); «Результаты лечения» (*выздороветь, поправляться, улучшение состояния* и др.), «Течение болезни» (*осложнение, воспалительный процесс* и др.), «Субъект лечения» (*врач, терапевт, невропатолог, ревматолог, гинеколог* и др.). Такая группировка слов-реакций по принципу естественной парцелляции подтверждает существование «полевого» отражения «картины мира» в сознании носителей языка, что согласуется с определением ЛСП как «незнаковой единицы» («способа отражения действительности»).

2. В реакции как медиков, так и немедиков наблюдается пересечение со словами-стимулами. Например, **болезнь** – *инфекционный, воспаление, лечить, осложнение, нарушение*; **инфекционный** – *болезнь, больница, воспаление*; **воспаление** – *инфекционный, болезнь, осложнение*; **лечить** – *болезнь, врач, больной*; **нарушение** – *болезнь, осложнение, лечить* и т. д. Кроме того, такое пересечение реакций со стимулами в значительно большей степени характерно для слов, относящихся к одному словообразовательному гнезду. Например, **боль** – *болеть, больница*; **болеть** – *боль, больной, больница*; **больница** – *болеть, больной, больница*; **больница** – *болеть, больной*.

3. В ответах медиков выявляется бóльший объем научно-практических знаний по сравнению с ответами немедиков. Это выражается в бóльшем употреблении 1-й группой испытуемых специальных терминов и профессионализмов, хотя, надо отметить, в настоящее время общеупотребительной медицинской (а подчас и узко-специальной) терминологией свободно владеет достаточно большое число людей-немедиков в силу собственного жизненного опыта. Этот опыт формируется при необходимости обращаться к врачам в случае болезни, проходить определенные медицинские процедуры, в связи с уходом за больными родственниками и общением с лечащим их медицинским персоналом и т. д. Например, на стимул **болезнь** медики дают реакции – *кома, инфекция, пневмония, фурункул, клиника* (в значении «клиническая картина заболевания»); немедики

– *температура, порез, чирей*; **врач**: медики – *терапевт, акушер-гинеколог, ревматолог, травматолог-ортопед*; немедики – *зубной, участковый*; **нарушение**: медики – *проводимости сосудов, кровообращения, цианоз, тканевая гипоксия, отеки*; немедики – *поведения, правил дорожного движения, прав человека, неисправность*; **оперировать**: медики – *операционная рана, по жизненным показаниям, в плановом порядке, экстренно*; немедики – *словами, опасность, кровь, сердце, резать, зашивать*; **осложнение**: медики – *летальное, ятрогенное, в ходе операции, в ходе гемотрансфузий*; немедики – *на работе, в делах, отношений, болезни, после гриппа* и др. Таким образом, с экстралингвистической точки зрения можно объективно наблюдать специфику реакций, обусловленную различиями в профессиональной принадлежности испытуемых.

4. В рамках одной профессиональной группы информантов (медиков) наблюдается специфика реакций на слова-стимулы, обусловленная узкой специализацией врача. Например, **воспаление** – *легких* (терапевт), *придатков* (гинеколог), *брюшины* (хирург); **зашивать** – *рана, рану* (хирург, травматолог), *переднюю брюшную стенку*, «*край в край*», «*П-образно*», *рубцом* (хирург), *матку, шейку матки* (гинеколог); **нарушение** – *проводимости сосудов, кровообращения* («сосудистый» хирург, нейрохирург), *сознания, психики, походки, координации, памяти* (невропатолог, психиатр), *одышка, отеки* (терапевт, кардиолог); **осложнение** – *в ходе операции* (хирург), *при родах* (акушер-гинеколог), *в ходе гемотрансфузий* (реаниматолог), *воспаление* (терапевт); **расстройство** – *понос, боли в животе, кишечнике* (терапевт), *кровообращения, речи, движений, памяти* (невропатолог, нейрохирург); **слушать** – *тоны сердца* (кардиолог, терапевт), *хрипы, легкие* (терапевт, пульмонолог); **травма** – *черепа* (хирург), *душевная* (невропатолог, психиатр) и др.

Анализ результатов эксперимента позволил отметить, что между стимулом и реакцией возможны самые разнообразные типы парадигматических и синтагматических отношений. Наблюдаются следующие отношения: синонимические (например, **врач** – *доктор*, **инфекционный** – *заразный* и др.); анатомические (**болезнь** – *здоровье*, **больной** – *здоровый* и др.); гиперо-гипонимические (**болезнь** – *грипп, ангина, воспаление легких*; **травма** – *перелом, ожог*; **врач** – *терапевт, хирург* и др.); квазисинонимические (**болезнь** – *нарушение, расстройство, патология* и др.); омонимические (**клиника** – 1. *Больница, стационар*; 2. *Клиническая картина заболевания*); локативные (**болеть** – *больница, дома*); признак – носитель признака (*инфекционный человек, больной*); признак – сопутствующий признак (**инфекционный** – *опасный*); признак – оценка признака (**инфекционный** – *опасно, серьезно*); признак – знак наличия признака (**болеть** – *жар, температура*); грамматическое варьирование

синонимов (**инфекционный** – *заразно*); грамматическое варьирование квазисинонимов (**болезнь** – *патологический, нарушаться*); действие – инструмент (**слушать** – *трубка, фонендоскоп*); **оперировать** – *скальпель, хирургический нож*); действие – результат действия (**сломать** – *перелом*; **зашивать** – *шов*) и др.

Результаты ассоциативного эксперимента, примененного при исследовании языкового сознания медиков, позволяют сделать следующие выводы:

1) «полевое» отражение действительности реально существует в сознании носителей языка; слова-стимулы, относящиеся к ЛСП «Болезнь», «притягивают» к себе слова-реакции, значительная часть которых также будет входить в состав данного поля; слова-реакции хорошо группируются по парцеллам; парцеллы могут относиться как к ядру, так и к периферии поля;

2) большая доля пересечений реакций со стимулами приходится на слова, объединенные одним словообразовательным гнездом;

3) профессиональная принадлежность информантов обуславливает специфику их реакций;

4) узкая специализация людей в пределах одной профессиональной группы выявляет более очевидно специфику их реакций;

5) слова-стимулы и слова-реакции могут быть разнообразных парадигматических и синтагматических отношений.

Таким образом, психолингвистический ассоциативный эксперимент является весьма продуктивным и информативным приемом в изучении профессиональной обусловленности языкового

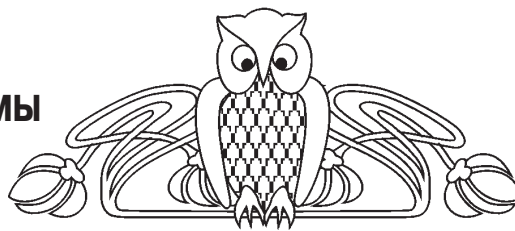
сознания медицинских работников. Полученные результаты позволяют судить об отличиях в строении ЛСП «Болезнь» в речи отдельных профессиональных групп. Проведенные исследования показали, что профессиональная деятельность детерминирует индивидуальное языковое сознание отдельной личности – носителя языка и культуры. В дальнейшем было бы интересно проследить универсальные и национально-культурные признаки, проявляющиеся в языковом сознании медицинских работников разных специальностей.

Примечания

- 1 Тарасов Е. Языковое сознание – перспективы исследования (предисловие) // Языковое сознание : содержание и функционирование : XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации : тез. докл. М., 2000. С. 3.
- 2 Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А. Леонтьева. М., 1977.
- 3 Ассоциативный тезаурус русского языка. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. М., 1994 (Т. I), 1996 (Т. II).
- 4 Уфимцева Н. Русские : опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. науч. тр. М., 1996. С. 139.
- 5 Привалова И. Интеркультура и вербальный знак. М., 2006. С. 321.
- 6 Тарасов Е. Указ. соч. С. 3.
- 7 См. например: Одиноква Н. Специфика профессионально детерминированных ассоциативных реакций (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004.

УДК 81'1

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ: ПРОБЛЕМЫ ДЕФИНИЦИИ И КЛАССИФИКАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ

Р. З. Назарова, М. В. Золотарев

Саратовский государственный университет
E-mail: rz-nazarova-dean@rambler.ru; mizrkb@gmail.com

В статье рассматривается вопрос определения и классификации прецедентных феноменов с позиций комплексного подхода. На основе проведенного анализа дается определение и выделяются основные и дополнительные признаки прецедентных феноменов, а также строится иерархия прецедентных феноменов.

Ключевые слова: прецедентные феномены, признаки прецедентных феноменов, иерархия прецедентных феноменов, языковая личность, теория прецедентности.

Precedent Phenomena: Problems of Definition and Classification

R. Z. Nazarova, M. V. Zolotarev

The article addresses the problem of precedent phenomena definition and classification from the point of view of the complex approach. Based on the undertaken analysis, the authors give the definition of precedent phenomena, distinguish their main and complementary characteristic features as well as build the hierarchy of the precedent phenomena.

Key words: precedent phenomena, characteristic features of precedent phenomena, hierarchy of precedent phenomena, lingual identity, theory of precedent phenomena.

В отечественной лингвистике в последние годы развиваются несколько основных подходов исследования прецедентных феноменов. Один из них совмещает положения теории языковой личности и когнитивной лингвистики (Ю. Н. Караулов, Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева, Ю. Е. Прохоров, В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова, Е. А. Нахимова, Н. А. Голубева, В. Л. Латышева, В. И. Макаров, Н. В. Петрова). Другой подход основывается на достижениях молодой отрасли лингвистики – лингвокультурологии (С. Л. Кушнерук, Г. Г. Слышкин, Л. И. Гришаева). Наконец, третий рассматривает прецедентные феномены с позиций теории интертекстуальности (А. Е. Супрун, Н. М. Орлова, Г. Д. Распаева, Н. В. Иноземцева, Н. А. Кузьмина, А. Д. Васильев, И. И. Яценко, А. А. Евтюгина, С. С. Чистова). Несмотря на то что столь большое количество ученых посвящают свои работы изучению прецедентных феноменов, пока нельзя уверенно говорить о том, что данное явление всесторонне исследовано. Перечисленные выше системы лингвистического знания, в рамках которых изучаются прецедентные феномены, в некоторых случаях допускают разные трактовки базовых понятий и выделяют в качестве основных и второстепенных различные признаки прецедентности. Все это, на наш взгляд, показывает, что языковая прецедентность – явление сложное и многогранное, требующее комплексного всестороннего подхода к своему изучению.

Впервые термин «прецедентный текст» был употреблен Ю. Н. Карауловым в работе «Русский язык и языковая личность». Ученый рассматривал вопрос прецедентных текстов в рамках теории языковой личности, объясняя их употребление прежде всего коммуникативно-деятельностными потребностями личности¹.

Согласно Ю. Н. Караулову, прецедентные тексты обладают такими основными отличительными признаками, как хрестоматийность и реинтерпретируемость. Объясняя понятие хрестоматийности прецедентных текстов, ученый высказывает обоснованное, на наш взгляд, предположение, что знакомство языковой личности с прецедентными текстами происходит в процессе обучения в школе и в процессе социализации, так как «если даже они [прецедентные тексты] не входят в программу общеобразовательной школы, если даже их там не изучали, то все равно все говорящие так или иначе знают о них, – прочитав их сами или хотя бы понаслышке»². В связи с этим необходимо подчеркнуть важность осведомленности носителей языка о прецедентных текстах, поскольку «знание прецедентных текстов есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре, тогда как незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры»³. Однако Ю. Н. Караулов отмечает и временную непостоянность прецедентных текстов. Он полагает, что со временем их база меня-

ется: какие-то прецедентные тексты устаревают, их сменяют новые.

Ю. Н. Караулов также описывает еще один аспект. Рассуждая о способах существования прецедентных текстов, ученый подчеркивает, что прецедентным текстам присущ семиотический способ существования, при котором «обращение к оригинальному тексту дается намеком, отсылкой, признаком, и тем самым в процесс коммуникации включается либо весь текст, либо соотносимые с ситуацией общения или более крупным жизненным событием отдельные фрагменты; в таком случае весь текст или значительный его фрагмент выступают как целостная единица обозначения»⁴. На наш взгляд, данное свойство прецедентных феноменов является одним из определяющих; оно позволяет выявлять прецедентные тексты из потока речи. Для иллюстрации данного положения рассмотрим следующий пример:

A: Он часто ездил в Москву.

B: Ах, да! Москва.... как много в этом звуке...⁵

В данном примере одно и то же имя собственное (Москва) и употребляется в качестве топонима (реплика А), и входит в состав прецедентного высказывания (реплика В), выражающего особое чувства говорящего к данному городу путем повторения строчки из произведения А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Во второй реплике прецедентное высказывание воспринимается как целостная единица, несущая определенный смысл.

Таким образом, для Ю. Н. Караулова основными признаками прецедентных текстов являются:

- 1) значимость в эмоциональном и познавательном аспекте;
- 2) хрестоматийность (широкая сфера бытования, общеизвестность);
- 3) неоднократная возобновляемость (повторяемость);
- 4) реинтерпретируемость (способность воплощаться в других формах искусства, помимо словесного);
- 5) хронотопическая маркированность (прецедентные тексты принадлежат определенной эпохе и культуре);
- 6) семиотический способ существования.

Перечисленные признаки позволяют довольно четко отличить прецедентные тексты от текстов другого рода, также они описывают некоторые особенности функционирования прецедентных текстов в дискурсе языковой личности.

Однако не только тексты могут обладать прецедентным характером. Согласно теории прецедентности, большой вклад в развитие которой внесли Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко и Д. В. Багаева, существует целый ряд языковых феноменов, обладающих прецедентным характером.

Вот какие феномены ученые определяют как прецедентные:

1) хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества (имеющие сверхличностный характер);

2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане;

3) обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества⁶.

К прецедентным феноменам Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко и Д. В. Багаева относят прецедентный текст, прецедентную ситуацию, прецедентное высказывание и прецедентное имя. Ученые полагают, что прецедентный текст и прецедентная ситуация являются более широкими понятиями и зачастую в речи не могут быть использованы в своем полном объеме. В связи с этим они вводят в оборот такое понятие, как символ прецедентного текста или прецедентной ситуации, в качестве которых могут выступать прецедентное имя и прецедентное высказывание⁷. По мнению ученых, прецедентные тексты и прецедентные ситуации могут актуализироваться прецедентными именами или прецедентными высказываниями.

Таким образом, происходит расширение выдвинутого Ю. Н. Карауловым понятия. Данная тенденция на расширение трактовки характеризуется не только введением нового родового понятия, но и пониманием термина «текст» в широком смысле. Так, например, В. В. Красных ставит вопрос о протяженности прецедентного текста и высказывает идею о том, что само понятие «текст» может восприниматься очень широко. Указывая на работы Ю. М. Лотмана, она подчеркивает, что вся культура может восприниматься как один большой текст⁸, что, например, позволяет определять разные памятники культуры (например собор Василия Блаженного) как невербальные прецедентные тексты. Данная трактовка обуславливает классификацию всех прецедентных феноменов на две большие категории: вербальные и невербальные⁹.

Такая широкая трактовка прецедентного текста и появление термина «прецедентный феномен» переносит рассматриваемый вопрос в другую плоскость. Положения теории языковой личности не могут объяснить всех аспектов употребления и функционирования прецедентных феноменов, что заставляет искать новые методы изучения явления прецедентности, используя дискурсивные и лингвокультурологические подходы.

Так, например, Е. Ю. Прохоров подчеркивает, что употребление прецедентных текстов связано с «системой знаний о мире и образах мира, которые реализуются в данной этнокультуре»¹⁰. Соответственно, изучение прецедентных текстов может находиться в области лингвокультурологии и подвергаться лингвокультурологическому анализу.

Данный вектор исследования получил свое распространение в последнее десятилетие. Основными особенностями данного подхода

являются: а) восприятие прецедентного феномена как репрезентатора артефакта человеческой культуры и б) наиболее широкое понимание текста (соотносимое с теорией семиотики культуры Ю. Н. Лотмана). Данные особенности обуславливают наиболее широкое понимание понятия «прецедентный текст». Например, Г. Г. Слышкин отмечает, что прецедентный текст «может быть любой протяженности: от пословицы или афоризма до эпоса»¹¹. Снимая (неоправданно, на наш взгляд) некоторые ограничения в первоначальном определении прецедентного текста, введенного Ю. Н. Карауловым, в отношении таких критериев, как широта и время его существования и употребления (Г. Г. Слышкин считает, что существуют тексты прецедентные для узкого круга людей и тексты, становящиеся прецедентными на относительно короткий срок, например рекламный слоган), ученый максимально расширяет понятие, что несколько размывает его границы. Под предложенное определение теперь попадают такие явления, как внутритекстовые аллюзии, фразеологизмы, пословицы и поговорки.

Оппозицию данному лингвокультурологическому подходу составляет когнитивный подход. Например, правомерной представляется точка зрения В. В. Красных, которая подвергала критике некоторые идеи Ю. Е. Прохорова. Она высказала несогласие с тем, что сами прецедентные тексты в полном виде могут быть использованы в речи, ибо «они есть нечто большее»¹². Исследователь утверждает, что за каждым прецедентным текстом скрывается инвариант восприятия, который будет иметь различные характеристики в индивидуальном и общекультурном планах. Поэтому прецедентные тексты не могут быть полностью употреблены в речи. Таким образом, В. В. Красных возвращается к термину «символ прецедентного текста», который служит средством актуализации прецедентных текстов в речи¹³, что, на наш взгляд, вполне объективно объясняет механизм употребления прецедентных феноменов в речи.

Последующая разработка теории прецедентности проводилась в свете когнитивного подхода (Д. Б. Гудков и В. В. Красных). Понятие «концепт» и теория прототипов использовались для описания структуры и механизмов функционирования прецедентных феноменов. Д. Б. Гудков и В. В. Красных рассматривали особенности употребления прецедентов в речи и способы хранения концептов прецедентов в языковом сознании. Масштабность исследований и авторитет ученых сделали тему прецедентных феноменов необычайно популярной, что породило появление огромного количества работ на эту тему, отличительной особенностью которых является то, что авторы рассматривают прецедентные феномены в их функционировании в разных типах дискурса. В частности, были подвергнуты исследованию политический (О. А. Ворожцова, А. Б. Зайцева), молодежный (Л. Ю. Федорова), художественный

(Е. Ю. Попова, С. В. Банникова), публицистический (Л. Э. Рогозина, Е. И. Карташевой), мультипликационный (М. И. Косарев), фольклорный (К. А. Богданов), юмористический (Ю. В. Щурин, А. А. Проскурина), кинематографический (Е. В. Скворцова) и другие виды дискурса.

В результате многочисленных исследований, проводимых в рамках дискурсивно-когнитивного подхода, первоначальное определение, данное Ю. Н. Карауловым, много раз дополнялось. Приведем определение Н. В. Смыкуновой, которое, на наш взгляд, наиболее полно отражает основные тенденции данного подхода:

«Прецедентные феномены – это единицы дискурса, регулярно возобновляемые в речи, известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества, имеющие общий минимизированный коннотативно окрашенный инвариант восприятия, обращение к которому понятно без дополнительной расшифровки»¹⁴.

Данное определение старается снять сразу несколько вызывающих полемику вопросов. Во-первых, подчеркивается широкая известность прецедентных феноменов среди представителей определенного лингвокультурного сообщества (прецеденты, известные узкому кругу людей, в расчет не принимаются). Во-вторых, обязательным критерием является наличие определенного инварианта восприятия, закрепленного в коллективном языковом сознании определенного сообщества людей. В-третьих, процесс декодирования прецедентных феноменов не должен вызывать затруднений у носителей языка, соответственно, это позволяет предположить, что для создателей данного определения не только широкая известность прецедентных феноменов является обязательным условием, но также и клишированность их употребления. И наконец, употребление прецедентных феноменов должно обладать константным характером.

Таким образом, большинство из вышеперечисленных авторов выделяют следующие основные признаки прецедентных феноменов:

- 1) инвариантность;
- 2) воспроизводимость;
- 3) клишированность.

К перечисленным признакам представляется возможным добавить еще два: эталонность и аксиологическая маркированность.

Об эталонности прецедентных феноменов впервые упоминает И. В. Захаренко. Ученый отмечает, что успех функционирования прецедентов в речи зависит от их способности выступать неким эталоном, «меркой» для определенного явления действительности; носители языка могут прибегать к коллективной памяти, находя там определенные тексты, имена, ситуации, схожие с явлениями настоящей действительности и, следовательно, способные их описывать¹⁵. Таким образом, в самом широком смысле прецедент есть шаблон, который используют носители языка для

описания ситуаций действительности. Данная идея тесным образом связана с понятием стереотипности языкового поведения, тенденции людей не придумывать что-либо новое, но использовать уже готовые обороты и клише.

О наличии у прецедентов ценностной составляющей написано большое количество работ (Г. Г. Слышкин, Л. Ю. Федорова, Е. А. Нахимова, Л. И. Гришаева, Е. Н. Горбунова и др.), основной тезис многих заключается в том, что ценностная составляющая обуславливает закрепленность (пусть даже на короткий срок) прецедентов в дискурсе носителей языка и стимулирует их употребление в речи. Однако ценностный аспект «оказывается величиной относительной»¹⁶, так как со временем состав прецедентов меняется.

С нашей точки зрения, ценностная составляющая прецедентов имеет двойственную природу. С одной стороны, прецеденты могут играть роль неких «культурных скреп», сцепляющих отдельные культурные пласты и исторические эпохи в единую систему (см. работы Л. И. Гришаевой и Е. В. Скворцовой). С другой стороны, прецеденты есть лишь отражение ценностных представлений об окружающей действительности, общественных и личностных взаимоотношениях, нравственных приоритетах, характерных для определенного социально-исторического этапа и специфичных для определенного лингвокультурного сообщества¹⁷.

Данная особенность прецедентных феноменов отражает различные ценности, присущие определенному лингвокультурному сообществу на определенном этапе его развития, позволяет сделать вывод о том, что прецедентные феномены являются, в первую очередь, единицами дискурса языковой личности, а не единицами языковой системы в целом. При этом прецеденты обладают достаточно неустойчивой семантикой: прецедент «не имеет устойчивого, закрепленного за ним переносного значения, что позволяет варьироваться его актуальному смыслу в довольно широком диапазоне»¹⁸. Поэтому довольно трудно говорить о каком-то одном основном значении прецедентного феномена. Как показывает практика, один и тот же прецедентный феномен может обозначать различные понятия в зависимости от контекста употребления. Например, прецедентное имя в разных контекстах может актуализировать как внутренние качества «прецедентной личности», так и ее внешние атрибуты/признаки. Оно также может отражать некоторые факты, связанные с прецедентным текстом или с прецедентной ситуацией, в которых фигурировала «прецедентная личность». Поэтому можно заключить, что «прецедентные феномены проявляются в употреблении; вне контекста коммуникации говорить о проявлении их прецедентных свойств (метафоричности, регулярной воспроизводимости) не приходится»¹⁹.

В связи с этим представляется весьма правомерным предположение, высказанное

С. Н. Долевым, который считает, что концепты прецедентных феноменов имеют инвариативную и вариативную части²⁰. Под инвариативной составляющей подразумевается наличие неких дифференциальных признаков прецедентного феномена, которые известны достаточно широкой аудитории и обязательно присутствуют в структуре индивидуального концепта прецедентного феномена каждой языковой личности. Вариативная составляющая носит индивидуальный характер и зависит от особенностей апперцепции языковой личности (под апперцепцией понимают влияние предыдущего опыта на восприятие новой информации²¹). Таким образом, структура концепта прецедентного феномена подразумевает наличие определенного ядра (инвариант) и периферии (вариативная, индивидуальная составляющая). Рассмотрим два примера, в которых один и тот же прецедентный феномен будет использован в разных значениях.

(1) *Страстный мачо, любимец женщин, этакий д'Артаньян.*

(2) *Позиция «Я – д'Артаньян, а все кругом... нехорошие люди» уж точно выдает в руководителе такого эйфорического мизантропа и может служить только отрицательной характеристикой²².*

Прецедентное имя «д'Артаньян» в примере 1 и в примере 2 используется в атрибутивной функции. В примере 1 прецедентное имя характеризует мужчину как искателя любовных побед, в то время как пример 2 актуализирует причастность человека к избранному кругу. Использование прецедентного имени «д'Артаньян» в примере 2 является более традиционным и отражает некоторые инвариативные признаки данного прецедентного феномена. В примере 1 употребление прецедентного имени построено на основе индивидуального восприятия литературного героя произведений А. Дюма.

Итак, прецедентные феномены занимают определенное место в структуре языковой личности, реализуются в ее дискурсе и отражают особенности не только индивидуальной, но и коллективной картин мира. В связи с этим правомерным представляется тезис о том, что источником прецедентных феноменов могут выступать события и факты, отражающие жизнь определенной языковой личности, а также определенного лингвокультурного сообщества. Следовательно, такое свойство прецедентных феноменов, как известность, может быть использовано для построения иерархии прецедентных феноменов в сознании языковой личности. Идея построения подобной иерархии принадлежит С. Н. Долеву. Несколько модифицируя его теорию, представим данную иерархию в виде следующей схемы (рисунок).

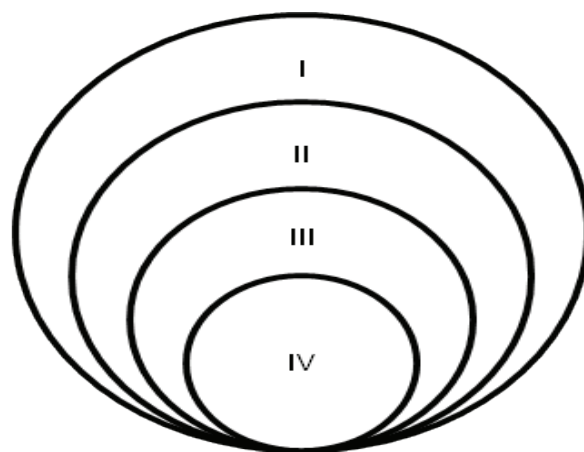
Согласно нашей иерархии, внешний, первый, круг составляют прецедентные феномены, хорошо известные в определенном лингвокультурном

сообществе. Такие прецедентные феномены известны практически любому представителю, именно их Ю. Н. Караулов характеризовал как «хрестоматийные». Стоит отметить, что данные прецедентные феномены должны быть известны не только современникам языковой личности, но и ее предшественникам. На периферии этого круга находятся прецедентные феномены, характерные для определенной исторической эпохи. Вытеснение же данных прецедентных феноменов с периферии первого круга во второй происходит со сменой поколений. Например, такое прецедентное имя, как *Пушкин*, не скоро перейдет из первого круга во второй в связи со значимостью вклада А. С. Пушкина в развитие русского культурного сообщества, и вот такое прецедентное имя, как *Чубайс*, обращение к которому в 90-е гг. XX столетия было довольно частым (включая не только дискурс СМИ, но и бытовой дискурс, что находило свое отражение в многочисленных анекдотах и поговорках), сейчас практически не употребляется, а если и будет употреблено в качестве прецедентного имени, то останется понятным только социальной группе определенного возраста.

Второй круг составляют прецедентные феномены, известные большой социальной группе. Критериями для выделения данных больших социальных групп могут выступать гендер, возраст, социальный статус, профессия, религиозные предпочтения и др.

Третий круг составляют прецедентные феномены малых социальных групп, таких как семья, рабочий коллектив, компания друзей и др.

Четвертый круг составляют индивидуальные прецедентные феномены, отражающие языковое сознание отдельной языковой личности, ее кругозор и интересы.

Иерархия прецедентных феноменов: I – ПФ, хорошо известные в данном ЛКС, II – ПФ, известные большой социальной группе, III – ПФ, известные малой социальной группе, IV – Индивидуальные ПФ. Сокращения: ПФ – прецедентные феномены, ЛКС – лингвокультурное сообщество

Важно отметить, что, по нашему мнению, перемещение прецедентных феноменов может наблюдаться как из внутреннего круга во внешние, так и наоборот. Обратное движение характерно для прецедентных феноменов, теряющих свой «прецедентный» характер. Потеря прецедентным феноменом такого своего свойства, как известность, обуславливает утрату основного признака: отсылка на известный текст или ситуацию. Если никто не помнит источника прецедентного феномена или даже не знаком с ним понаслышке, то такой прецедентный феномен просто перестает быть прецедентным, так как отсылка на первоисточник перестает быть возможной.

Представляется верным предположить, что возникновение прецедентных феноменов происходит на индивидуальном уровне (например, в случае создания текстов, которые в последующем могут приобрести статус прецедентных) или же на уровне малых групп (в случае разнообразных исторических событий и ситуаций). Получая широкую известность, данные прецедентные феномены имеют возможность закрепиться в сознании большой группы людей и приобрести статус национальных, культурных или цивилизационных (в зависимости от широты распространения). На устойчивость закрепления прецедентных феноменов будут влиять многие факторы. Однако, вероятно, самую главную роль в процессе закрепления прецедентных феноменов будет играть их ценностная составляющая. Если прецедентный феномен отражает какое-либо явление или факт действительности, являющийся актуальным и особенно ценным для данного лингвокультурного сообщества, то он сможет надолго закрепиться в коллективной памяти носителей языка.

Отметим, что в различные исторические эпохи условия формирования прецедентных феноменов были разными. Интенсивность процесса накопления и закрепления прецедентных феноменов, на наш взгляд, напрямую связана с процессом обмена информацией между людьми. Можно предположить, что объем прецедентных феноменов значительно возрос после изобретения книгопечатания и распространения книг разных авторов. Появление газет, а затем и телевидения ускорило процесс обновления когнитивных баз прецедентных феноменов и расширило сферы их источников. На данный момент процесс возникновения и отмирания прецедентных феноменов (а также их объем и варьирование) значительно ускорился за счет появления Интернета и общения людей в социальных сетях. Молодая часть сообщества, которая наиболее активно использует возможности социальных сетей, черпает источники прецедентных феноменов из виртуальной реальности. На Западе большую популярность в последнее время приобрели такие платформы, как Facebook и Youtube, в первую очередь, из-за того, что они позволяют узнавать и распространять информацию со скоростью одного «клика». Появление таких

понятий, как «viral video» или «viral song» (под которыми подразумевается молниеносное и широкое распространение разнообразных сюжетов: от видеоклипа до песни), отражает тенденции современного языкового общения. На современном этапе развития человеческого общества источником прецедентных феноменов может стать любой человек. Высказывания, ситуации, имена, ставшие прецедентными в сети Интернет, нередко переносятся из виртуального в сферу реального общения. Авторы настоящей статьи, например, ни один раз были свидетелями употребления в повседневной речи прецедентного высказывания *Ain't nobody got time for that*, принадлежащего американке Свит Браун, ставшей популярной благодаря ролику на Youtube в жанре Autotune.

Современные реалии, характеризующиеся быстрой сменой информации, быстрым ее распространением и быстрым «забыванием», находят свое отражение и в процессе формирования прецедентных феноменов. Вопрос о том, продолжит ли свое распространение современная тенденция на формирование кратковременных прецедентных феноменов, источником которых является Всемирная паутина, остается открытым.

Обобщая собранный и проанализированный материал, представляется возможным дать следующее определение прецедентным феноменам: **под прецедентными феноменами понимаются целостные единицы коммуникации, являющиеся апелляцией к прошлому явлению действительности и обладающие ценностной значимостью для отдельно взятой языковой личности или вплоть до лингвокультурного сообщества в целом.**

Основываясь на опыте Е. А. Нахимовой и В. Л. Латышевой, к **основным признакам прецедентных феноменов** относим:

1) **отсылочность**²³ – способность прецедентных феноменов осуществлять отсылку на первоисточник (отметим, что степень осведомленности о первоисточнике в каждом конкретном контексте общения может варьироваться);

2) наличие **ценностной составляющей** – прецедентный феномен должен выражать определенную (положительную или негативную) ценность, что может проявляться в коннотативной окрашенности языковой единицы, объективизирующей концепт прецедентного феномена;

3) **эталонность** – способность прецедентных феноменов выступать неким эталоном/шаблоном для факта или явления действительности;

4) **семиотический способ существования** – возможность прецедентных феноменов выступать в качестве целостной единицы обозначения.

Соответственно, к **дополнительным признакам/свойствам** прецедентных феноменов (которые не всегда могут проявляться в контексте), на наш взгляд, относятся:

1) широкая распространенность и общеизвестность;

- 2) клишированность;
- 3) возобновляемость и повторяемость;
- 4) метафоричность;
- 5) имплицитность значения;
- 6) реинтерпретируемость;
- 7) хронотопическая маркированность;
- 8) способность выражать определенные отношения между двумя различными текстами;
- 9) включенность в систему ценностей определенной группы;
- 10) способность репрезентировать культурный артефакт.

Данные свойства прецедентных феноменов, по нашему мнению, относятся к дополнительным, следовательно, они могут проявляться только в определенных контекстах и свойственны не всем прецедентным феноменам, в то время как перечисленные выше основные признаки – это именно то, что отличает прецедентные феномены от других языковых явлений и единиц.

Примечания

- ¹ См.: Караулов Ю. Русский язык и языковая личность. М., 2010. С. 215.
- ² Там же. С. 216.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же. С. 217.
- ⁵ Zolotarev M. Precedent Phenomena : The Role of Cultural Reference in Dostoevsky's Novel *Demons*. Saarbrücken, 2014. P. 7.
- ⁶ См.: Красных В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. М., 1997. С. 8–9.
- ⁷ См.: Захаренко И., Красных В., Гудков Д., Багаева Д. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Там же. С. 82.

- ⁸ См.: Красных В. Указ. соч. С. 9.
- ⁹ См.: Захаренко И. К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. М., 1997. С. 107.
- ¹⁰ Прохоров Ю. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 2008. С. 155.
- ¹¹ Слышкин Г. Лингвокультурные концепты прецедентных феноменов в сознании и дискурсе. М., 2000. С. 29.
- ¹² Красных В. Указ. соч. С. 8.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Смыкунова Н. Прецедентные феномены в речевом общении русской языковой личности и процессе обучения русскому языку как иностранному : дис. ... канд. пед. наук. М., 2003. С. 52.
- ¹⁵ См.: Захаренко И. Указ. соч. С. 107.
- ¹⁶ Петрова Н. Эволюция понятия «прецедентный текст» // Вестн. Иркут. гос. лингв. ун-та. 2010. Вып. 2. С. 181.
- ¹⁷ См.: Федорова Л. Прецедентные феномены культуры в сознании современной студенческой молодежи : опыт социокультурного анализа : дис. ... канд. соц. наук. Ростов н/Д, 2008. С. 25.
- ¹⁸ Макаров В. Субстантивные фразеологизмы и прецедентные имена // Вестн. Новгор. гос. ун-та. 2009. № 51. С. 76.
- ¹⁹ Там же. С. 75.
- ²⁰ См.: Долевец С. Об иерархии прецедентных феноменов в сознании языковой личности // Политическая лингвистика. 2005. № 16. С. 148.
- ²¹ См.: Мокишанцев Р. Психология рекламы : учеб. пособие. М. ; Новосибирск, 2001. С. 27–29.
- ²² Примеры по В. И. Макарову.
- ²³ Термин Н. А. Голубевой, см.: Голубева Н. Деривационная активность концепта «прецедент» // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2008. № 5. С. 259–264.

УДК 811.161.1'276.16+929Екатерина II

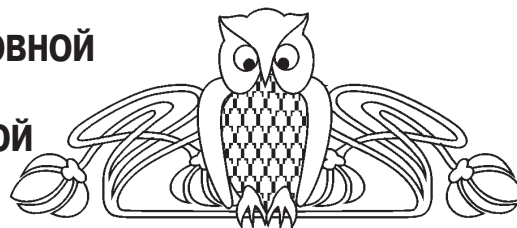
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА КАК ОСНОВНОЙ ЭЛЕМЕНТ ПРАГМАТИЧЕСКОГО УРОВНЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ

А. Ю. Никитина

Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова,
Чебоксары
E-mail: alyona.nikitina@gmail.com

В статье рассматривается специфика языковой личности Екатерины Второй на прагматическом уровне, анализируются использованные в ее текстах фразеологические единицы как основное орудие прагматического воздействия на реципиента.

Ключевые слова: Екатерина Вторая, языковая личность, прагматический уровень, фразеологическая единица.

Phraseological Unit as the Main Element of Pragmatic Level of Language Personality of Catherine II

A. Yu. Nikitina

The article analyzes the specificity of the linguistic personality of Catherine II on a pragmatic level, studies phraseological units, used in her texts, as the main instrument of pragmatic impact on the recipient.

Key words: Catherine II, linguistic personality, pragmatic level, phraseological unit.

Прагматический, или мотивационный, уровень, по мнению Ю. Н. Караулова, является высшим в структуре языковой личности и «играет главенствующую роль в иерархии уровней»¹. Он наиболее сложен и многогранен в организации языковой личности, а также «труднодоступен» для исследователя в связи с тем, что цели, мотивы, интенциональности, интересы любого человека строятся, прежде всего, на эмоциях и аффектах, языковое выражение которых рассмотрено в лингвистической литературе пока еще недостаточно.

Исследователи языка отмечают актуальность применения прагматического подхода к исследованию языковой личности в современной науке в связи с тем, что этот подход учитывает «фактор изменчивости установок, целей, речевых тактик языковой личности в зависимости от условий коммуникативной ситуации и выбора речевого партнера»². Анализируя различные речевые интенции человека, ученые-лингвисты прослеживают четкую зависимость выбора той или иной коммуникативной единицы от ситуации и стратегии общения (например, О. С. Иссерс³).

При описании особенностей прагматического уровня языковой личности исследователи вслед за Ю. Н. Карауловым останавливаются, прежде всего, на прецедентных текстах. По словам лингвиста, «образы прецедентных текстов» служат «лингвистическим коррелятом коммуникативно-деятельностных потребностей личности как основных единиц мотивационного уровня»⁴.

Анализ прецедентных текстов имеет большое значение для характеристики языковой личности Екатерины II на прагматическом уровне как русской языковой личности, поскольку именно знание и использование прецедентных текстов свидетельствует, прежде всего, о принадлежности императрицы Екатерины II к данной эпохе и культуре (XVIII столетие), а также позволяет судить о национально-детерминированных принципах и стратегиях ее общения и письма.

Изучение огромного языкового наследия Екатерины II показало, что великая императрица прекрасно знала и чувствовала дух языка русского народа. Ярким подтверждением данного факта стало ее творчество, созданные ею произведения. Богатство и разнообразие прецедентных текстов, различные способы их отбора из общенародного языка и своеобразное использование в текстах – все это является свидетельством большого художественного таланта и языкового мастерства Екатерины II.

Прецедентные тексты в работах императрицы представлены в большом количестве. Наиболее типичными для описания и характеристики прагматического уровня языковой личности Екатерины II являются, на наш взгляд, следующие элементы: пословицы и поговорки, фразеологические единицы, цитаты и трансформированные выражения из Библии и Священного писания, а также прецедентные имена.

Объектом изучения данной статьи является фразеологическая единица как основное орудие прагматического воздействия Екатерины II на реципиента.

Лингвистический анализ языкового материала Екатерины II продемонстрировал широкое использование императрицей фразеологических единиц (ФЕ). По определению, принадлежащему В. Н. Телия, фразеологизм (фразеологическая единица) – это «общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава»⁵. Именно фразеологическая единица выступает в качестве специфического языкового знака, в семантику которого изначально заложено эмоционально-оценочное отношение субъекта коммуникативно-прагматической деятельности к объекту действительности. ФЕ хранят и транслируют из поколения в поколение знания о выработанной в обществе системе обычаев, традиций, законов и обыденных представлений о мире.

Говоря об исключительной важности анализа фразеологических единиц при изучении специфики языковой личности, Л. Ю. Буянова подчеркивает, что на данный момент «ФЕ интерпретируются как специфические экспрессивные и прагматические экспликативы языковой личности»⁶. Устойчивые сочетания фразеологического типа выступают как специфический элемент передачи особенностей национального миропонимания, духа народа, народной жизни.

Изучение прагматического уровня языковой личности Екатерины II, в частности, анализ фразеологических единиц, отраженных в работах великой императрицы, показывает, что использование тех или иных фразеологических единиц языковой личностью, Екатериной II, обуславливаются религиозной, этнокультурной, ментальной, духовно-нравственной, социально-исторической спецификой. Немаловажным фактором являются также ее национальные социокультурные установки и ценности. «Исследование единиц языка с учетом культурных традиций определенного этноса дает представление об образе мира носителя данного языка. Такой анализ осуществляется в процессе лингвокультурологического изучения текста, основная цель которого состоит в выявлении важных для культуры и традиции фрагментов действительности»⁷.

Функции фразеологических единиц в произведениях Екатерины Великой таковы: 1) они делают речь образной, выразительной; 2) лаконизируют речь; 3) придают ей эмоционально-экспрессивную окраску; 4) обеспечивают речь ценными обобщающими умозаключениями (т. е.

выполняют функцию широких жизненных обобщений); 5) обеспечивают терминологическую точность речи; 6) облегчают смысловой подбор (сочетание) слов в речи. Проведенный нами анализ языковых единиц показывает, что именно фразеологическая единица включает в себе наиболее сильный прагматический потенциал воздействия на адресата (реципиента).

Анализ фразеологического материала, собранного в ходе изучения языковой личности Екатерины II, позволяет сделать ряд наблюдений о специфике фразеологических единиц, а также об особенностях их употребления в разных произведениях императрицы и в различных речевых ситуациях. Фразеологический спектр активного словаря российской императрицы представлен несколькими разновидностями устойчивых выражений.

Основную часть фразеологического материала составляют литературные фразеологические единицы. Это группа ФЕ, которая совершенно не отличается в употреблении от соответствующих единиц литературного языка, используются без каких-либо изменений в форме и в оттенке значения: *...дело, которое действительно было вопиющим и которое бы еще не кончилось так рано, если бы я не посоветовала великому князю разубить гордиев узел, отправив приказ выпустить Гольмера* («Собственноручные записки императрицы Екатерины II»⁸); *Ну, господинь Некопейковъ, ты очень остеръ и на выдумки собаку съѣлъ...* (комедия «Именины госпожи Ворчалкиной»); *Что же ты за Фома неверный?* («Рассказы. Баба бредит, чорт ли ей верит»); *Военным людям потакал во всякой индисциплине, об штатах никаких не думал ни он, ни подчиненные его, кои рыбу ловили в мутной воде* («Рассказ Императрицы Екатерины II-й о первых пяти годах ее царствования»).

В речи императрицы Екатерины II отмечается также использование трансформированных фразеологических единиц. Наличие индивидуально-авторских трансформаций является ярким свидетельством не только хороших знаний устойчивых сочетаний языка, но и умения обыгрывать особенности семантики, компонентного (словарного) состава той или иной фразеологической единицы, ее образной основы, а также способности создавать на основе уже известных фразеологизмов новые формы и единицы и в том числе даже слова: *А! вотъ тутъ-то раки-то зимуютъ* (комедия «Невѣста невидимка»). Ср. фразеологизм «показать (узнать, знать), где раки зимуют». В данном случае трансформации подвергся не только словарный состав устойчивого выражения, но было изменено и значение. Так, фразеологизм «узнать, где раки зимуют» имеет значение «узнать, что значит настоящие трудности»⁹, но в контексте комедии данное выражение получает значение «теперь понятно, в чем здесь был подвох, какой был умысел во всем». *Он мне сказал, что пят-*

надцатилетний философ не может еще себя знать и что я окружена столькими подводными камнями, что есть все основания бояться, как бы я о них не разбилась, если только моя душа не исключительного закала... («Собственноручные записки императрицы Екатерины II»). Ср. фразеологизм «подводные камни» – «скрытые опасности, препятствия, затруднения»¹⁰. Здесь происходит расширение компонентного состава ФЕ и благодаря этому расширение сочетаемости единиц устойчивого выражения – «*окружена подводными камнями*». *Я его спросила: разве для того, чтобы ему понравиться, нужно гнуть спину, как рабы турецкого султана?* («Собственноручные записки императрицы Екатерины II»). Из контекста «Собственноручных записок» понятно, что устойчивое сочетание «гнуть спину» понимается буквально – как «преклонять голову перед кем-либо, кто находится выше по сословной лестнице». Ср. фразеологизм «гнуть спину» – «трудиться до изнеможения, изнурять себя тяжелой работой»¹¹.

В этом же ряду следует указать на фразеологические единицы, трансформация которых происходит одновременно на лексическом и грамматическом уровнях: изменяются компонентный состав ФЕ и грамматическая форма слов, входящих в устойчивое выражение. Как правило, происходит замена (либо смешение) падежных и родовых окончаний. На наш взгляд, причиной такого рода различия некоторых грамматических признаков могло быть нерусское происхождение императрицы Екатерины II, для которой русский язык был неродным: *Кажется мгѣ, я постарѣе васъ; хоть бы уже лѣта-то почтили да пустили бы меня впередъ; еще кроха во рту сегодня не бывала... гдѣ мгѣ васъ натоцакъ переждать...* (комедия «Невѣста невидимка»). В приведенном примере изменению подвергся фразеологизм «маковой росинки во рту не было» в значении «кто-либо ничего не ел»¹². В данном выражении произошла компонентная трансформация (слово-сочетание «маковая росинка» заменено на слово «кроха»), а также необычным является форма слова *во рту*: это отголосок древнего окончания *-ѣ* в существительных с древней основой на *-ѣ*, у которых в древнерусском языке в местном падеже было окончание *-ѣ* вместо *-у*. Вполне вероятно, что такого рода колебания в окончаниях разных частей речи весьма характерны для Екатерины II в связи с нерусским ее происхождением. *Куда тебя нелегкое несет?.. остался бы ты лучше с нами...* (комедия «Шаман сибирский»). Ср. фразеологизм «нелегкая несет» в значении «кто-либо является, приходит обычно некстати, не вовремя и т. п.»¹³. В данном случае произошла грамматическая замена женского рода на средний род: *нелегкая > нелегкое*.

Речь Екатерины II отличается особой эмоциональной окрашенностью. Любое событие, действие, происшествие сопровождается экспрессивной оценкой со стороны императрицы,

в частности, при помощи используемых ею фразеологических единиц. Более того, в некоторых случаях благодаря устойчивым выражениям, уместно вставленным в текст, можно проследить, как относится Екатерина Великая к тому или иному явлению. Однако при этом фразеологические единицы совмещают в себе рациональную оценку событий, явлений действительности, людей с оценкой, в которой также содержится эмоциональное, чувственное восприятие. Следует также отметить, что эмотивность в работах Екатерины II, как показывает проведенный анализ языковых единиц, действует в диапазонах одобрение/неодобрение, пренебрежение, презрение/уважение. Учитывая данный факт, фразеологические единицы, используемые в речи Екатерины II, можно разделить на устойчивые сочетания, содержащие, во-первых, положительную семантику и, во-вторых, отрицательную. Это связано со стремлением императрицы дать точную характеристику и оценку действительности, ситуации общения, человека и т. д., в том числе (во многих случаях) и своего эмоционального состояния.

В работах Екатерины II в большом количестве представлены фразеологизмы и их трансформированные варианты, заключающие в себе положительную семантику. Такого рода устойчивые сочетания чаще всего используются для характеристики эмоционального состояния императрицы: умиротворенности, спокойствия, удовольствия и т. д.: *Мое положение вчера было так ужасно, что все приводило меня в нетерпение, это был невыносимый день; сегодняшняя утренняя прогулка пролила бальзам в мою душу* (Письма графу Г. Потемкину). *Она подняла меня танцевать, и во время танцу я пожала ей руку говоря: Как я щастлив, что вы удостоили мне, дать руку; я от удовольствия вне, себя* («Автобиографическая памятная заметка императрицы Екатерины II-й»).

Фразеологические единицы и их трансформации, содержащие отрицательную семантику, негативную характеристику, неодобрительную оценку того или иного явления, человека или отношения к нему, также представлены в языковом материале Екатерины II в достаточно большом количестве: *Когда госпожи мои о твоём господинѣ такогужь мнѣнія, какъ я о тебѣ, такъ скоро васъ чортъ отъ насъ возьметъ* (комедия «Именины госпожи Ворчалкиной»); *Спросите-тка у господина Оранбара: вчера въ компаниі, гдѣ и я была, онъ какъ поразсказалъ, какъ бы быть-то надлежало, такъ уши вянуть* (комедия «Невѣста невидимка»).

Однако Екатерина II весьма честна в проявлении своих чувств к адресату, поскольку в том случае, если тот или иной человек ей не нравится, она может, абсолютно не скрывая этого, выразить свое крайне негативное к нему отношение. Такого рода примеры представлены в ее письмах частного характера, а также в автобиографических записках: *После сего я припомнила, мой друг, все ваши слова: вы мне говорили об этом много, и эти*

слова остались у меня в памяти, как, например: нет ли амуришки, и затем вы меня спрашивали: не ревновали ли вы к княжне Щербатовой? и сто раз вы мне повторяли: ох, матушка, плюнь ты на него; и никогда вы мне не подали ни малейшей надежды – когда я жаловалась (Письма графу Г. Потемкину).

Анализ собранного языкового материала с точки зрения эмотивной составляющей показал, что специфическим критерием использования тех или иных фразеологических единиц Екатериной II в написанных ею текстах становится жанровое своеобразие произведений. Так, в количественном соотношении наибольшее число ФЕ встречается в работах неофициального характера, призванных, с одной стороны, развлечь читателя, а также помогающих более образно выразить мысль и, с другой стороны, заставить задуматься о важных жизненных ценностях: в письмах (прежде всего интимного плана, например к Г. Потемкину), в собственноручных записках, в комедиях, в мемуарах. Устойчивые выражения в произведениях этих жанров несут в себе как положительную, так и резко негативную семантику, в большинстве случаев отличаются разговорным характером, например: *чортъ возьметъ, плюнь на него, уши вянут* и т. д. Екатерина II в работах комедийного, автобиографического плана использует разнообразные ФЕ для выражения своих эмоций и прямого отношения к тем или иным событиям, ситуациям или людям: *Господин Бецкой применил его к России, и оно идет, как увидите, как корове седло* (Письма графу Г. Потемкину).

Однако в работах официального плана, содержащих в себе указы, приказы, обращения к государственным деятелям (например, «Правила управления», «Помощь народу при бедствиях», «Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения», «Завещание») фразеологические единицы представлены в небольшом количестве. Это связано с жанровой спецификой такого рода произведений: их главная роль – проинформировать о чем-либо, дать официальное поручение. Соответственно, лексические единицы, используемые в них, должны нести точную информацию, поэтому они лишены образности и эмоциональной составляющей и написаны в приказном тоне: *Можно и тут сыскати способы возвратить заблудшиє умы на путь правый: правилами закона Божия, любомудрия и нравоучения, выбранными и соображенными с сими умоначертаниями; уравненным смешением наказаний и награждений; беспогрешным употреблением пристойных правил честности, наказания, состоящих в стыде, непрерывным продолжением благополучия и сладкого спокойствия* («Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения»).

Наряду с жанровой спецификой немаловажным критерием при выборе и использовании фразеологических единиц в текстах Екатерины II является адресат – читатель либо определенное

лицо, для которого написано произведение или письмо. В том случае, если та или иная работа адресована очень близкому для императрицы человеку (например графу Г. Потемкину) либо рядовому читателю (обывателю), Екатерина II абсолютно «не стесняется» в выборе и употреблении устойчивых выражений. Фразеологизмы при этом могут быть совершенно разными по стилевой окраске: и литературными (книжными), и с разговорными элементами (в нередких случаях содержащие весьма грубую, жесткую характеристику и оценку ситуации или человека). Однако в том случае, если работа адресована политическому деятелю, чаще всего устойчивые выражения носят только литературный характер. Следовательно, выбор фразеологических единиц в текстах Екатерины II обусловлен личным отношением императрицы к адресату. Например, в Письме Станиславу Августу Понятовскому представлены фразеологизмы, которые помогают придать разговорный, дружеский характер: *Не тут-то было: его полк отрядил, чтоб его арестовать; дом его разграбили, а с ним обошлись грубо.* Напротив, для «Наказа Комиссии о составлении проекта нового Уложения», адресованного государственным мужам, наиболее характерны фразеологические единицы официального, политического плана: *Глас народа, который его винит, побег его, признание, учиненное им вне суда; свидетельство сообщника, бывшего с ним в том преступлении, угрозы и известная вражда между обвиняемым и обиженным, самое действие преступления и другие подобные знаки довольно могут подать причину, чтобы **взять** гражданина **под стражу**.*

Представленные в текстах Екатерины II фразеологические единицы, как трансформированные, так и не подверженные изменению, по семантике можно разделить на несколько групп:

I. ФЕ, описывающие эмоциональное, а также физическое состояние человека;

II. ФЕ, содержащие в себе характеристику человека, а также качеств его характера;

III. ФЕ со значением обобщенной нравственной характеристики человека;

IV. ФЕ, характеризующие те или иные явления и ситуации.

I. ФЕ, описывающие эмоциональное, а также физическое состояние человека.

Фразеологизмы, а также их трансформированные варианты, входящие в данную группу, охватывают прежде всего сферу переживаний и чувств человека, а также описывают его физическую, интеллектуально-речевую деятельность, при этом они содержат оценку психологических состояний личности.

В свою очередь, фразеологические единицы, описывающие физическое и эмоциональное состояние человека (I), можно разделить по оттенкам значения:

1) фразеологизмы со значением негодования, возмущения: *А я... я таскаюсь здѣсь для тебя,*

*сударка моя; ты всю голову мою вскрутила... Когда госпожи мои о твоём господинѣ такогужь мнѣнія, какъ я о тебѣ, такъ скоро вась **чортъ отъ насъ возьметъ** (комедия «Именины госпожи Ворчалкиной»); *Откуда тебя **чортъ** принесъ? (комедия «Именины госпожи Ворчалкиной»);**

2) фразеологизмы, отсылающие к чувствам и переживаниям человека, изображающие эмоциональное состояние: *Сердце право не на мѣстѣ, когда сама не посмотрю, какова дочь моя, Прелеста! (комедия «Шаман сибирский»); **С ножом в сердце, так сказать, я оделась и пошла к обеду, где мне показалось, что большая часть из тех, кого я видела, имели такую же вытянутую физиономию, как и я («Собственноручные записки императрицы Екатерины II»);***

3) фразеологизмы, выражающие уверенность в чем-либо: *Объ закладъ готовъ биться, что ты гдѣ ни есть или какъ-нибудь подслушала (комедия «Разстроенная семья острожками и подозрѣніями»);*

4) фразеологизмы, передающие мыслительные процессы: *Надобна ко всему способность; а не имѣвъ способности, сколько кто голову ни ломай, все выйdetъ вздоръ, и такой человекъ всегда останется дуракомъ (комедия «Именины госпожи Ворчалкиной»)* (ср. фразеологизм «ломать голову» в значении ‘усиленно думать, стараясь понять, разрешить что-нибудь трудное’¹⁴); *Кукла, я с концерта, на котором Вы из памяти не выходили, пришла (Письма графу Г. Потемкину).*

II. ФЕ, содержащие в себе характеристику человека, а также качеств его характера.

Екатерина II дает оценку интеллектуальным способностям человека, раскрывая свойства и черты его характера, выявляя преобладающие для него нравственные ориентиры, а также способ его мышления. При этом такого рода фразеологизмы представляют собой отражение особенностей внутреннего мира человека и качеств его характера: *Не можно никакъ къ ней примѣниться: странный весьма человекъ; иногда не хочетъ, чтобъ ей говорили, а иногда и въ самой церкви сама **безъ умолка и безъ конца болтаетъ** (комедия «О время!»); *Унимай свой гнев, Божок. **Вздор несешь. Не бывать ни в Сечи, ни в монастыре** (Письма графу Г. Потемкину).**

Как видно из приведенных примеров, для Екатерины II приоритетными являются следующие качества человека: умение обдуманно и взвешенно принимать решения, выполнять свои обязательства и обещания, данные перед народом и государством.

III. ФЕ со значением обобщенной нравственной характеристики человека.

Использование фразеологических единиц, которые описывают и характеризуют нравственные, моральные качества человека, помогают выявить наиболее значимые, определяющие моральные ценности, которые сложились в сознании императрицы Екатерины II и отражают ее психологию,

этические приоритеты, философские размышления: *Тогда Ее Императорское Величество стала бранить Чоглову и сказала, что она взывает с нее за то, что она не старается усювестить на этот счет заинтересованные стороны; вообще она проявила сильный гнев и сказала, что ее муж колтак, который позволяет водить себя за нос соплякам* («Собственноручные записки императрицы Екатерины II»); *Он сопроводил его дюжиной страниц рассуждений, сделанных обо мне, посредством которых старался укрепить во мне как возвышенность и твердость духа, так и другие качества сердца и ума* («Собственноручные записки императрицы Екатерины II»).

Следовательно, в представлении Екатерины II, к важнейшим нравственным ориентирам и первостепенным моральным качествам человека относятся такие, как умение правильно и трезво оценивать ситуацию, быть хладнокровным, сохранять твердость духа в любых жизненных коллизиях, быть честным со всеми, не позволять себя обманывать.

IV. ФЕ, характеризующие те или иные явления и ситуации.

Фразеологизмы, используемые Екатериной II, позволяют дать более точную характеристику или оценку описываемой ситуации либо изображаемого явления: *По правде говоря, я смотрела на его проект, как на пустую болтовню и на удочку, которую этот старик мне закидывал, чтобы приобрести себе все более и более мою привязанность; но на эту удочку я не клюнула, потому что я считала ее вредной для государства* («Собственноручные записки императрицы Екатерины II»); *Но чурь, не жить сь ней по модѣ; берегитесь, и вы будете заплачены тою же монетою, какъ и другіе* (комедия «О время!»).

Таким образом, диапазон используемых Екатериной II фразеологических единиц достаточно широк. Однако, как показывает анализ языкового материала, реализуется он избирательно: при выборе ФЕ учитываются условия той или иной конкретной коммуникативно-прагматической ситуации, и прежде всего такие ее важнейшие элементы, как цель общения и сфера деятельности, адресат, жанровое своеобразие материала, контекст. Речевое поведение императрицы характеризуется отчетливо проявляемым разграничением речи на официальную, которая используется прежде всего в деловом общении, в переписке с разными государственными деятелями, и на не-

официальную, которая применяется в переписке интимного характера, в произведениях, написанных с целью развлечь читателя, а также в условиях обиходно-бытового общения. Так, в текстах официального характера наблюдается стремление к более строгому соблюдению литературных норм, а в условиях непринужденного общения, в текстах развлекательных, в интимной переписке в речи императрицы находит отражение практически весь спектр фразеологических единиц разного оценочного содержания, стилистики и семантики – вплоть до резко негативной и грубой. Фразеологические единицы выполняют в текстах Екатерины II прежде всего экспрессивную функцию и служат при этом одним из основных средств достижения поставленных коммуникативных задач и выражения авторских оценок.

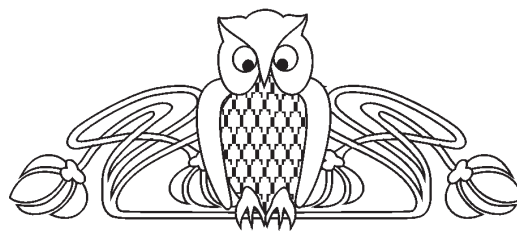
Примечания

- 1 Караулов Ю. Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 211.
- 2 Гусева М. Гендерные и социолингвистические характеристики языковой личности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2008. № 1, ч. 2. С. 26.
- 3 См.: Иссерс О. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2008.
- 4 Караулов Ю. Указ. соч. С. 215.
- 5 Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 559.
- 6 Буянова Л. Фразеологизм как этнокогнитивное средство и результат языковой игры // Учен. зап. Таврійськ. нац. ун-ту ім. В. І. Вернадського. Сер. Філологія. Соціальні комунікації. 2012. Т. 25 (64), № 2 (1). С. 77.
- 7 Ерофеева И. Лингвокультурологический подход к исследованию древнерусского текста // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. Кн. 5. С. 17.
- 8 Здесь и далее литературный и публицистический материал цитируется по: Екатерина Вторая. Собрание сочинений. URL: http://az.lib.ru/e/ekaterina_w/ (дата обращения: 15.03.2014).
- 9 Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. Изд. 2-е, стереотип. М., 1968. С. 334.
- 10 Там же. С. 193.
- 11 Там же. С. 109.
- 12 Там же. С. 52.
- 13 Там же. С. 521.
- 14 Там же. С. 232.

УДК 81'42

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ *VERA/FAITH* В ПРАВОСЛАВНОМ И ПРОТЕСТАНТСКОМ СУБДИСКУРСАХ (на материале текстов русскоязычных и англоязычных корпусов)

Е. Ю. Балашова

Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: balashovaelena@yandex.ru

Статья посвящена вопросам корпусной лингвистики, а также разработке принципов корпусно ориентированного дискурс-анализа. Дана краткая характеристика направления корпусных исследований в отечественной и зарубежной лингвистике, а также предложена методика моделирования концептуального поля в структуре дискурса.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, корпусно ориентированный дискурс-анализ, религиозный христианский дискурс, концептуальное поле, лексемы-коллокации, тематические сферы, лингвокогнитивное моделирование.

The Conceptual Field *Faith* in Orthodox and Protestant Subdiscourses (on the Material of the Russian and English Language Corpus Texts)

E. Yu. Balashova

The article is dedicated to the issues of corpus linguistics and to the development of corpus-based discourse analysis principles. The author briefly characterizes the tendencies of corpus research in Russian and European linguistics and offers a set of methods of conceptual field modeling within the structure of discourse.

Key words: corpus linguistics, corpus-based discourse analysis, religious Christian discourse, conceptual field, lexemes-collocates, thematic spheres, linguo-cognitive modeling.

В последние годы можно говорить о новом направлении в лингвистике, которое разрабатывается с учетом данных целого ряда наук, – корпусной и компьютерной лингвистике, возникшей как результат новых тенденций в науке о языке в целом и изучении когнитивных процессов в частности.

Корпусные исследования в области языка проводились еще в 60-е годы XX в. британским профессором Р. Кверком и были продолжены его учениками. Основной задачей данного направления являлось «описание всех возможных лингвистических данных английского языка в его разных стилях и регистрах с регистрацией всех данных разных лингвистических разделов»¹.

Благодаря компьютерной обработке данных подобного рода исследования предоставляют возможность всесторонне изучить «языковые единицы разных уровней, их реальное использование в речи, в ее проявлениях, стилях и регистрах»².

Корпусно ориентированные исследования дискурса стали появляться в отечественной науке о языке лишь последние несколько лет³ и, таким образом, могут быть причислены к новейшим разработкам в этой области. Отсутствие работ, посвященных дискурс-анализу с позиций корпусной лингвистики, можно объяснить сложностью самого феномена дискурса, «исключающего возможность автоматического применения корпусных методов исследования материала»⁴. Однако многие авторы не только использовали корпусный подход в анализе дискурса, но и соединили его с когнитивным подходом, что позволило получить достаточно объективные представления о макро-структуре дискурса и механизмах ее функционирования в языке и речи.

Таким образом, данные электронных корпусов становятся незаменимым инвентарием современной лингвистики, позволяющим провести сложный многоуровневый анализ различного рода языковых единиц, а также выявить их базовые принципы и реальные условия функционирования в языке, культуре и речи.

Моделирование концептуального поля *vera/faith* в православном и протестантском субдискурсах на материале текстов Национального корпуса русского языка и Британского национального корпуса предполагает использование статистических (составление списков наиболее частотных лексем-коллокатов, входящих в концептуальное поле *vera/faith*; анализ частотности лексем списка) и семантико-когнитивных (распределение высокочастотных лексем по тематическим сферам; применение полевого принципа структурирования выделенных сфер; группировка лексем-коллокатов по общей семе и, наконец, определение характерных черт дискурса и динамики его концептуальных составляющих) методов исследования. Кроме того, указанный уровень анализа включает исследование сочетательных способностей лексем-коллокатов, особенностей их синтаксической структуры и частотности употребления в контексте, а также изучение их синонимических, антонимических и тематических связей, что позволяет выделить общие и дополнительные черты православного и протестантского субдискурсов.

С целью получения репрезентативного материала мы использовали церковно-богословский подкорпус, содержащий 824 документа. Лексема *vera* содержится в 567 документах указанного подкорпуса и насчитывает 5310 контекстуальных вхождений.

Исследование лексем-коллокатов («лексических единиц, которые часто встречаются в одном контексте с ключевыми словами»⁵) в церковно-богословском подкорпусе позволило составить список наиболее частотных единиц: Бог (126), жизнь (69), Христос (66), человек (65), Церковь (42), уверенность (26), Господь (24), истина (23), мир (22), молитва (21), религия (19), сердце (18), душа (17), чудеса/чудо (15), Евангелие (14), исповедание (14), спасение (14), дела/дело (14), опыт (13), люди (12), смерть (12), покаяние (12), христиане/христианин (11), встреча (11), святые (11), догматы (11), сила (10), Апостол (9), радость (9), Воскресение (9), Земля (9), проповедь (9), крещение (9), доверие (9), православие (8), благодать (8), свобода (8), благоденствие (8), основа (8), знание (8), подвиг (8), таинство (7), дух (7), Святой Дух (7), содержание (6), Сын Божий (6), воля Божия (6), правда (6), Символ веры (6), вечность (6), христианство (5), епископство/епископ (5), ответственность (5), богослужение (5), грех (5), учение (5), верность (5), мудрость (5), помощь (5), мученики (5), общество (5), тайна (4), утверждение (4), служение (4), Царство Божие/Царство Небесное (4), подвижники (4), Россия (4), возрождение (4), Закон (4), смирение (4), ревность (4), судьба (4), упование (4), семья (4), сомнение (4), красота (4), неверие (4), священник (4), мужество (4), выражение (3), жажда (3), единство (3), Божия Матерь (3), заповеди (3), святость (3), песнопения (3), утешение (3), чувство (3), исцеление (3), скорби (3), ум/разум (3), полнота (3), верования (3), нация (3), победа (3), общение (3), милость (3), путь (3), ересь (3), источник (3), терпение (3), словословие (3), жертва (2), открытость (2), воля (2), удостоверение (2), твердость (2), действие (2), Родина (2), познание (2), гонение (2), иконы (2), цивилизация (2), укрепление (2), необходимость (2), торжество (2), Небо (2), добро (2), усердие (2), мученичество (2), целомудрие (2), рай (2), благоговение (2), паства (2), обновление (2), храм (2), культ (2), пример (2), община (2), послушание (2), чистота (2), дар (2), глубина (2), безбожие (2), легковерие (2), тоска (2), вдохновение (2), наука (2), образованность (2), предание (2), праведность (2), мировоззрение (2), способность (2), готовность (2), согласие (2), еретик (2).

Лидером частотности является лексема *Бог*, частота употреблений которой составляет 126 раз. После данной лексемы наблюдается резкий статистический скачок, и частота последующей лексемы, *жизнь*, заметно сокращается до 69 употреблений. Кроме того, в указанном списке лексем-коллокатов можно отметить еще 2 небольших статистических скачка: снижение частоты на 23 употребления после лексемы *человек* (65) и на 16 употреблений после лексемы *Церковь* (42).

Таким образом, сверхчастотные лексемы *Бог*, *жизнь*, *Христос* и *человек* составляют ядро религиозного христианского дискурса на функ-

ционально-структурном уровне. Примечательна оппозиция «Бог – человек», которая обладает глубоким онтологическим и богословским смыслом и представляет собой своеобразный дискурсивный каркас.

На основе составленного списка частотных лексем представляется возможным провести тематическое моделирование религиозного христианского дискурса и распределить лексем-коллокаты по следующим тематическим сферам:

1) *Религия/нация*: религия, христиане/христианин, христианство, православие, общество, Россия, Отечество, патриотизм, единство, нация, общение, Родина, паства, епископство/епископ, священник, истоки, традиции, храм, культ, вероисповедание, соборность, сторонники, народ, община;

2) *Нравственные категории*: сила, благочестие, стойкость, сострадание, нравственность, ответственность, верность, мудрость, возрождение, смирение, мужество, помощь, терпение, открытость, усердие, решимость, обновление, чистота, глубина, способность, готовность, жертвенность, мораль, самоограничение, идеал, простота, обязанность, уважение, справедливость;

3) *Догматические категории*: Бог, Христос, Церковь, Господь, Евангелие, исповедание, исповедник, святые, догматы, Апостол, ангелы, Воскресение, проповедь, крещение, таинство, Святой Дух, Сын Божий, воля Божия, Символ веры, причастники, Святое причастие, богослужение, учение, тайна, служение, Царство Божие/Царство Небесное, Закон, законность, устав, выражение, Божия Матерь, заповеди, откровение, Евхаристия, воплощение, наставление, верования, ритуал, иконы, рай, мифотворчество, предание;

4) *Онтологические категории*: жизнь, человек, истина, люди, смерть, Земля, свобода, основа, опора, центр, бытие, знание, содержание, правда, вечность, судьба, семья, красота, ум/разум, путь, культура, воля, познание, сознание, цивилизация, необходимость, Небо, добро, доброта, гармония, наука, образованность, образование, творчество, харизма, мировоззрение, начало, личность, увековечение, абсолют, ценности, смысл;

5) *Эмоциональное состояние*: уверенность, устойчивость, убежденность, торжество, мир, радость, доверие, утверждение, упование, сомнение, жажда, утешение, чувство, скорби, удостоверение, твердость, укрепление, торжество, легковерие, тоска, боль, страдание, согласие, тепло, почтение, вдохновение;

6) *Духовность*: молитва, молитвословие, сердце, душа, спасение, покаяние, благодать, дух, мученики, подвижники, кротость, обожение, благодарение, ревность, святость, песнопения, полнота, милость, источник, словословие, мученичество, дерзновение, целомудрие, благоговение, благословение, послушание, обет, дар, праведность, преображение, святыня, богоустремленность, благодать;

7) *Акциональные категории*: чудеса/чудо, опыт, дела/дело, встреча, подвиг, грех, исцеление, поиск, победа, движение, жертва, действие, гонение, гонители, пример.

При группировке лексем по тематическим сферам мы использовали и те единицы, которые встречались в материалах подкорпуса единожды и которые не были включены в список частотных лексем. Однако данные лексем также могут быть причислены к категории коллокатов, поскольку они функционируют в контексте, образованном концептуальным полем *vera*.

Особое место занимает тематическая сфера, содержащая лексем-коллокаты с негативным смыслом (ересь, еретик, язычник, идолопоклонство, идол, осквернение, отступление, тоска, страдание/страдалец, печаль, беда, страх, боль, отсутствие, преступление, неверие, небрежность, безбожие, безбожники, грех, гонение, слабость, немощь, болезнь, отпадение, противники), единицы которой вступают в отношения противопоставления со всеми остальными тематическими сферами и формируют дискурсивные оппозиции с компонентами последних: ересь – Закон, еретик – христианин, тоска/страдание – радость, неверие – религия, безбожие – религия/христианство/православие, преступление – подвиг, гонение – милость, слабость/немощь – сила, отпадение – общине, отступление – приобщение, осквернение – благоговение, противники – сторонники, грех – святость. Представленные пары лексем-коллокатов являются базовыми противопоставлениями православного субдискурса. Кроме того, в тематической сфере «Онтологические категории» выявляется оппозиция «Небо – Земля», которую также можно причислить к блоку основных оппозиций религиозного христианского дискурса.

Выделенные тематические сферы структурируются по полемому принципу. Так, ядру православного субдискурса принадлежат тематические сферы «Догматические категории» (43) и «Онтологические категории» (44). Сферы «Духовность» (32), «Нравственные категории» (29), «Религия/нация» (26), «Эмоциональное состояние» (26) занимают околядерную область, тогда как зона «Акциональные категории» (17) находится на ближней периферии.

Таким образом, сочетание статистических и семантико-когнитивных методов анализа списка частотных лексем-коллокатов, входящих в концептуальное поле *vera*, позволило выявить следующие тенденции в динамике развития православного субдискурса:

1) дискурсивная выраженность внимания к сфере «Догматические категории», представленной 43 частотными ключевыми лексемами;

2) дискурсивная выраженность внимания к сфере «Онтологические категории», представленной 44 единицами;

3) дискурсивная невыраженность внимания к тематической сфере «Акциональные категории», в

состав которой входят 17 единиц, часть из которых получают дискурсивную активизацию в базовых оппозициях;

4) дискурсивная активизация лексем, номинирующих божественные сущности и реалии: Бог, Христос, Господь, ангелы, святые, Апостол, Святой Дух, Сын Божий, Божия Матерь, мученики, подвижники, причастники, обожение, Царство Божие/Царство Небесное, рай, Евхаристия, Святое причастие;

5) дискурсивная активизация лексем с общей семой «догмат/учение»: Евангелие, догматы, проповедь, Символ веры, учение, Закон, заповеди, предание, верование, культ, откровение, наставление;

6) дискурсивная активизация лексем с общей семой «богослужение»: паства, епископство/епископ, священник, храм, иконы, таинство, ритуал, устав, Церковь, исповедание, проповедь, крещение, богослужение, служение, соборность;

7) дискурсивная активизация лексем, содержащих семы «духовность и нравственность»: сердце, душа, самоограничение, обязанность, молитва, спасение, благочестие, смирение, послушание, целомудрие, благоговение, праведность, покаяние, мудрость, смирение, верность, мужество, терпение, усердие, чистота, готовность, кротость, обожение, богоустремленность.

В целом можно говорить о том, что анализ данных церковно-богословского подкорпуса позволяет отметить ориентированность православного субдискурса на тематику церковных, духовно-нравственных и божественных реалий, признание последних основой человеческой жизни, что составляет его смысловую и аксиологическую специфику.

Поскольку целью исследования является сопоставительный анализ функционирования концептуальных полей *vera/faith* в православном и протестантском субдискурсах, то для ее достижения необходимо изучение материалов Британского национального корпуса (BNC) английского языка.

По материалам BNC, лексема *faith* содержится в контекстах, принадлежащих самым разнообразным жанрам, диапазон которых варьируется от богословских трактатов до газетных статей и сводов законов. Нами было проанализировано 300 нехудожественных контекстов. Мы полагаем, что данного количества достаточно для выявления общих тенденций динамики протестантского субдискурса и специфики дискурсивного функционирования концептуального поля *faith* в английском языке.

К наиболее частотным коллокатам лексем *faith* в BNC следует причислить лексем *God* (33), *hope* (19), *life* (16), *Jesus Christ* (14), *church* (10), *Christian/-s* (10), *love* (9), *experience* (8), *doubt* (8), *world* (8), *understanding* (8), *charity* (7), *revelation* (6), *believer/-s* (6), *family* (5), *man/men* (5), *reason* (5), *a person* (5), *teaching* (5), *people* (5), *trust* (4), *action* (4), *Spirit* (4), *lifetime* (4),

virtue (3), justification (3), theology (3), joy (3), values (3), priest (3), science (3), unreasonableness (3), doctrine (3), concept (3), marriage (3), belief (3), prayer (3), gift (3), work (2), beauty (2), assurance (2), truth (2), reformation (2), reforms (2), feelings (2), minister (2), religion (2), power (2), a Mass (2), baptism (2), soul (2), penance (2), Resurrection (2), co-operation (2), fairness (2), law/-s (2), ambiguity (2), congregation (2), development (2), mystery (2), gospel/-s (2), recovery (2), kindness (2), the saint (2), common sense (2), knowledge (2), reality (2), heart (2), longing (2), obedience (2), blessing (2), evidence (2), patience (2), peace (2), importance (2), ability (2), collapse (2), home (2), temptation (2), uncertainty (2), argument (2), liturgy (2), question (2).

Как и в православном субдискурсе, наиболее высокой частотой обладает лексема *God*, после которой можно отметить небольшой статистический скачок, при котором частота последующей лексемы (*hope*) составляет 19 употреблений. К ядерным сверхчастотным лексемам протестантского субдискурса также можно отнести лексемы *life* и *Jesus Christ*. Таким образом, ядро религиозного христианского дискурса носит универсальный характер в русском и английском языках и представлено тремя базовыми лексемами: *Бог, жизнь, Христос*.

Выделенные на основе контекст-анализа текстов BNC лексемы-коллокации группируются в следующие тематические области протестантского субдискурса:

1) *Духовно-нравственные категории*: hope, love, charity, trust, virtue, joy, values, gift, truth, feelings, power, soul, fairness, kindness, heart, longing, obedience, peace, ability, patience, security, decency, honesty, forgiveness, empathy, gratitude, innocence, recovery, fortitude, temperance, morality, faithfulness, sensation, nourishment, confidence, emotion, duty, relief, strength, will, courage, dedication, desire;

2) *Рациональная сфера*: experience, understanding, reason, justification, science, assurance, common sense, knowledge, evidence, importance, argument, question, judgement, prudence, logic, credit, testimony, benefit, philosophy, fundamentalism, creativity, rationality, consensus, awareness, conviction, brain, guarantee, idea, righteousness, primacy;

3) *Реалии церковной жизни*: church, Christian/-s, believer/-s, priest, prayer, minister, a Mass, baptism, penance, congregation, gospel/-s, blessing, liturgy, intercommunion, ministry, clergy, bishop, confession, a parish, churchmen, Holy Communion, sacrament, Eucharist, excommunication, layman, mission, precept, Catechesis, confhorting;

4) *Догматические категории*: God, Jesus Christ, revelation, teaching, Spirit, theology, doctrine, concept, belief, religion, Resurrection, the saint, the Lord, mystery, redemption, Crucifixion, Covenant, Bible, limbo, New Testament, sacrifice, dogma, creation;

5) *Социальная сфера*: family, people, man/men, marriage, law/-s, home, justice, community, tradition,

integrity, order, contact, group, nation, society, realm, kingdom, mastery, power;

6) *Антирелигиозная сфера*: doubt, unreasonableness, ambiguity, collapse, temptation, uncertainty, mistake, crisis, anxiety, failure, sin, fear, unbeliever, ignorance, sickness, fatalism, error, pain, loss, retreat, betrayal;

7) *Акциональные категории*: action, work, reformation, reforms, co-operation, development, practice, miracle, survival, struggle, endeavour, effort, purpose, example, goal, assistance;

8) *Онтологические категории*: life, world, a person, lifetime, beauty, reality, future, existence, death, civilization, culture.

Тематические карты православного и протестантского субдискурсов имеют общие узлы: «Духовно-нравственные категории», «Догматические категории», «Онтологические категории», а также «Акциональные категории». Однако положение выделенных тематических узлов в структуре двух субдискурсов неодинаково. Так, онтологическая сфера, принадлежащая ядру православного субдискурса, находится на периферии протестантского. Сфера «Духовно-нравственные категории», напротив, занимает ядерную зону протестантского субдискурса и входит в околядерную область в православном. Догматическая тематика составляет ядро православного субдискурса и принадлежит околядерной зоне протестантского. Периферийная область исследуемых субдискурсов более однородна и представлена акциональными категориями в том и другом случаях.

Так, тематическая карта протестантского субдискурса выглядит следующим образом: ядро – духовно-нравственные категории (43), рациональная сфера (32), реалии церковной жизни (32); околядерная область – догматические категории (23), социальная сфера (21), антирелигиозная сфера (21); периферия – акциональные категории (16), онтологические категории (11).

Сфера «Реалии церковной жизни», «Рациональная» и «Социальная» сферы придают прагматическую направленность всему субдискурсу в целом, поскольку они занимают ядерные позиции в его структуре и добавляют в концептуальное поле *вера* рациональный когнитивный компонент, которого лишена структура православного субдискурса.

В свою очередь, сфера «Эмоциональное состояние», находящаяся в околядерной области православного субдискурса, добавляет в концептуальное поле *вера* эмоциональный когнитивный компонент, отсутствующий в протестантском субдискурсе.

Единицы «Антирелигиозной сферы» протестантского субдискурса формируют его базовые оппозиции: doubt – trust, collapse – recovery, uncertainty – assurance, anxiety – peace, sin – virtue, unbeliever – believer, fear – courage, ignorance – knowledge, pain – relief, betrayal – dedication.

Сопоставление полученных оппозиций с оппозициями православного субдискурса позволяет

определить ряд полифункциональных доминантных оппозиций, принадлежащих религиозному христианскому дискурсу в целом: безбожие – религия, еретик – христианин > unbeliever – believer; страдание – радость > pain – relief; отпадение – общение > betrayal – dedication; отступление – приобщение > collapse – recovery; грех – святость > sin – virtue.

Анализ данных BNC позволяет выделить следующие направления развития протестантского субдискурса в английском языке:

1) дискурсивная выраженность внимания к сфере «Духовно-нравственные категории», представленной 43 единицами;

2) дискурсивная выраженность внимания к тематической сфере «Реалии церковной жизни», содержащей 32 единицы;

3) дискурсивная выраженность внимания к «Рациональной сфере», также выраженной 32 единицами;

4) дискурсивная невыраженность внимания к сфере «Онтологические категории», представленной 11 единицами;

5) дискурсивная активизация лексем с общей семой «группа лиц»: family, community, group, nation, society, people, churchmen, Christians, believers, congregation, intercommunion, ministry, clergy;

6) дискурсивная активизация лексем с общей семой «рациональность»: understanding, reason, justification, science, common sense, knowledge, argument, question, logic, philosophy, rationality, awareness, brain, righteousness;

7) дискурсивная активизация лексем, в семантическую структуру которых входит сема «богослужение»: church, priest, prayer, minister, a Mass, baptism, penance, congregation, gospel/-s, blessing, liturgy, bishop, a parish, Holy Communion, sacrament, Eucharist, confirmation, Catechesis, exhorting.

Таким образом, можно говорить об общей прагматической направленности протестантского субдискурса, ориентированного на такие тематические сферы, как «Нравственность», «Рациональность», «Церковная жизнь». Догматическая и онтологическая тематика, актуальная для православного субдискурса, не так широко представлена в протестантском. Кроме того, анализ материалов церковно-богословского подкорпуса русского языка привел к необходимости разделить духовно-нравственную тематическую сферу на две категории: «Духовное» и «Нравственное». Категория «Духовное» репрезентирована лексемами, составляющими семантические поля «Бог» (благодать, дух, обожение, святость, богоустремленность) и «Духовность» (молитва, сердце, душа, покаяние, святость, кротость, мученичество, целомудрие). Категорию «Нравственное» представляют лексем, составляющие семантическое поле «Характер» (сила, стойкость, нравственность, ответственность, верность, мудрость, мужество, терпение).

Протестантский субдискурс не предполагает подобного разделения, и выделенная в его структуре тематическая сфера «Нравственность» включает духовно-нравственные категории, представленные лексемами с общей семой «качества характера христианина»: virtue, charity, fairness, courage, kindness, obedience, honesty, forgiveness, decency, empathy, innocence.

Кроме того, православный субдискурс содержит большое количество лексем, номинирующих божественные сущности и реалии (Бог, Христос, Господь, Апостол, ангелы, Святой Дух, Сын Божий, Царство Божие/Царство Небесное, рай, Символ веры, Божия Матерь), тогда как в материалах BNC активизируются лишь 3 лексемы подобного рода: God, Jesus Christ, Holy Spirit. В свою очередь, протестантский субдискурс ориентирован на выражение акциональной прагматической стороны религии, представленной блоком лексем, принадлежащих тематическим сферам «Церковная жизнь» и «Богослужение»: priest, prayer, minister, a Mass, baptism, penance, congregation, liturgy, intercommunion, bishop, a parish, Catechesis.

Таким образом, первичная обработка корпусных материалов на лексическом уровне дает возможность провести тематическое моделирование православного и протестантского субдискурсов: определение их основных тематических сфер и структурирование последних по принципу поля, а также выявить базовые дискурсивные оппозиции, выполняющие функцию своеобразного когнитивного каркаса, и охарактеризовать общую динамику развития исследуемых субдискурсов в русском и английском языках.

Примечания

- 1 Александрова О. Когнитивно-прагматические особенности построения дискурса в средствах массовой информации // Текст и дискурс : традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования : сб. науч. тр. / под ред. Л. А. Манерко. Рязань, 2002. С. 86.
- 2 Там же.
- 3 См.: Готта О. Прагматика функционирования ключевых концептов в риторике датских политических партий : дис. ... канд. филол. наук. М., 2008 ; Колокольникова М. Дискурсивный анализ в исторической лексикологии и семасиологии (на материале морально-этической лексики в западноевропейских языках Средневековья) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2011 ; Даношина Ю. Многоуровневый анализ англоязычного сетевого бизнес-дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011 ; Терехова Е. Статус и функционирование рекуррентных конструкций в политическом дискурсе современного английского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011 ; Комкова А. Динамика норвежского политического дискурса : ключевые концепты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.
- 4 Александрова О. Указ. соч. С. 86.
- 5 Комкова А. Указ. соч. С. 8.

УДК 811.161.1'38:070(470+571)

ОБРАЗ РОССИИ И США В РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ КАК РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КАТЕГОРИИ «СВОЙ – ЧУЖОЙ»

О. В. Морозова

Саратовский государственный университет
E-mail: mov9393@yandex.ru

В статье проводится анализ речевых способов формирования образа России и США в российской прессе в рамках оппозиции «свой – чужой». В оппозиционной прессе автор выделяет идеологемы, которые формируют образ «своей» и «чужой» страны.

Ключевые слова: коммуникативная категория, оппозиция «свой – чужой», образ, речевые средства, идеологема, оппозиционная пресса.

Images of Russia and the USA as the Realization of a Communicative Category «Friend or Foe» in the Russian Press

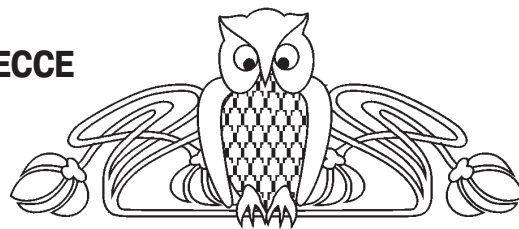
O. V. Morozova

This paper deals with the analysis of speech means of creating the images of Russia and the USA within the opposition framework «friend or foe» in the Russian press. In the opposition press the author distinguishes ideologemes that create the image of a «friendly» and «hostile» country.

Key words: communicative category, opposition «friend or foe», image, speech means, ideologeme, opposition press.

Формирование образа России и США в российской прессе можно рассматривать с различных позиций. Исследование базовой для политического дискурса оппозиции «свой – чужой» не теряет актуальности и сегодня. В основе любой культуры лежит разделение мира на пространство «наше»/«свое»/«безопасное»/«гармонично организованное» и «их»/«чужое»/«враждебное»/«опасное»/«хаотичное»¹. Подобное противопоставление пронизывает «всякое коллективное, массовое, народное, национальное мироощущение»². Поэтому важно сравнить медийные образы России и США в российской прессе. Учитывая роль и место СМИ в публичном пространстве, становится очевидным, что образы этих стран как внутри страны, так и в мире во многом обусловлены представлениями граждан о той или иной стране, находящими отражение в сообщениях СМИ.

В основе оппозиции «свой – чужой» лежит коммуникативная категория чуждости. По мнению Е. П. Захаровой, коммуникативные категории – это категории речевого общения, которые участвуют в организации и/или регулировании коммуникативного процесса, имеют определенную структуру (в виде оппозиции, шкалы, спектра), собственное коммуникативное содержание, набор

разноуровневых языковых и речевых (в том числе коммуникативно-прагматических) средств для выражения этого содержания³. Гипотезу о том, что в коммуникативной категории чуждости отражается семиотический принцип членения мира на свой и чужой, т. е. она базируется на семантической категории чуждости, высказал А. Б. Пеньковский⁴.

Культурный опыт организован таким образом, что оппозиция становится важнейшей моделью интерпретации отношений в социальном обществе. Политизация общества и как один из результатов этого – поляризация общества, а также существование разноязычных информационных полей способствуют появлению различных современных реализаций древнейшей оппозиции «свой – чужие», которая, как показал на анализе индоевропейских языков Э. Бенвенист, всегда трансформируется в оппозицию «друг – враг»⁵.

Применение данной оппозиции оказывает сильное эмоциональное воздействие на адресатов и влияет на их социальные представления, формируя, таким образом, необходимое адресанту восприятие сообщения. Оппозиция «свой – чужой» в российской прессе выражена различными речевыми средствами. Главной целью статей, в которых реализуется эта оппозиция, является формирование или закрепление стереотипа «рассматриваемая страна – своя или чужая». Эта цель может выражаться как эксплицитно, так и имплицитно.

Мы выявили и провели анализ речевых способов формирования образа России и США в российской прессе в рамках оппозиции «свой – чужой». Для анализа были отобраны статьи из электронных вариантов российских газет («Аргументы и факты», «Российская газета», «Независимая газета», «Завтра»). Общий объем проанализированного материала составляет 22 статьи. В связи со сложившейся ситуацией на Украине большая часть статей посвящена событиям в зоне данного конфликта.

Формируя образ России как «своей» страны, журналисты противопоставляют его образу Америки как представителю «чужой» страны. За счет использования различных языковых средств внушается чувство презрения по отношению к «чужой» стране, а также формируется у массового читателя нужное им представление о другой стране.

Для начала обратимся к образу США, формируемому «Российской газетой» и газетой «Аргументы и факты». Особый интерес пред-

ставляет статья Валерия Коровина, опубликованная в «Аргументах и фактах» 4 сентября 2014 г. под названием «Еще кто-то трепыхается?». Она посвящена размышлениям журналиста о месте США и России в мире. Для усиления воздействия в заголовке статьи используется разговорное слово *трепыхаться*: 1. Судорожно дергаться, колебаться, дрожать и 2. перен. Волноваться, нервничать⁶. Употребление подобной лексики, свойственной разговорному стилю, при описании политической ситуации создает ироничность с негативной коннотацией.

С этой же целью в начале статьи журналист пользуется риторической аргументацией, с помощью которой создается единый смысловой образ. Сначала он формулирует тезис:

Почему США запрещают другим делать то, что делают сами?

Затем с помощью диалогического единства журналист приводит аргументированные обоснования, которые подчеркивают справедливость тезиса и тем самым влияют на процесс принятия адресатом решений.

Потому что мы живем в американоцентричном мире, в системе однополярной глобализации. В мире, который раздавлен могуществом и величием Америки. По сути, речь идет о некоем религиозном ощущении американоцентричного мира. Оно парализует волю политических элит, лидеров национальных государств, оно заставляет их подчиняться американской логике в ущерб собственным национальным интересам. Америка подавляет человечество, народы, государства. На мой взгляд, Америка – это абсолютное зло, античеловеческая машина смерти. Поэтому неудивительно, что США возмущены тем, что еще кто-то трепыхается, живет вне их воли и пытается отстаивать свои интересы. Соответственно, Штаты пытаются задавить даже зачатки сопротивления (АиФ, 04.09.2014).

Журналист характеризует политику США в современном мире, используя оценочные словосочетания *американоцентричный мир, могущество и величие Америки* с семантикой сила, мощь. За счет употребления дисфемизмов (*Америка – это абсолютное зло, античеловеческая машина смерти*) формируется негативный образ США как воплощение зла, смерти. В данные словосочетания входят лексемы с явно отрицательным оценочным компонентом (*зло, смерть*), содержащие семы «агрессия, опасность, угроза». Автор статьи употребляет глаголы *парализует, заставляет их подчиняться, подавляет, пытаются задавить*, относящиеся к лексико-семантическому классу «невозможность действовать, приведение в нездоровое (больное) состояние». Всеобъемлющий, масштабный образ происходящих событий формируется использованием следующих слов и словосочетаний: *парализует волю политических элит, лидеров национальных*

государств; подавляет человечество, народы, государства.

Использование подобной лексики способствует восприятию «чужих» (в данном случае США) негативно, с опасением.

В отличие от образа Америки как агрессора, зла, Россия изображается «своей» страной, борцом с этим злом.

Россия же является другим полюсом. Она антипод США и всего того зла, которое идет с Запада. Она вынуждена сопротивляться, и в этом ее историческая и цивилизационная миссия. Это противостояние закончится последней, финальной битвой, после которой завершится этот мир и будет создан новый. Поэтому Россия не может уклониться от этого противостояния в отличие от Европы, которая продала душу в обмен на материальное благополучие, но лишилась исторической и цивилизационной субъектности и вынуждена сейчас жить под американским сапогом, не имея права роптать, выполняя любые пожелания Вашингтона. Субъектность Европе может быть возвращена только в союзе с Россией, чему активно противится Америка (АиФ, 04.09.2014).

Используются глаголы с семантикой неизбежности (*вынуждена сопротивляться, не может уклониться от этого противостояния*). Европу же автор изображает рабом США, так как она вынуждена подчиняться и жить по их законам. Журналист вводит в контекст статьи фразеологизмы: 1) *продать душу в обмен на материальное благополучие*; 2) *жить под американским сапогом* (находиться в подчинении, быть под чьей-либо властью). В данные фразеологические сочетания автор дополнительно вводит прилагательные и другие определители, что усиливает выразительность и эмоциональное воздействие, а также формирует новый устойчивый образ.

В других публикациях образ «чужой» страны формируется не менее выразительно. Образ США как судьи изображается путем введения в контекст лексико-семантического повтора и использования глаголов с семантикой исполнение наказания:

Вашингтон считает, что вправе наказывать страны, когда те поступают в каком-то вопросе не так, как хочется ему, и вправе требовать от других сотрудничества в жизненно важных для США вопросах ... истинная цель – переделать Россию, изменить ее позицию по ключевым, принципиальнейшим для нас вопросам и заставить принять позицию Запада (РГ, 19.10.2014).

В российской прессе США выступают в образе агрессора, врага.

По мнению многих ополченцев, украинские военные применяют американский метод ведения боевых действий. То есть сначала при помощи артиллерии и авиации ровняют с землей города и села, а потом пытаются зайти туда живой силой. Такой способ считается преступ-

ным даже во время войн на чужой территории – ведь он **приводит к огромным жертвам** среди мирного населения (АиФ, 26.08.2014). В данном примере журналист использует ссылку на источник (*по мнению многих ополченцев*), что придает высказыванию дополнительную достоверность. Образ США как агрессора, врага достигается путем употребления лексики, относящейся к лексико-семантическому полю «война»: **ровнять с землей города и села, зйти живой силой, способ считается преступным, приводит к огромным жертвам**.

Еще одним речевым средством, способствующим передаче сообщения в рамках реализации оппозиции «свой – чужой», является цитация. Ссылка на достоверные источники информации или на авторитет позволяет автору не только склониться от ответственности за оценочность высказывания, но в то же время лексическая и синтаксическая структура цитаты помогает убедить адресата в достоверности высказанной журналистом мысли.

Помощник госсекретаря США по делам Европы и Евразии Виктория Нуланд неоднократно заявляла, что Вашингтон в период с 1991 по 2013 годы **потратил 5 миллиардов долларов США** на «поддержку стремления народа Украины к более сильному, демократическому правительству». **По данным только открытых источников, например, документов конгресса США, общий объем государственного финансирования различных американских программ «помощи» Украине за период с 2001 по 2012 год составил не менее 2,4 миллиарда долларов США. Это сравнимо с годовым бюджетом некоторых небольших государств** (АиФ, 26.08.2014). Помимо ссылки на источник, автор вводит в контекст числовую информацию. Подобная информация, связанная с выбранной единицей измерения, помогает журналисту дополнительно воздействовать на адресата. Использование подобного эквивалента (*Это сравнимо с годовым бюджетом некоторых небольших государств*) преследует цели скрытого воздействия на читателя, а также формирует у него отрицательное отношение к США.

Образ России формируется как образ «своей» страны, и ее политика оценивается положительно.

Так, в рамках реализации коммуникативной категории «свой» формируется положительный образ России как соперника за счет использования оценочной лексики с положительной коннотацией.

Как только Россия стала серьезным игроком в мировой экономике, на мировой политической арене, когда она четко и внятно сформулировала самостоятельную внешнюю политику великого государства, наша страна стала в глазах США, их союзников главным геополитическим препятствием на пути формирования мироустройства по американским лекалам (РГ, 17.10.2014).

Россия выступает в образе защитника и борца за справедливость:

У России есть обязанность отстаивать справедливость, равноправие и демократический характер международных отношений... все равно найдет выход из нынешнего кризиса и поможет украинским братьям договориться о том, как им обустроить свою страну (РГ, 19.10.2014); **Это не зависит от России, но наша страна будет делать все, чтобы правда пробила себе дорогу** (РГ, 21.10.2014). Положительно окрашенная оценочная лексика, относящаяся к лексико-семантическому полю «справедливость» (*справедливость, равноправие, демократический характер, найдет выход, правда*), формирует положительный образ нашей страны в глазах читателей.

В публикациях, посвященных России, так же, как и в публикациях о США, с целью убеждения используется аргументация.

Россия больше, чем кто-либо другой, делает для того, чтобы кризис на Украине был урегулирован. Мы стояли у истоков апрельской инициативы в Женеве, последующих берлинских инициатив. Минские договоренности, как это записано в Протоколе от 5 сентября с.г., являются результатом инициатив президентов России Владимира Путина и Украины Петра Порошенко. Сейчас, используя все наши связи, мы добиваемся добросовестного выполнения этих договоренностей (РГ, 19.10.2014). В данном примере аргументация включает в себя тезис и несколько аргументов. В качестве тезиса выступает фраза **Россия больше, чем кто-либо другой, делает для того, чтобы кризис на Украине был урегулирован**, а в качестве аргументов последующие фразы данного фрагмента, в которых описываются различные положительно оцениваемые события. Использование в данном примере местоимений **мы, наши** указывает на признак «единство».

Для формирования образа «своей» страны журналисты также используют лексику, относящуюся к лексико-семантическому полю «родство».

Мы не можем потерять Украину, поскольку она для нас – самый близкий, братский народ (РГ, 19.10.2014); **Русский народ близко к сердцу принимает трагедию Украины, которая была и остается для России братской страной** (РГ, 17.10.2014).

А теперь рассмотрим, с помощью каких речевых средств формируется образ «своей» России и «чужой» Америки в оппозиционных изданиях.

Как отмечает Н. И. Клушина, для «оппозиционных» текстов почти всегда характерна агрессивная авторская манера изложения, когда публицист, вместо того чтобы подробно и объективно разобрать аргументы другой стороны, стремится перехватить инициативу и любыми способами дискредитировать своего «противника»⁷.

В качестве материала исследования были взяты статьи из электронных вариантов российских оппозиционных газет («Независимая газета», «Завтра»).

В оппозиционных изданиях прослеживается резко негативное отношение к другим странам, четко проводятся границы между «своим» и «чужим». Так, журналисты резко противопоставляют Россию («своя») США и их западноевропейским союзникам, относя их к категории «чужих» и видя в них прямую угрозу для гармоничного развития всего мира. С точки зрения речевых средств, с помощью которых в оппозиционных изданиях реализуется категория «свой – чужой», то это в основном экспрессивно окрашенная лексика.

В результате анализа нами были сформулированы идеологемы (термин Н. И. Клушиной), которые помогают наиболее полно рассмотреть формирующийся образ «чужой» страны (в данном случае США): «Идеологема предполагает целенаправленное воздействие со стороны адресанта на сознание адресата, с помощью заранее заданной идеи. Такая идея носит обобщенный характер и ориентирует массовое сознание в заданном направлении»⁸. Так, вслед за Н. И. Клушиной под идеологемой мы понимаем воплощение вербальными средствами идеологических, политических, социальных установок, которые должен усвоить адресат и которые формируют в обществе определенную устойчивую идеологию⁹. Итак, нами были выделены следующие идеологемы: идеологема разрушения, идеологема управления и подчинения, идеологема США как воплощение зла.

Идеологема разрушения реализуется с помощью использования глаголов с семой «разрушение», лексики с отрицательной коннотацией, речевого приема анафоры.

Все, к чему прикасается Америка, превращается в прах, в труху. С помощью крылатых ракет американцы перепали всю Северную Африку, разрушили множество неудобных Америке режимов (Завтра, 20.11.2014). В современном мире американцы являются источником бесчисленных катастроф, которые создаются силовыми воздействиями США на различные районы планеты... Разрушая устойчивые арабские режимы, американцы привели к тому, что на арабском Востоке возникло радикальное, очень эффективное и беспощадное исламское государство, стремительно набирающее силу и мощь, грозящее современному человечеству. Американцы, поощряя государственный переворот на Украине, привели к дестабилизации в стране и развязыванию на Украине гражданской войны. Американцы, воздействуя на своих союзников в Европе, привели к тому, что сложная архитектура европейской стабильности, построенная с учетом интересов России и государств Европы, начинает шататься и разрушаться. Американский однополярный мир является катастрофой для современного человечества (Завтра, 30.10.2014). С помощью

определенной лексики с отрицательной коннотацией (**прах, труха, бесчисленные катастрофы**), а также глаголов с семой «разрушение» (**перепали, разрушили, привели к дестабилизации, начинает шататься и разрушаться**) «чужая» Америка представляется в образе разрушительной силы. Использование речевого приема анафоры (**американцы привели к тому, что...**) придает тексту особый ритм, создает эффект наваждения, а также подчеркивает степень жестокости и агрессивности «чужих».

Идеологема управления и подчинения выражена путем использования метафоры, определенной конструкции, антитезы.

Американский гегемонизм – та могущественная сила, которая после распада Советского Союза, исчезновения двуполярного мира объявила о своей претензии на управление историей. Взяла на себя функцию управлять человечеством, корректировать мировые события... Весь мир напомнил деталь, которую этот гегемон поместил на токарный станок, подвергая обработке и очень часто «запарывая» (Завтра, 30.10.2014). Президент Франции Франсуа Олланд и британский премьер Дэвид Кэмерон являются «пуделями» США, то есть делают все, что надо Вашингтону, без какого-либо специального побуждения (Независимая газета, 05.10.2014). Эти метафоры выполняют экспрессивную функцию и несут в себе отрицательную оценку. Автор, называя один предмет другим, выявляет важные характеристики описываемого явления. Он заостряет внимание читателя на отрицательных характеристиках описываемого объекта и показывает свое эмоциональное отношение к нему.

*Неверно думать, что Америка – страна инженеров и ученых, глубокомысленных политиков и осмысленных конструкторов. Америка – грандиозная мировая империя, склонная к расширению, стремящаяся захватить весь мир. Америка – страна иррациональной мечты о мировом господстве, о своем божественном предназначении, о космическом мессианстве (Завтра, 09.10.2014). Использование дефиниций (**Америка – это**) не только помогает журналисту доступнее изложить информацию, но также сформировать у адресата нужный журналисту образ «чужой» страны.*

Западный альянс во главе с США, выступая поборником демократии, верховенства закона и прав человека внутри отдельных стран, на международной арене действует с прямо противоположных позиций, отвергая закрепленный в Уставе ООН демократический принцип суверенного равенства государств и пытается решать за всех, что является благом, а что – злом (Независимая газета, 29.09.2014). Пример иллюстрирует такой речевой прием, как антитеза, которая используется с целью показать сложность и противоречивость образа «чужого», а также дать оценку этому образу.

Идеологема США как воплощение зла реализуется использованием лексики с отрицательной коннотацией, метафоры, эпитетов, фразеологизма.

Два американских разведчика, агенты ЦРУ, два мнимых отставника угрожают Путину террористическим актом. Один разглаживает о ракете «земля-воздух», которая может сбить «борт номер один», Другой, угрожая Путину, говорит, что его могут вынести вперед ногами из Кремля (Завтра, 24.09.2014). Идеологема воплощение зла реализуется за счет использования лексики с отрицательной коннотацией (*угрожают, может сбить, вынести вперед ногами, террористический акт*). Эмоциональная нагрузка подобной лексики формирует отрицательный образ «чужой» страны у адресата.

В основе американской цивилизации лежат деньги – таинственная субстанция, завладевшая душами людей, душой страны, душой американской истории (Завтра, 09.10.2014). В данном случае компонент лексико-семантического поля «деньги» выражен с помощью метафоры, лексико-семантического повтора и несет в себе отрицательный образ «чужого».

Пропащая Европа и адские США (Завтра, 06.11.2014). *Они строят государство, в котором дается отпор чудовищному мировому злу, этой беспощадной Америке, что положила лапу на все человечество* (Завтра, 16.10.2014). Автор статьи использует эпитеты (*пропащая Европа и адские США, чудовищное мировое зло, беспощадная Америка*) для описания образа «чужого», чтобы показать отрицательное отношение к данной стране. Для усиления воздействующего эффекта эпитеты используются вместе с фразеологизмом *положить лапу на все человечество*. Лексема *лапа* является грубым словом и вызывает негативные эмоции. Семантика данного фразеологизма указывает на полное подчинение кому-либо и означает «завладеть чем-либо».

При описании России как представителя «своей» страны в оппозиционных изданиях используется минимальное количество негативно окрашенной лексики. При этом «своя» страна предстает «великой нацией», «освободителем».

Формирование образа России в СМИ осуществляется с помощью средств реализации двух идеологем: Россия – президент В. В. Путин и Россия – великое государство.

Идеологема Россия – президент В. В. Путин включает в себя статьи о роли президента в государстве, который воспринимается как лидер. Она реализуется использованием метафоры, антитезы и риторического вопроса.

Популярность Путина на фоне оскорбительных для российского общества санкций выросла еще больше. До такой степени, что появилось утверждение: Путин и Россия – одно и то же. Есть Путин – есть Россия. Нет Путина – нет России (Завтра, 30.10.2014). Главный удар на-

правлен на президента России. Ибо президент России является замковым камнем государства Российского. Расшатать этот камень, разрушь, вырви его, и рухнет весь свод. И повторится трагедия 91-го года, когда Россия осталась без государства (Завтра, 24.09.2014). Журналист употребляет развернутую метафору, которая в данном контексте является текстообразующим средством. Выражение *Президент России является замковым камнем государства Российского* – главное, оно и разворачивает данную метафору. «Своя» страна и президент предстают единым целым, высказывается мнение о невозможности существования одного без другого. Эта метафора наполняется и другими речевыми средствами, например, антитезой, которая построена с помощью антонимов *есть – нет*.

Как защитить президента? Конечно, Федеральная служба охраны усилит свою бдительность. *Сегодня в монастырях и приходах молятся за президента, стремясь окружить его коконом света, непроницаемым для враждебного темного луча, охраняют его покровом Богородицы. Народное признание Путина, огромный 80-процентный рейтинг его популярности – это источник энергии, из которого президент черпает свое вдохновение. Но главным защитником Путина является само государство российское* (Завтра, 24.09.2014). *Русский народ сплотился вокруг своего президента* (Завтра, 20.11.2014). С помощью риторического вопроса *Как защитить президента?* автор призывает к объединению «своего» народа. Журналист употребляет особую лексику, относящуюся к религиозной тематике, призывая пробудить в сознании адресата духовное начало.

Идеологема Россия – великое государство характеризуется использованием экспрессивно окрашенной лексики, метафоры, антитезы.

Русь – сильное, заветное слово, от которого вскипает в наших сердцах неугомонная радость. Русь – в этом звонком имени дышит и прошлое, и будущее. Красное, Белое, Золотое! В нем сила пылающих веков. В этом слове и тайна, и святость, и свет, и мощь (Завтра, 06.11.2014). Журналист использует экспрессивно окрашенную лексику, относящуюся к лексико-семантическому полю «величие» (*сильное, заветное слово, сила, тайна, святость, свет, мощь*). Таким образом, «своя» Россия наделяется положительными характеристиками.

Русь – это и есть «одна шестая часть суши», наш общий дом, наш священный материк (Завтра, 06.11.2014). Использование местоимения *наш* и прилагательного *общий* актуализирует признак «единства» и «сплоченности» людей.

И еще наше государство зиждется на великой русской мечте – мечте о божественной справедливости, о правде, о красоте, о которой поют все русские художники, все поэты, все проповедники... Русская мечта, которая в русских сказках, в былинах, в великих писательских трудах, в проповедях грезит о великих райских смыслах, о свободе,

любви, справедливости, о том, чтобы превратить жизнь земли в симфонию, жизнь земных народов превратить в семью, в цветущее множество, в цветущее единство, противопоставляя это единство насилию и деспотизму одной отдельно взятой цивилизации. (Завтра, 20.11.2014). С помощью метафоры *русская мечта* автор описывает величие «своей» страны и дополняет данную метафору абстрактной лексикой (**свобода, любовь, справедливость, правда, красота**), которая приобретает положительную оценочность за счет того, что затрагивает идею об идеальной жизни. Журналист строит свое высказывание на противопоставлении (антитезе) русской мечты американской, которую описывает, употребляя ярко окрашенную негативную лексику (**насилие, деспотизм**).

Итак, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Коммуникативная категория «свой – чужой» в российской прессе реализуется разнообразными речевыми средствами: риторическая аргументация, цитация, дефиниции, антитеза, развернутая метафора, эпитеты, фразеологизмы, оценочная лексика с отрицательной и положительной коннотацией. Как в качественных, так и в оппозиционных изданиях прослеживается резко негативное отношение к «чужой» стране. США как представитель «чужой» страны изображается агрессором, врагом, злом, судьей. Образ России как представитель «своей» страны, напротив,

изображается положительно. Россию видят соперником, защитником и борцом за справедливость, великой страной. Необходимо отметить, что в оппозиционной прессе возрастает доля экспрессивно окрашенной лексики.

Примечания

- 1 См.: Лотман Ю. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. С. 175.
- 2 Степанов Ю. Словарь русской культуры. М., 1997. С. 472.
- 3 См.: Захарова Е. Коммуникативные категории и нормы // Хорошая речь / под ред. М. Л. Кормилициной, О. Б. Сиротининой. М., 2009. С. 164.
- 4 См.: Пеньковский А. О семантической категории «чуждости» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики 1985–1987 : сб. ст. / отв. ред. В. П. Григорьев. М., 1989. С. 54.
- 5 См.: Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 236.
- 6 Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007. С. 996.
- 7 Клушина Н. Стилистика публицистического текста. М., 2008. С. 150.
- 8 Там же. С. 69.
- 9 Там же. С. 96.

УДК 811.112.2'271.2

СОБОЛЕЗНОВАНИЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД (на материале немецкого языка)

Н. А. Трофимова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург
E-mail: nelart@mail.ru

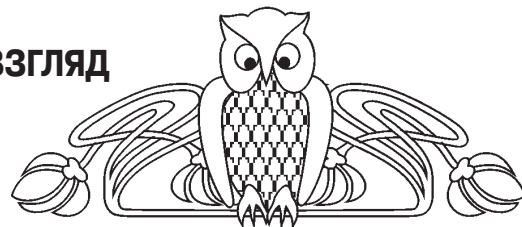
Статья посвящена рассмотрению специфического типа этикетных высказываний – соболезнований. В первой части анализируются прагматические условия совершения релевантных речевых действий, затем автор обращается к языковым операторам порождения и модификации элементов смысла высказываний соболезнования, завершает статью взгляд на косвенные способы выражения соболезнования.

Ключевые слова: этикет, ритуал, экспрессив, речевой акт, соболезнование, прагматические условия, интенция, пропозиция, эмоционально-оценочный, косвенный речевой акт.

Condolences: a Linguistic Perspective (on the Material of the German language)

N. A. Trofimova

The article deals with a specific type of etiquette statements – condolences. The first part analyzes the pragmatic conditions for making the

relevant speech acts, then the author covers the language operators which generate and modify the sense elements of condolences. The paper concludes with a view on indirect ways of expressing condolences.

Key words: etiquette, ritual, expressive, speech act, condolences, pragmatic terms, intention, proposition, emotional evaluation, indirect speech act.

Речевой акт соболезнования является, пожалуй, наиболее сложным для исследования в группе социативов – этикетных, ритуальных высказываний, что объясняется, вероятно, интимностью ситуации их произнесения и трудностями в подборе языкового материала для анализа. Однако именно специфичность этого речевого действия, а также его особая социальная значимость в процессе межличностной коммуникации настоятельно требуют подведения под их здание лингвистической

основы, фундамента, который обеспечил бы безошибочное межъязыковое общение. Автор настоящей статьи задался целью объективно взглянуть на прагматические условия совершения речевого действия соболезнования и особенности актуализации универсальных компонентов смысла в высказываниях, реализующих эти речевые акты¹. Материалом для анализа послужила выборка текстовых фрагментов стилизованной разговорной речи, смоделированной авторами художественных произведений с учетом закономерностей диалогического общения. Часть произведений представлена в виртуальном корпусе примеров COSMAS II, созданном Институтом немецкого языка в г. Маннгейм (ФРГ). Вторым источником языкового материала являются записи устных высказываний, сделанные автором.

Прагматическая характеристика. Соболезнование считается выражением сочувственной печали, скорби, которую психологи определяют как «более или менее стереотипную реакцию на потерю»². Это глубокая душевная боль, вызванная потерей близкого и дорогого человека, скорбь имеет особого рода «авторитет» по сравнению с другими чувствами: она определяет состояние, даже существование скорбящего, он не может просто силой взять себя в руки и отдать другим чувствам. Состояние скорбящего достоверно отражают слова из «Исповеди» Августина Блаженного по поводу смерти его друга: «Какою печалью омрачилось сердце мое! Куда бы я ни посмотрел, всюду была смерть. Родной город стал для меня камерой пыток, отцовский дом – обителью беспросветного горя; всё, чем мы жили с ним сообща, без него превратилось в лютую муку. Повсюду искали его глаза мои, и его не было. Я возненавидел всё, потому что нигде его нет, и никто уже не мог мне сказать: “Вот он придет”, как говорили об отсутствующем, когда он был жив. Стал я сам для себя великой загадкой и спрашивал душу свою, почему она печальна и почему так смущает меня, и не знала она, что ответить мне»³.

Люди, лично не затронутые горем потери, но поставленные перед лицом глубокой скорби других, с трудом могут избежать воздействия этого чувства. Соболезнование есть именно соболезнь, со-чувствие, это эмфатическая реакция на скорбь адресата, имплицитно оценивая смерть как собственной потери говорящего. Безусловно, соболезнующий не способен устранить отрицательное эмоциональное состояние адресата, а адресат не способен подчиниться воздействию, направленному на улучшение его эмоционального состояния, но сам приход говорящего, его поддержка являются для адресата знаковыми.

Специфическую ситуацию общения, с которой связан речевой акт соболезнования, можно описать в виде следующих условий совершения этого речевого действия:

1) говорящий воспринимает некоторое положение вещей, которое заключается в смерти близкого адресату человека;

2) говорящий оценивает это положение вещей отрицательно по отношению к адресату и по отношению к самому себе;

3) говорящий сочувствует адресату в связи со смертью близкого ему человека.

Говорящий играет в речевых актах соболезнования роль наблюдателя, печальное событие касается только адресата и членов его семьи (выражать взаимное соболезнование между близкими покойного не принято, поскольку они все имеют непосредственное отношение к скорбному событию).

Социальные отношения между адресатом и говорящим не играют заметной роли в выражении соболезнования как такового. Все участники скорбной ситуации становятся равны между собой, социальные различия нивелируются, остается только участие, не знающее возрастных или статусных границ. Совершенно естественно, что соболезнование выражается не только близкому человеку, но и совершенно незнакомому. В обоих случаях сочувствие может быть как эмоциональным и искренним, так и ритуальным, выполняющим роль инструмента поддержания отношений. Все зависит от ситуации и от психологических особенностей человека, а также от его эмоционального состояния. Некоторые исследователи считают условие искренности необязательным при совершении речевого действия соболезнования (как, собственно, при совершении любого этикетного речевого действия), обосновывая свое мнение крайне формализованной формой его выражения. Однако использование общепринятых клише не обязательно означает, что говорящий абсолютно равнодушен к условиям событийного контекста. Формальные слова соболезнования являются рамочными элементами психологической поддержки, которая помогает близким ушедшего из жизни пережить потерю. В случае их недостаточности – это бывает понятно по ситуации – они дополняются другими речевыми действиями, выражаются более интенсивными, индивидуализированными языковыми средствами.

Что касается действительно неискреннего соболезнования (говорящий не испытывает сочувствия, но по тем или иным причинам выполняет ритуал), то такие речевые акты следует определить как ситуативно неискренние. При их рассмотрении играет роль морально-этическая категория лжи, мало имеющая отношение к категории искренности при совершении этикетных речевых актов.

Разумеется, чувства имеют разную временную протяженность и разную степень интенсивности. Но мы предполагаем, что эмоциональные состояния и эмотивный смысл в любом случае играют важную роль при совершении речевых действий соболезнования, поэтому вполне ло-

гично мнение о том, что степень искренности речевого акта является решающей: соболезнование всегда настолько искренне, насколько оно может быть таковым.

В устной речи соболезнование высказывается при первой встрече после смерти родственника адресата, это, как правило, церемония прощания с умершим или похорон. Но вербальному выражению соболезнования нередко ставятся ограничения: в газетных объявлениях о смерти часто встречается просьба *Von Beileidsbekundungen am Grabe bitten wir Abstand zu halten*. Этот факт доказывает, что письменная форма выражения соболезнования является сегодня более предпочтительной.

Сочувствие в письменной форме заносится в книгу соболезнований (*Kondolenzbuch*) или присылается в виде открыток (*Beileidskarten*), которые украшены соответствующими символами христианской церкви и траурной рамкой и считаются в западном обществе подобающим средством выражения соболезнования. В подобных открытках важно не только (или не столько) их графическое исполнение, но и обязательная их составляющая – формулы соболезнования, заменяющие индивидуальную реализацию этого речевого акта. Такие формулы как *Aufrichtige Anteilnahme* или *Herzliches Mitgefühl* с подписью соболезнующего представляют собой минимальную, но вполне достаточную реализацию действия соболезнования⁴.

Поведение пришедших проститься с умершим – печально-молчаливое, исполненное раздумья, ведь смерть человека – самое печальное событие из всех возможных. М. Шварц-Фризель определяет состояние выражающих соболезнование как состояние эмоциональной и вербальной беспомощности, они испытывают психологический дискомфорт и разговор между ними имеет тенденцию табуирования темы смерти, как можно более скорого исключения ее из дискурса. В этом проявляется стремление к эмоциональной самозащите, связанной с нежеланием обременять себя конфронтацией со смертью. За пределами релевантной ситуации, в повседневном общении тема ухода из жизни исчезает, она не является интегральной частью нормальной коммуникации⁵.

Форма общения при церемонии прощания или ритуале похорон жестко прескриптивна, морально обусловлена: не принято громко разговаривать, смеяться, проявлять радость и жизнелюбие, необходимо относиться с сочувствием к родным и близким умершего, разделяя их боль и горечь невосполнимой утраты. Коммуникативное поведение тяготеет к шаблонным формам, причина чему заключается в той самой коммуникативной беспомощности, когда понимаешь, что никакие слова неспособны изменить ситуацию. Конечно, использование общепринятых, социально приемлемых клише не снимает эмоционального напряжения скорбящих, но оно снижает риск совершить неверное речевое действие: использование

других, менее стереотипных форм высказывания чревато опасностью оскорбить чувства адресата. Например, высказывание соболезнования *Ich bin erschüttert, dass Ihr Sohn in so jungen Jahren sterben musste* может быть воспринято адресатом не как сочувствие по поводу самого факта смерти, а по поводу возраста умершего. Перлокутивным эффектом в таком случае будет не утешение, а раздражение или даже обида⁶.

Полиинтенциональность соболезнования.

Соболезнование – речевое действие, требующее тонкой работы души. Говорящий действует по ситуации: он либо произносит только традиционную клишированную фразу (*Mein Beileid!*), либо выражает искреннее сочувствие, используя для этого расширенный вариант выражения соболезнования, который может включать:

- констатацию со-чувствия: *Zwar kann ich deinen Schmerz nicht fühlen, aber ich teile deinen Kummer* (устн. выск.);

- положительную оценку покойного (*De mortuis nihil nisi bene* – о мертвых хорошо или ничего): *Es tut mir leid, Ursula. Er war ein so außergewöhnlich starker Mensch* (Hauptmann);

- немногословное воспоминание о том, какую роль покойный сыграл в жизни говорящего: *Dein Vater war ein einzigartiger Mensch, sein Tod ist auch für mich ein großer Verlust* (устн. выск.);

- сожаление о ранней кончине: *Furchtbar, dass er so früh gehen musste...* (устн. выск.);

- сочувствие/беспокойство по поводу психологического состояния близких покойного: *Es tut mir sehr leid um Ihren Mann, Frau Winkler. Mein herzliches Beileid. Es muss furchtbar sein* (Hauptmann). Логичным продолжением выражения беспокойства является предложение помощи семье умершего: *Wir möchten dir unser aufrichtiges Mitgefühl und unsere Anteilnahme aussprechen. Solltest du in diesen Tagen Hilfe benötigen, so kannst du dich zu jeder Zeit auf uns verlassen* (устн. выск.);

- пожелания сил, чтобы пережить скорбное время: *Möge unsere Hoffnung auf Auferstehung dir Kraft und Mut geben* (устн. выск.).

Таким образом, выражение искреннего соболезнования превращается в полиинтенциональный речевой акт, выполняющий наряду с ритуальной функцией еще и важную психологическую функцию – поддержать скорбящего, дать ему понять, что он не один, что окружающие его люди готовы подставить ему плечо.

Безусловно, наряду с речевым общением в подобных ситуациях используются паралингвистические элементы, которые в некоторых случаях полностью заменяют речевое общение, пожатие рук, дружеское объятие, поцелуй.

Речевой акт соболезнования в составе диалогического единства. Речевой акт соболезнования является инициативным коммуникативным ходом, поскольку он занимает начальную позицию в структуре диалогического обмена. Мнение Е. А. Митиной, рассматривающей со-

болезнование как «реактивный речевой жанр с перфектной перспективой»⁷, следует признать ошибочным, поскольку печальное событие, которое автор рассматривает как инициативный элемент, не является частью диалогической коммуникации. Норма согласования коммуникативных ходов по их «прагматической валентности» требует ответной реакции на соболезнование в виде благодарности за участие:

– ... *es tut mir sehr leid um Ihren Mann, Frau Winkler. Mein herzliches Beileid. Es muss furchtbar sein.*

– *Danke* (Hauptmann).

Реакция на соболезнование не бывает многословной – состояние острого горя, переживаемого близкими ушедшего из жизни, характеризуется сложностью концентрации внимания, относительным отсутствием интереса к другим людям и ситуативной активности. Поэтому благодарность за поддержку является, по сути, просто сигналом о том, что соболезнование принято, и выражается, как правило, только краткой клишированной формулой и/или тоже паралингвистическими средствами – кивком, рукопожатием и т. д.

Формирование смысла речевых актов соболезнования. Как уже говорилось, соболезнование в значительной степени несет печать ритуализации, которая обусловлена не только речевыми канонами, но и «правилами» жизни, которая проходит в многоаспектном, человеческом «измерении».

В типичной ситуации выражения соболезнования матричными формами речевого действия соболезнования являются эксплицитно-перформативные высказывания (*Ich spreche Ihnen mein aufrichtiges Beileid aus*). Их информативная формула включает иллокутивный и пропозициональный компоненты и может быть представлена как *Ich kondoliere Ihnen zum Tod Ihrer/Ihres N*. Перформативный глагол *kondolieren* встречается в своей канонической форме достаточно редко, в речевом общении иллокутивный компонент высказываний соболезнования бывает представлен развернутыми номинализациями *j-m sein Beileid, sein Bedauern, seine Anteilnahme, sein Mitgefühl aussprechen, ausdrücken, den Tod bedauern: Darf ich Ihnen mein herzliches Beileid zum Tode Ihres Mannes ausdrücken?* (Hauptmann).

Варьирование иллокутивного компонента зависит в первую очередь от полноты его репрезентации: он может иметь как развернутую (*Ich möchte Ihnen mein tiefstes Bedauern über das Ableben Ihres so geschätzten Herrn Gemahl aussprechen*), так и свернутую форму (*Meine aufrichtige Anteilnahme!*). Степень распространенности высказываний соболезнования колеблется в зависимости от ситуации и социальных отношений между действующими лицами: развернутое соболезнование значительно более официально и торжественно. Называние повода для соболезнования в этом случае стратегически важно,

хотя этот элемент ритуала является избыточным и противоречит правилам речевого общения, предполагающим имплицирование прагматических пресуппозиций, т. е. самоочевидной или хорошо известной информации⁸. Но ритуальное название повода для соболезнования (*Bedauern über das Ableben ..., Beileid zum Tode...*) выделяет его значимость, придает высказыванию коммуникативный объем, подчеркивает торжественность скорбной церемонии. Краткое соболезнование обладает строгой интимностью, в нем нет ничего лишнего, пафосного, но оно достаточно для проявления теплого участия.

Нередко пропозиция высказываний соболезнования вуалируется, называется стилистически окрашенными перифразами (*Ableben, Hinscheiden, Heimgehen, Verlust*), что, с одной стороны, является следствием табуирования понятия *Tod* и негласных требований этикета использовать эвфемистические обозначения печального события. С другой стороны, использование перифраз *Ableben, Hinscheiden, Heimgehen* имплицировало христианское отношение к смерти как к неизбежному концу периода жизни на земле, который однако не означает прекращения существования вообще, а предполагает другую, «вечную» жизнь.

Синтагматика употребления существительных *Beileid, Bedauern, Mitgefühl* в краткой форме соболезнования допускает опущение связанных с ними антропокомпонентов – адресата и адресанта: присутствие обозначаемых ими лиц делает их называние, по сути, избыточным, а валентность перформатива допускает имплицирование зависимых актантов. Однако изолированное употребление названных существительных (*Beileid!*) сводит теплое участие в жизни скорбящего к сухой демонстрации собственного соответствия нормам этикета, принятым в данном обществе, которая никак не может утешить близких покойного. Поэтому такое употребление перформативных формул неузואльно, при использовании кратких перформативных номинаций облигатно предполагается называние отправителя высказывания в форме соответствующего притяжательного местоимения: *Sie war Ihre Freundin? Mein Beileid* (Imbstweiler). Таким образом подчеркивается, что именно говорящий совершает речевой акт и выражает тем самым свое участие в жизни адресата. В случае possessивной представленности иллокутивного компонента и узואльной невозможности называния грамматического объекта речевого акта (*Mein Beileid für dich!*) существует возможность репрезентации адресата в форме обращения, значительно индивидуализирующего соболезнование, снижающего степень его формальности, клишированности, выводящего реляционный смысл в приоритетную позицию: *Herzliches Beileid, Berndt* (Imbstweiler).

Сила эмоциональной выразительности соболезнования варьируется и в зависимости от степени усложнения структуры его иллокутивного

компонента. К средствам модификации прагматического значения относятся, прежде всего, единицы лексического уровня – наречия *aufserordentlich*, *zutiefst*, *sehr* или прилагательные (в роли атрибута в номинализациях) *herzlich*, *tief*, *aufrichtig*. Включение этих единиц в состав высказывания вносит в клишированное выражение соболезнования элемент эмоциональности и теплого отношения к адресату: *Ich bedauere den Tod Ihres Bruders aufserordentlich!*; *Was passiert ist, tut mir sehr leid, Frau Dipper. Mein herzliches Beileid* (Schneider). Такой лексический состав высказывания соболезнования – притяжательное местоимение + атрибут (часто в форме суперлатива *herzlichstes/tiefstes*) + перформативная номинализация *Beileid* – «зацементирован» в течение столетий, превратившись в своего рода прагматическую идиому⁹. Такие идиомы являются быстрым, мимолетным «касанием» партнера (тем самым вербальным «поглаживанием», по Э. Берну), которое, тем не менее, необыкновенно важно в повседневном общении вообще и в ситуации скорби адресата особенно.

В качестве модификаторов, интенсифицирующих прагматическое значение высказываний соболезнования, выступают и модальные глаголы, «прикрывающие» перформативную представленность интенции и окрашивающие смысл всего высказывания дополнительными модальными оттенками: *Ich möchte Ihnen mein herzlichstes Beileid zum Tode Ihrer Frau aussprechen* (устн. выск.). Анализ языкового материала позволяет нам констатировать, что в таких квазиперформативных речевых актах возможно употребление только модальных глаголов *müssen*, *wollen* и *mögen*, два последних встречаются в форме второго конъюнктива: *Ich möchte Ihnen als Erstes mein Beileid aussprechen* (Raimund); *Ich wollte Ihnen noch einmal mein Beileid aussprechen* (Gibert). Функции, выполняемые этими операторами модального смысла, идентичны во всех экспрессивных речевых актах – совершение некоторого «разбега» перед реализацией основной интенции, кроме того, вербализация преднамеренности, осмысленности речевого действия, маркирование его неспонтанного характера. Глагол со значением необходимости *müssen* уже по определению вносит в высказывание элемент вынужденности, незапланированности, но и необратимости события – повода для соболезнования: *Ich muss Ihnen zum Tode Ihres Vaters mein tiefes Mitgefühl zum Ausdruck bringen* (устн. выск.).

Примеров употребления глагола *sollen* в контексте прямого речевого акта соболезнования нам не встретилось, что свидетельствует о принципиальном соблюдении участниками ситуации общения правил ритуала. Высказывание типа *Ich soll dir kondolieren*, передающее волю третьего лица, но не включающее говорящего в число отправителей соболезнования, должно, вероятно, свидетельствовать об особом, возможно, негативном, отношении говорящего к адресату, нежелании ему соболезновать, что нарушает все правила

приличия и является неким вызовом адресату.

В целом следует подчеркнуть, что квазиперформативные высказывания соболезнования, модифицированные модальными глаголами, являются стилистически маркированными как формы подчеркнуто вежливые и, как и при выражении других речевых действий, содержат мысль не о желании, возможности или необходимости совершить действие, а выполняют функцию самого действия «здесь» и «сейчас», т. е. являются эквивалентными. Причиной появления модификаторов являются эмоциональная дистанция между коммуникантами, степень языковой компетенции адресанта, его психологический настрой. Кроме того, модальные глаголы выступают как менее интенсивный способ представления иллюкутивной силы соболезнования и являются поэтому знаком смущения, которое часто наблюдается в критических ситуациях.

Формирование смысла косвенных речевых актов соболезнования. Высказывания, не содержащие прямого указания на иллюкутивную цель, а также высказывания с прагматическим значением, не являющимся первичным с точки зрения их формально-синтаксической организации, реализуют косвенные речевые акты соболезнования. Они произносятся не во время ритуала прощания с умершим, а в различных иных ситуациях общения (например, неожиданное известие о смерти) (*Dein geliebter Vater hat seinen Frieden gefunden!*), наличие определенных эмоций (*Ich kann Ihren Schmerz sehr gut nachempfinden!*; *Ich fühle mit Ihnen!*), собственную эмоциональную реакцию на известие о смерти (*Ich bin fast ohnmächtig und total hilflos vor Trauer*). Во всех приведенных высказываниях имплицитно присутствует выражение соболезнования, которое однозначно читается в соответствующем контексте. Косвенные высказывания соболезнования могут включать также оценку события (*Welch ein furchtbarer Schlag für dich! Die Welt ist um einen lieben Menschen ärmer geworden!*), которые чаще всего имеют эллиптическую форму (*Wie schrecklich!*), не в последнюю очередь потому, что тема смерти является табу. В письменных формах выражения соболезнования мы находим косвенные высказывания, включающие оценку эмоционального состояния автора или адресата, например: *Der Tod deines Vaters hat mich sehr betroffen gemacht; Dass dein Vater so plötzlich verstorben ist, bewegt mich tief!*

Косвенные высказывания представлены самыми разнообразными предикатами, глагольными и именными, наиболее употребительным в связи с его «универсальным» значением является глагол *leid tun*: *Es tut mir leid, Ursula* (Hauptmann). Используя этот глагол, говорящий дает понять адресату, что он принимает участие в его горе (а не просто является сторонним наблюдателем), эгализируя тем самым потерю между собой и адресатом. Степень эмоциональности такого

высказывания повышается использованием наречия-интенсификатора *so*: *Es tut mir so leid!* Такая простая форма выражения своего участия очень часто предпочтительнее «правильных», но формальных слов соболезнования, ее использование предполагает, однако, некоторую интимность в отношении участников коммуникации.

Заключая это краткое «портретное» описание речевых актов соболезнования, можно констатировать, что выражение соболезнования эволюционирует в направлении к обезличиванию вежливых форм общения (т. е. к преобладанию рационального начала). Такое развитие диктуется эмоциональной неординарностью ситуации для задействованных в ней лиц и необходимостью выбора психологически щадящего режима общения с ними. Осторожность в выражении соболезнования приводит к эффекту обезличивания скорбного общения, который проявляется в универсальности использования кратких ритуальных формул, «разбавляемых» и индивидуализируемых только использованием обращений. Выход за рамки обезличенных формул связан с такими субъективными факторами, как личностное восприятие значимости действия или ситуации и желание

открыть партнеру свое эмоциональное видение ситуации.

Примечания

- 1 См.: Трофимова Н. Мозаика смысла : элементы и операторы их порождения. СПб., 2010.
- 2 Hoffmann N. Trauer // Euler H., Mandl H. (Hg.). Emotionspsychologie. Ein Handbuch in Schlüsselbegriffen. München etc., 1983. С. 183.
- 3 Августин А. Исповедь / пер. с лат. и коммент. М. Е. Сергиенко. М., 1992. IV/4.
- 4 См.: Marten-Cleef S. Gefühle ausdrücken. Die expressiven Sprechakte. Göppingen, 1991. S. 276.
- 5 См.: Schwarz-Friesel M. Sprache und Emotion. Tübingen ; Basel, 2007. S. 271.
- 6 См.: Marten-Cleef S. Op. cit. S. 277.
- 7 Митина Е. Речевой жанр «соболезнование» в русской лингвокультуре // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2012. № 2 (236). Филология. Искусствоведение. Вып. 62. С. 56.
- 8 См.: Клюев Е. Речевая коммуникация. М., 1998. С. 88.
- 9 См.: Földes Cs. Überlegungen zum lexikographischen Konzept eines phraseologischen Wörterbuchs // Muttersprache (Wiesbaden). 1995. № 1. S. 67.

УДК 811.161.1'282.3(470.313)

О НАИМЕНОВАНИЯХ БЛЮД ИЗ КРУП И МОЛОКА В НЕКОТОРЫХ СОВРЕМЕННЫХ ГОВОРАХ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Л. В. Илюкина

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина
E-mail: llv72@yandex.ru

Статья посвящена описанию одного из фрагментов пищевой номенклатуры в говорах Сараевского района Рязанской области. В исследовании представлено лингвистическое описание наименований блюд из круп и молока. Работа является продолжением изучения рязанских говоров, материалы которых служат важным источником для исследования развития лексической диалектной системы.

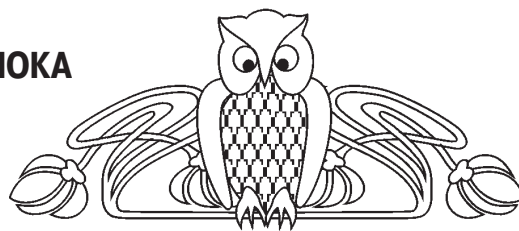
Ключевые слова: пищевая номенклатура, рязанские говоры, лексемы, номинация, наименования блюд из круп и молока.

On the Names of Grain and Milk Dishes in Some Modern Dialects of Ryazan Region

L. V. Ilyukina

The article deals with the description of one of the fragments of the food stock-list in the dialects of Sarajevo district of Ryazan region. The research presents a linguistic description of the names of grain and milk dishes. This work continues the studies of Ryazan dialects, the materials of which provide an important source for researching the development of lexical dialect system.

Key words: food stock-list, Ryazan dialects, lexemes, nomination, names of grain and milk dishes.

Всестороннее и разноаспектное изучение диалектной лексики является одной из первоочередных задач современной лингвистики. Актуальной и перспективной, несмотря на обилие статей и монографий (С. А. Арутюнов, Т. А. Воронина, М. Забылин, Д. К. Зеленин, Н. И. Костомаров, Л. С. Лаврентьева, В. А. Липинская, Г. С. Маслова, Л. Нидерле, В. В. Похлебкин, П. В. Романов, В. К. Соколова, Л. Н. Чижикова, М. Н. Шмелева и др.), посвященных данному вопросу, остается задача описания отдельных тематических групп региональной лексики. Особого внимания заслуживает номенклатура пищи.

Основная цель статьи – проанализировать диалектную лексику, связанную с названиями кушаний из круп и молока, зафиксированную автором в говорах Сараевского района Рязанской области, с точки зрения происхождения и употребления. В ходе исследования решены следующие задачи: рассмотрены принципы номинации, мотивировочные признаки, структурные типы наименований, а также способы словообразования лексем в сараевских говорах.

Сбор материала проводился методом беседы и полевого анкетирования с учетом этнолингви-

стического аспекта. Мы вели опрос в соответствии с вопросником, разработанным Институтом лингвистических исследований РАН для составления Лексического атласа русских народных говоров.

В целом группа наименований кушаний из круп и молока достаточно многочисленна. Диалектные лексемы, входящие в нее, различны как по степени распространенности и употребительности, так и по объему выражаемого ими содержания. Самым распространенным блюдом из круп является *каша*. Как отмечает Т. С. Жбанкова, «лексема “каша” часто обозначает только кашу из пшена, каша из других круп называется иначе»¹. В сараевских говорах, как вспоминают информаторы старшего поколения, данная лексема вплоть до последней четверти XX в. употреблялась именно в таком значении. Во многих сараевских селах известно также такое блюдо, как *каша в ямочку*. Данное словосочетание используют как наименование кушанья из пшенной каши, поданной в большой миске. В каше продельваются углубления – ямочки, в которые закладывается постное или коровье масло либо наливается молоко.

Другие же каши представлены атрибутивными сочетаниями: словом *каша* с обязательным добавлением определения, например, *каша чувшинная* (с. Сысои). Определение *чувшинная* образовано от существительного чечевица, обозначающего культуру, из которой и готовится чечевичная каша. Наименование каши из чечевицы имеет в сараевских говорах и фонетические варианты: *каша из чавицы*, *каша чувшинная* (с. Телятники, Можары).

Гороховая каша в некоторых населенных пунктах Сараевского района (с. Муравлянка, Сысои, Борец, Высокое) носит название *обАрка*. По мнению Т. С. Жбанковой, слово *обарка* связано с глаголом *обваривать*, где упростилась группа звуков («бв»), так как горох, чтобы он стал мягче, уварился, сначала обваривают кипятком².

Каша, сваренная из гречки, именуется у сараевцев *каша грешневая* или *каша крупяная*. Слово *крупя* на территории района бытует в качестве наименования гречневой крупы.

Одним из самых распространенных и любимых блюд из пшена у сараевских жителей является *кулеш*. В Словаре русских народных говоров лексема «кулеш» с пометой «рязанское» зафиксирована в значении «гороховый кисель». В таком значении данное слово известно смоленским говорам. Тверским и псковским говорам лексема *кулеш* известна в значении «кисель из муки, иногда с брусничкой»³. Однако в сараевских говорах (это подтверждают все опрошенные нами информаторы) данная лексема употребляется только в значении «жидкая каша на воде или на молоке». Кушанье, приготовленное на молоке, называется *кулеш малошный*. В начале и середине XX в. *кулеш* готовили в чугунах в печи в селах Телятники, Витуша, Сысои, Можары, Борец. А в селе Муравлянка варили *кулеш с грибами*, преимущественно с опятами, и забеливали его сливками. В насто-

ящее время это блюдо также распространено, но условия приготовления изменились.

Практически всем рязанским говорам известно слово *драчена*. Как вид кушанья *драчена* была известна еще в Древней Руси. В сараевских говорах бытуют слова *драченны* и *драченки*. У сараевских хозяек рецепт приготовления данного кушанья такой: в молочную пшеничную кашу добавляют яйца, из полученной массы формируют оладьи или толстые блины и поджаривают на сковороде (до 70-х гг. XX в. запекали в печи).

В таком же значении лексема «драченны» известна также московским, олонецким, пензенским говорам⁴. Известно также, что драченны могут быть приготовлены и из картофеля. Е. П. Осипова отмечает, что «в разных говорах Рязанской области слово *драчена* обозначает или только кушанье из пшена, или только из картофеля»⁵. В обоих случаях это блюдо отличается пышностью и нежностью. Именно эти качества, по мнению Т. С. Жбанковой, являются вполне вероятными для объяснения этимологии слова *драчена*. Исследователь ссылается на В. И. Даля, который указывает в качестве родственного «драченам» слово «дроля», означающее «хороший, милый»⁶. Нельзя не отметить, что в русских говорах широко бытуют прилагательное *дроченый* «хороший», существительные *дрочень* «неженка», «избалованный, закормленный ребенок», *дрочеха* «выхоленная, избалованная девушка, неженка» и глагол *дрочить* «взбивать, взрыхлять», «нежить, холить, баловать», «сдабривать, нежить, холить»⁷. В словаре В. И. Даля приводится пословица «Печка дрочит – долги клочит»⁸, т. е. лакомая еда навлекает долги. Как видим, сема «нежный, лакомый» прослеживается во всех перечисленных диалектизмах.

Похожее на *драченны* блюдо готовят в селе Кривское. Молочную пшеничную кашу с яйцами и сметаной выкладывают на противень и запекают в духовом шкафу. Таковую запеканку в Кривском называют *тиенник*. Появление такого блюда, на наш взгляд, было закономерным: тяжелая жизнь крестьян подразумевала экономию. Вчерашняя каша, запеченная сегодня с яйцами, с добавлением молока, сметаны могла быть использована как новое блюдо, чаще всего праздничное лакомство.

Во многих сараевских селах сохранилась традиция из пшена выпекать различные блины, толстые и тонкие. Толстые блины, приготовленные из пшеничной муки, имеют ярко-желтую окраску и аромат, вызывающий аппетит. Их заквашивают на закваске, которая должна выстояться определенное время. Блины выквашиваются и становятся сладковатыми, отсюда в селе Высокое название – *блины слажЕные*. Готовятся такие блины, как правило, по праздникам, а также на поминки и на родительские субботы.

Особенно почитаемы у жителей Сараевского района тонкие блинчики, выпекаемые на сковороде с одной стороны, – *каравайцы*. Это слово

имеет на территории района фонетический вариант: *кравайцы* (с. Высокое, Желобово, Кутловы Борки, Сысои, Муравлянка), иногда встречается форма единственного числа *кравайц* (с. Телятники, Борец, Троицкое). *Кравайцы* готовят также по праздникам, на свадьбы и на поминки. В одних селах испеченные на сковороде изделия смазывают сливками и ставят томиться в печь, а в других – мажут коровьим маслом и складывают стопкой. Слово *каравайцы*, очевидно, является однокоренным со словом *каравай* (хлеб круглой формы). Как видим, происхождение этих слов связано с представлением об их круглой форме. Сейчас нередко *кравайцы* пекут из пшеничной муки высшего сорта с добавлением большого количества яиц. Готовят в любое время, это одно из самых любимых кушаний сараевцев. В селе Витуша тонкие блинчики называют *блинцами*, хотя рецепт приготовления тот же.

Большое место в питании сараевцев занимают молочные продукты: творог, молоко, масло коровье, сметана, простокваша. «Семьи, каторыи не вадили карову, щитались “безлюдье”», – вспоминает Т. Г. Фролова (1928 г.р.), уроженка с. Муравлянка. Корова в семье – настоящая кормилица. Даже самые бедные семьи, по мнению информаторов, обязательно старались завести корову, поскольку из молочных продуктов можно приготовить множество сытных и разнообразных блюд. Недаром у сараевцев бытует поговорка: «С коровой и курочкой приготовит и дурочка».

В зависимости от того, в какое время суток подоена корова, различается название молока. Молоко, полученное от утреннего удоя, называется в сараевских говорах *утрашник*, обеденное молоко – *обеденник*, а вечернее – *вечерашник*. Слова эти образованы с помощью суффикса существительных – *-ик* от диалектных прилагательных *утрашний*, *обеденный*, *вечерашний*.

Вплоть до конца XX в. в Сысоях, Желобове, Кутловых Борках молоко томили в печи, отсюда в сараевских говорах название *томленое молоко*. Прежде, в отсутствие холодильников, крестьяне умели заготавливать молоко впрок: замораживали в блюдах и в виде кругов заворачивали в холстину, складывали в кадушку. Такое молоко в Сысоях и Желобове называлось *морозовое молоко*, его растапливали, когда варили первую после поста кашу.

Молоко пьют из кружек вприкуску с вареным картофелем, пышками, пирогами, блинами. На нем варят каши, кулеши, супы, его используют для приготовления мучных изделий, из него делают кисломолочные продукты. С молока снимают жирную, отстоянную часть, которая называется сливками. «Малако синюшняя была, патаму шта снятая», – вспоминает В. Е. Сарычева (1944 г.р.), уроженка д. Любимовка Троицкого с/с. Сливки подают с блинами, *кравайцами*, творогом, из них готовят сметану, а из сметаны сбивают масло. Масло перетапливают и сливают в горшки. Такое масло

у сараевцев называется *масла каровья* (здесь мы имеем дело с диалектными морфологическими особенностями: проявление тенденции к замене среднего рода существительного и согласование с прилагательным по женскому роду). Маслом всегда обильно смазывают блины и *кравайцы*, его добавляют в каши. В настоящее время сливочное масло чаще приобретают в магазинах и на продуктовых рынках. Говоря же о масле домашнего приготовления, по-прежнему употребляется наименование *масла каровья*.

Творог подают в виде густой массы, растолченной с молоком или сметаной, а также из него пекут пышки, добавляют в виде начинки в пироги. В 70-е гг. XX в. из творога научились готовить сырники и запеканки. Запеканки также готовят из первого после отела молока. Самое первое молоко, которое корова дает после отела, хозяйки выливают в глубокие сковороды, слегка подсаливают и запекают в печи или духовом шкафу. Такое блюдо в Муравлянке называется *малозива жареная* (в с. Озериха зафиксирован фонетический вариант: *молодива*). По структуре блюдо напоминает сыр.

Распространены у сараевцев и кисломолочные напитки. Продукт, заквашенный на сметане, в селах Телятники, Высокое, Желобово, Кутловы борки называется *квашенка*. Данная лексема хорошо известна рязанским говорам. Семантически соотносимы со словом *квашенка* лексемы *тянка* (с. Витуша) и *тянучка* (с. Муравлянка, Троицкое). Названия двух последних слов связаны с отглагольным прилагательным *тянучий*. В. Е. Сарычева вспоминает, что до момента появления холодильников хранили *тянучку* в больших горшках в погребах, набитых снегом: «Бывала, маманя прасила спустица в погрип и взбалтать тянучку карцом, штоп фкусней и гущи была».

Итак, диалектные наименования блюд из круп и молока в говорах Сараевского района характеризуются зачастую прозрачной этимологией. Для данных наименований основными являются номинации по действию, продукту или качественной характеристике. При этом мотивировочные признаки отличаются разнообразием: способ приготовления (*обарка*, *квашенка*), качество блюда (*драчена*, *драчены*, *тянучка*, *тянка*), время суток (*утрашник*, *обеденник*, *вечерашник*), продукт, из которого они приготовлены (*пшениник*). Диалектные лексемы, обозначающие наименования блюд из круп и молока, характеризуются использованием продуктивных словообразовательных моделей. Наиболее распространенными из словообразующих суффиксов следует признать *-ик*, *-ен*, *-к*, *-учк* и др. По структурному признаку наименования продуктов из круп и молока подразделяются на однословные и двухсловные. Последние образуются по модели «существительное плюс прилагательное» (к ним относятся атрибутивные сочетания: *кулеш молошний*, *блины слаженные*, *молоко морозовое*, *молоко томленое*, *малозиво жареное*, *масла каровья*); «существительное плюс существительное

(*кулеш с грибами, каша в ямочку, каша из чавицы*).

Некоторые диалектные лексемы имеют фонетические варианты: *каравайцы – кравайцы; чувшинная – чувшинная – из чавицы* (каша); *молозиво – молодиво*.

Двухсловные лексемы, в основе номинации которых лежит преимущественно качественно характеризующий признак (*молоко морозовое, каша в ямочку, блины слаженные*), не зафиксированы в словарях, что дает нам право отнести их к словам, специфичным для сараевских говоров. Для некоторых лексем, бытующих в сараевских говорах (*кулеш*), характерно иное значение, чем в других русских, в том числе рязанских говорах.

Номенклатура наименований блюд из круп и молока в говорах Сараевского района Рязанской области перестраивается в связи с социальными изменениями в жизни носителей местного говора. Отдельные слова архаизируются, так как в настоящее время перестали готовить кушанья, обозначаемые ими (*обарка, молозиво, квашенка, молоко морозовое* и т. д.), они сохранились только в памяти информаторов старшего поколения. Другие слова по-прежнему бытуют в современных сараевских говорах (*кулеш, кулеш*

малошный, каша грешневая, каша крупяная, кравайцы, блинцы, масла коровья, молоко томленое, пшеник, утрашник, обеденник, вечерашник), поскольку блюда и продукты, обозначаемые ими, по-прежнему в большом почете у сараевцев, изменились лишь условия их приготовления.

Примечания

- ¹ *Жбанкова Т.* Названия кушаний в рязанских говорах // Учен. зап. Рязан. гос. пед. ин-та. 1962. Т. 30. С. 151.
- ² Там же. С. 155.
- ³ Словарь русских народных говоров : в 38 т. М. ; Л. ; СПб., 1965–2004. Т. 16. С. 60.
- ⁴ Там же. Т. 8. С. 201–202.
- ⁵ *Осипова Е.* О некоторых названиях пищи в рязанских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2001–2004 / Ин-т лингвистических исследований. СПб., 2004. С. 253.
- ⁶ *Жбанкова Т.* Указ. соч. С. 154.
- ⁷ Словарь русских народных говоров. Т. 8. С. 204–205.
- ⁸ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 2011. Т. 1. С. 495.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.09-22+929 Чехов

МОТИВ РАССЕЯННОСТИ И ПАРИЖСКАЯ ТЕМА В КОМЕДИИ А. П. ЧЕХОВА «ВИШНЕВЫЙ САД»

В. В. Прозоров

Саратовский государственный университет
E-mail: prozorov@sgu.ru

Пронизывающий последнюю комедию А. П. Чехова «Вишневый сад» многозначный мотив рассеянности рассматривается в статье с точки зрения запретной в доме парижской темы, непосредственно связанной с потаенными и страстными переживаниями Любви Андреевны Раневской.

Ключевые слова: А. П. Чехов, комедия, «Вишневый сад», мотив рассеянности, Любовь Андреевна Раневская, парижская тема.

The Motive of Absentmindedness and the Parisian Theme in A. P. Chekhov's Comedy «The Cherry Orchard»

V. V. Prozorov

The rich motive of absentmindedness that pervades the last comedy by A. P. Chekhov «The Cherry Orchard» is regarded in this article from the perspective of the Parisian theme forbidden in the household and closely related to innermost passionate anxieties of Lyubov Andreevna Ranevskaya.

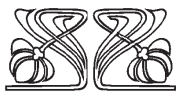
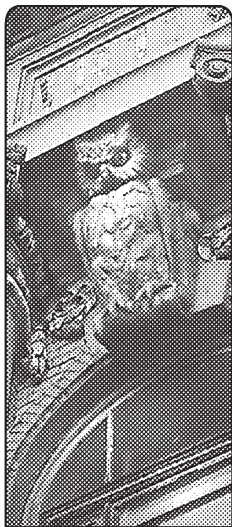
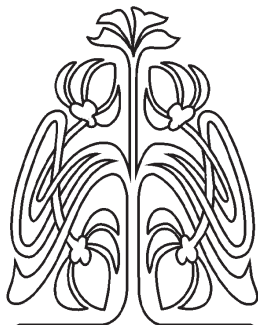
Key words: A. P. Chekhov, comedy, «The Cherry Orchard», motive of absentmindedness, Lyubov Andreevna Ranevskaya, Parisian theme.

Окрашенное грустным лиризмом сюжетное пространство чеховской комедии неразлучно с представлением о рассеянности, о прихотливо сложном синонимическом спектре этого понятия. Семантические горизонты «рассеянности» в «Вишневом саде» дают повод размышлять и о досадной, невесте откуда подкрадывающейся сонливости, и об ослабленном, не сфокусированном внимании, о странной забывчивости. Это и рассеянный образ «нескладной, несчастливой», неустроенной жизни... Я коснусь здесь одного, на мой взгляд, центрального фрагмента этой большой темы.

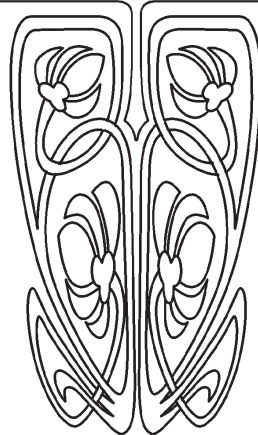
Мотивное средоточие щемящей душу рассеянности, определяющей «подводное» сюжетное направление пьесы, связано прежде всего с переживаниями Раневской. Чехов в письме О. Л. Книппер от 14 октября 1903 г. характеризует ее так: Раневская «умна, очень добра, рассеянна; ко всем ласкается, всегда улыбка на лице» (П XI, 273)¹. С первого по четвертое действие, с мая по октябрь, провела она на родине. Шестью годами раньше, после смерти мужа и гибели сына, уехала «без оглядки», оставив свой вишневый сад.

Среди встретивших Раневскую – Ермолай Лопухин. Он, по словам автора пьесы, «мягкий человек», «порядочный ... во всех смыслах» (П, 11, 291), давно, безнадежно и щемяще возвышенно в нее влюблен и не скрывает своего обожания: «Хотелось бы только, чтобы вы мне верили по-прежнему, чтобы ваши удивительные, трогательные глаза глядели на меня, как прежде <...> люблю вас, как родную... больше, чем родную» (С XIII, 204).

Главное испытание для читателя чеховской комедии – уклончиво-рассеянные реакции хозяйки вишневого сада на все настойчивые увещания Лопухина. «Я вас не совсем понимаю, Ермолай Алексич!», – спохватывается Раневская, не вслушиваясь сколько-нибудь внимательно в монолог Лопухина о неминуемом приближении аукци-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

она, на котором будет решена судьба владельцев сада. В разумных доводах Ермолая Алексеевича – правда реальных обстоятельств. Нужны лишь известные усилия. Надо, в частности, «вырубить старый вишневый сад»... Прежняя рассеянность вдруг исчезает. Раневская реагирует мгновенно: «Вырубить? Милый мой, простите, вы ничего не понимаете» (С XIII, 205). Это реакция на ужасную наивность Лопухина: предложить то, о чем и помышлять негоже!

Но Лопухина не сбить: «Решайтесь же! Другого выхода нет, клянусь вам». В ситуации полного коммуникативного тупика на помощь Раневской и согласному с ней Гаеву нечаянно приходит Фирс. Он как бы невпопад вспоминает, как «в прежнее время, лет сорок-пятьдесят назад, вишню сушили, мочили, мариновали, варенье варили...». Гаев по привычке пробует угомонить старика, тот, не слыша, продолжает свои воспоминания об особом «способе» переработки «сушеной вишни». И Раневская, словно бы позабыв о нелепом лопухинском ультиматуме, с рассеянной благодарностью переключает внимание на бормотания Фирса: «А где же теперь этот способ?» Но Лопухин не сдаётся. Он пробует увлечь ее светлой перспективой развития дачного дела. Его не прерывают, дослушивают, но возмущенный ответ Гаева «Какая чепуха!» – это и ее солидарный с братом ответ. Лопухин, уходя, вновь напоминает про свой проект: «Ежели надумаете насчет дач и решите, тогда дайте знать, я займы тысяч пятьдесят достану. Seriously подумайте» (С XIII, 209). Говорит в пустоту. Его идея для обитателей имения фантастически миражна, а в переводе на бытовую язык даже неприлична.

Во втором действии Любовь Андреевна также рассеянно слушает побуждающего ее к спасительной инициативе Лопухина. Ермолай Алексеевич в полном отчаянии: «Простите, таких легкомысленных людей, как вы, господ, таких неделовых, странных, я еще не встречал». В доказательство этой, как крик души, оценки Раневская, словно бы очнувшись, по-детски непосредственно спрашивает: «Что же нам делать? Научите, что?» Как будто это не Лопухин с душевным упорством пробует достучаться до нее, использует весь ему доступный и для него совершенно очевидный арсенал аргументов. И это уже не просто обычная с ее стороны рассеянность. Это продолжаемый ею разговор с позиций... некой вневременности. Лопухин и Любовь Андреевна ведут свои диалоги (с ее стороны по видимости и по сути рассеянные), обитая на разных этажах мироощущения. Он, движимый сильной привязанностью к ней, опирается на рассудительные основания. Раневская живет какой-то иной жизнью.

Он в который раз пробует объяснить ей свой хорошо известный читателю комедии проект. Она слушает. Но трудно сказать, что именно она слышит. Эту откровенно утилитарную тему она закрывает просто и ясно: «Дачи и дачники – это

так пошло, простите». И в этом «простите» вся ее правда. Лопухин в исступлении, он впервые срывается: «Я или зарыдаю, или закричу, или в обморок упаду. Не могу! Вы меня замучили!» Лопухин порывается уйти, но она «испуганно» его удерживает. Ей тревожно. Ей больно. Пусть побудет рядом: «С вами все-таки веселее...» Странное слово – «веселее». Он для нее предлагает невозможное и сам не понимает, насколько он в своих проектах несообразен и даже... забавен. С ним веселее. И вдруг с тревожной печалью говорит она про свое, тайное, страшное, греховное: «Я все жду чего-то, как будто над нами должен обвалиться дом» (С XIII, 219).

Лопухин: «Какие у вас грехи...» Уж он-то знает, что такое грехи в близкой ему сфере купли-продажи. У нее свои представления о грехах, ей одной только до предельной остроты ведомые. Жизнь в ее сознании мучительно рассыпается. С тревогой ждет она 22-го августа. И даже не помышляет о сопротивлении обстоятельствам.

Впрочем, они с братом касаются невероятных проектов, по-детски наивно витая в сказочных облаках: «Хорошо бы получить от кого-нибудь наследство, хорошо бы выдать нашу Аню за очень богатого человека, хорошо бы поехать в Ярославль и попытаться счастья у тетушки-графини». Они заговаривают сами себя. Гаев: «Проценты мы заплатим, я убежден... (Кладет в рот леденец.) Честью моей, чем хочешь, клянусь, имение не будет продано!» (С XIII, 213). Леденец – деталь комическая. Но смеховой эффект рассеян в общем эмоциональном тоне странного драматургического повествования.

У Раневской заметно отсутствие сосредоточенного внимания к собственным интересам, к рассудительной прозе жизни, способной уберечь от разорения и гибели. Тревожная рассеянность Любви Андреевны – в бескорыстной внутренней свободе от экономических притязаний и хозяйственных притязаний. Представления о выгоде повсеместны и обыденны, но она обыденности этой не замечает. И не потому, что выше или чище ее. Просто часть этой жизни ее не касается.

Что же составляет главное содержание ее мучительной сердечной тревоги? Чем или кем она жива? Братом? Аней? Варей? Воспоминаниями детства и юности? Конечно. Но это только часть ее душевной сосредоточенности. Есть нечто почти сокрытое от нас и постоянно смущающее ее душу...

Впервые неразлучная с ней парижская тема звучит в оценках Ани. Она делится с Варей впечатлениями о беспорядочной и призрачной парижской жизни. С Раневской о Париже – никто ни слова. Один Симеонов-Пищик всеу поинтересуется: «Что в Париже? Как? Ели лягушек?» И получит короткий передразнивающий ответ, намекающий на неуместность расспросов: «Крокодилов ела» (С XIII, 206).

Чуть позже Варя отпирает их старинный шкаф, передает маме две телеграммы. Раневская

устало спохватывается: «Это из Парижа. (*Рвет телеграммы, не прочитав.*) С Парижем конечно...» (С XIII, 206). Никакой реакции окружающих на ее жест. Парижская тема в их доме закрыта. Словно существует некая предупредительная молчаливая конвенция на этот счет. Любовь Андреевна окружена предельно чутким вниманием родных и близких. Ее всячески оберегают, стараются не потревожить, отвлечь от каких-то горьких переживаний. Поэтому и энергичный напор Лопихина с его проектом спасения их вишневого сада кажется им неуместным. Только Гаев позволит себе, обращаясь к Варе, так за глаза охарактеризовать сестру: «Она хорошая, добрая, славная, я ее очень люблю, но, как там ни придумывай смягчающие обстоятельства, все же, надо сознаться, она порочна. Это чувствуется в малейшем ее движении». Случайная свидетельница этих речей Аня с пылкой укоризной скажет дяде: «Что ты говорил только что про мою маму, про свою сестру? Для чего ты это говорил?» (С XIII, 212). Уточняющий вопрос очень важен: дело ведь не в том, что Гаев сказал какую-то заведомую неправду. Дело в том, что невзначай и слишком уж откровенно коснулся он запретной в этом доме темы. Гаев против своей воли оказывается немилосерден к страданиям сестры.

Сама она во втором действии в состоянии глубокого волнения, в присутствии Гаева и Лопихина, признается: после смерти мужа «на несчастье я полюбила другого». И дальше следуют ее откровения о нем. Он безжалостен и груб, он «измучил» ее («Душа моя высохла»), обобрал, «бросил, сошелся с другой». Она «пробовала отравиться...»: «Господи, Господи, будь милостив, прости мне грехи мои!» (С XIII, 220). Утирая слезы, она достает из кармана телеграмму: «Получила сегодня из Парижа... Просит прощения, умоляет вернуться... (*Рвет телеграмму.*)» (С XIII, 229). Ни Гаев, ни Лопихин в этот момент ей не собеседники. Она одна со своим горем, со своей нескладной судьбой. И со своей не утихающей страстью-болью-любовью. О Любви Андреевне А. П. Чехов писал: «Нет, я никогда не хотел сделать Раневскую угомонившеюся. Угомонить такую женщину может только одна смерть» (П 11, 285). Общаюсь с близкими ей людьми, она рассеянно воспринимает все, что с ней здесь соприкасается, рассеянно вслушивается в разговоры о надвигающейся продаже вишневого сада, рассеянно включается сама в эти разговоры. Самые близкие чувствуют или смутно угадывают ее боль.

Момент истины для Раневской наступает в третьем действии. Петя поднимает с полу очередную телеграмму из Парижа. Эти разбросанные, рассеянные по дому, то и дело попадающиеся ей на глаза телеграммы и ее реакция на них – один из важнейших лейтмотивов «Вишневого сада». Она получает телеграммы ежедневно: «Этот дикий человек опять заболел, опять с ним нехорошо... Он просит прощения, умоляет приехать, и по-

настоящему мне следовало бы съездить в Париж, побыть возле него». Впервые вырывается у нее страстное, всю ее объясняющее признание: «И что ж тут скрывать или молчать, я люблю его, это ясно. Люблю, люблю... Это камень на моей шее, я иду с ним на дно, но я люблю этот камень и жить без него не могу». Весь мир для нее в рассеянии, есть только он, и тянет к нему неудержимо, тянет вопреки любимым разумным доводам... Неземная сила страстного притяжения... Петя не в состоянии понять ее и в привычной безоговорочной манере называет любимого ею человека «мелким негодяем, ничтожеством». И тут она не выдерживает, позволяя себе по-настоящему зло рассердиться: «Надо быть женщиной, в ваши годы надо понимать тех, кто любит. И надо самому любить... надо влюбляться! (*Сердито.*) Да, да! И у вас нет чистоты, а вы просто чистюлька, смешной чудак, урод...» (С XIII, 234–235). В этих словах внезапно вырвавшаяся безжалостная насмешка, горькое презрение, душевное негодование. И отчаянная самозащита...

Гибель вишневого сада и расставание с ним для нее тяжелы невыносимо. Но есть согревающая ее страсть, есть тревожный и желанный свет впереди. При всех переживаниях от расставания с домом и садом она в финале спокойнее, собраннее, предусмотрительнее, чем прежде. Снова жизнь обретает смысл, пусть призрачный, недолгий, пусть невыносимый...

В четвертом акте комедии герои разъезжаются, рассеиваются по свету (в Париж, в Харьков, в Москву, в Яшнево, в близлежащий город, в неизвестность, в никуда...), но остаются, как и прежде, нелепыми и странными в своих надеждах и мечтах. Раневская впервые здесь за старшую. Она ощущает непосредственную ответственность за происходящее. Она пробует решить судьбу Вари, она думает о судьбе больного Фирса.

Последний шанс предоставляется Лопихину и Варе. Раневская отчаянно подталкивает Лопихина к Варе, принуждая его к скорому объяснению. Лопихин застигнут врасплох. Он не может сосредоточиться на главном для себя – на объяснении с Любовью Андреевной. А тут она сама предлагает признаться в любви... к своей приемной дочери. Лопихин в смятении: «Как-то странно все... Если есть еще время, то я хоть сейчас готов... Покончим сразу – и баста, а без вас я, чувствую, не сделаю предложения». Последняя фраза – верх растерянности: все не то и не так! не с Варей бы ему сейчас, в последние минуты, говорить о своих чувствах... Лопихин и Варя остаются вдвоем и ведут себя как два вконец потерянных и рассеянных человека. Варя «долго осматривает вещи»: «Сама уложила и не помню». Лопихин говорит о погоде, припоминая прошлогодний снег... В ней вроде бы тлеет еще какая-то надежда. Он, втайне влюбленный в Раневскую, уже ни на что не уповает и мгновенно ускользает из сценического пространства, услышав, как

кто-то его случайно окликает «со двора», «точно давно ждал этого зова» (С XIII, 250–251).

После обреченного на неудачу диалога Вари и Лопухина все поспешно начинают готовиться в путь. Как будто бы другого исхода последней их встречи никто, включая и Раневскую, не ожидал. На протяжении всей пьесы рассеянные, словно дети малые, в финале они странным образом сосредоточиваются и уходят, уезжают, исчезают...

Не суждено осуществиться и другой заботе Любови Андреевны: ее тревожил больной Фирс. Злая небрежность лакея Яши и рассеянные хлопоты близких приводят к известному финалу... Такая вот печальная комедия, второе столетие при-

тягивающая и покоряющая неопределенностью и нечеткостью едва различимых границ между смешным и грустным, беззаботностью и тревогой, предусмотрительностью и беспечностью, живой энергией и многозначительной рассеянностью. «Все как сон...»

Примечания

- ¹ Чехов А. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М., 1974–1983. Здесь и далее А. П. Чехов цитируется по данному изданию с указанием тома и страницы в тексте работы. В скобках буквой «С» обозначены сочинения, «П» – письма.

УДК 821.161.1.09-22+929 Гоголь

ИГРЫ ПОДКОЛЕСИНА И КОЧКАРЕВА В ГОГОЛЕВСКОЙ «ЖЕНИТЬБЕ»

К. М. Захаров

Саратовский государственный университет
E-mail: zahodite@list.ru

В статье подвергается сомнению тезис о безусловной виктимности Подколесина. Рассматривается динамическое равновесие сил, в котором находятся Кочкарев и Подколесин, что знаменует противоположные по направлению, но близкие по мощи игровые возможности человека.

Ключевые слова: игра, Гоголь, Подколесин, Кочкарев, сватовство, женитьба.

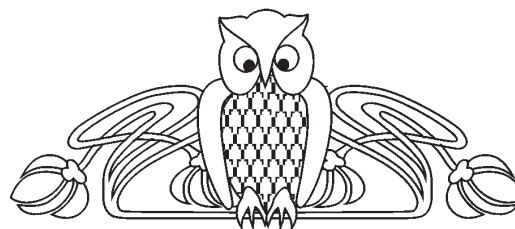
Kochkarev's and Podkolesin's Games in «Marriage» by Gogol

К. М. Zakharov

In the article the point of Podkolesin's implicit victimization is questioned. The dynamic equilibrium of forces between Kochkarev and Podkolesin is analyzed. This marks gaming possibilities in a human, oppositely directed, but similarly powerful.

Key words: game, Gogol, Podkolesin, Kochkarev, match-making, marriage.

Комедия Н. В. Гоголя «Женитьба» уже почти два века является активной составляющей отечественной литературной жизни, будучи пьесой с широчайшим диапазоном художественных прочтений или просто актуальным источником цитат, воспроизводимых в устной и письменной речи. «Женитьба» исконно обладала громадным диапазоном смыслов, в разных культурно-исторических контекстах вырастая для своих интерпретаторов из городского анекдота в притчу, натуралистическую зарисовку или даже драму абсурда¹. Интуитивно предвидя это богатство трактовок, автор максимально способствовал ему, в частности, не оставив собственной версии жанрового определения

пьесы, охарактеризовав ее как «совершенно невероятное происшествие».

Однако при всем многообразии художественных и литературоведческих трактовок большинство авторов сходились в видении Кочкарева как центра фабулы пьесы. Именно он выступает провокатором и мотиватором всех действий Подколесина, заставляя его совершать не свойственные ему поступки.

Действительно, в нормальных (дофабульных) условиях Подколесин стремится уйти от активного действия, в то время как Кочкарев в своем игровом азарте преображает людей, пространство и время, всех подминая под себя, и всех заставляет плясать под свою дудку. Кочкарев пытается превратить действительность в сочиняемую им на ходу пьесу о женитьбе. Он искусственно создает вокруг Подколесина условную реальность, в которой действует правило «трех единств», а знакомство и свадьба влюбленных героев может произойти в один и тот же день.

Гоголь не жалеет художественных средств, чтобы стилизовать своего героя под представителя нечистой силы вроде Басаврюка из «Вечера накануне Ивана Купалы». Впервые в пьесе он появляется, набрасываясь на Подколесина сзади и разбивая зеркало.

Кочкарев (подкрадываясь сзади, пугает его). Пуф!

Подколесин (вскрикнув и роняя зеркало). Сумасшедший! Ну зачем, зачем...²

Взамен разбитого Кочкарев обещает какое-то странное «другое зеркало», которое, скорее всего, «целым десятком кажет старше, и рожа выходит косяком» (15). Похожим образом он является и Агафье Тихоновне – из-за ее спины в тот момент, когда она гадает, т. е. становится уязвимой для

неведомых сил. Он пытается поженить Ивана Кузьмича и Агафью Тихоновну против всех церковных правил во время Великого поста. Ему готов служить достаточно зловещий «придворный официант»: так, собака, покормит, что просто не встанешь» (17). А один раз он почти «проговаривается» о демонической своей сущности:

Кочкарев. <...> Из какого же дьявола, из чего, из чего я хлопочу о нем, не даю себе покою, нелегкая прибрала бы его совсем? А просто черт знает из чего! (55).

Напоминающий нечистого духа Кочкарев в своем истерическо-фантастическом кураже на ходу творит волшебную сказку, где сам выступает в позиции «волшебного помощника» героя. Сам же герой к началу действия не только практически лежит на печи, но и ко всему прочему носит имя Иван. И Подколесин, не будучи в силах сопротивляться стремительному напору приятеля, вынужден подчиняться. До самого своего прыжка из окна, демонстрирующего всем недолговечность искусственных схем жизнеустройства. Кочкарев, который только что казался зрителям и самому себе всемогущим, оказывается посрамленным и терпеливо выслушивает упреки Феклы и Арины Пантелеймоновны.

Но так ли однозначны роли Кочкарева и Подколесина как ведущего и ведомого? Столь ли прямолинейны их взаимоотношения? Иван Кузьмич Подколесин не смог бы вписаться в игру Кочкарева, если бы сам был совершенно чужд стихии игры. Его специфика в том, что он обожает игру, которая больше проходит в его воображении, в мечтах, нежели в реальной жизни. В первых сценах Подколесин, не вставая с дивана, «примеряет» на себя роль жениха. Он осведомляется о степени готовности тех атрибутов, которые (в каком-то отдаленном будущем) могут сопровождать исполнение им ритуалов молодожена. Играет он с необычайным для себя удовольствием, растягивая процесс расспросов, разбивая его на последовательные, но идентичные фрагменты. Степан, возможно, безо всякого умысла поддерживает игру барина. Он отвечает лаконично, что дает Подколесину возможность задавать все новые и новые вопросы. Этот процесс расспрашивания служит Подколесину имитацией действия, которого ему обычно не хватает; также он помогает ему убеждать самого себя в собственной заинтересованности. Ему даже неудобно, что он так тянет («Право, самому как-то становится совестно» (9)). Но он настраивает себя на мысль, что переходить непосредственно к сватовству нельзя, пока все до мелочей не будет к этому готово («Да, это вещь... вещь не того... трудная вещь» (12)). Понятно, что если Подколесина не тревожить, это состояние подготовки может растянуться у него до бесконечности. Всегда найдется что-то, что будет необходимо доработать или переменить: или вакса окажется рыжей, или сапоги станут натирать мозоли, или фрак не передаст всей значимости

фигуры надворного советника. Подколесин играет «вовнутрь», исключительно для себя самого, в то время как женитьба – дело, требующие участия не только одной стороны. «Сватовство» Ивана Кузьмича никак не может состояться, он уже сросся с «игрой-для-себя» в жениха. При этом сама идея женитьбы его привлекает.

Но здесь же обратим внимание на то, что добродушный, выглядящий тюфяком Подколесин играет с окружающими не хуже своего «демонического» приятеля. Чтобы его игра не разрушалась, Степан должен входить в комнату и выходить бесчисленное количество раз. Сваха Фекла – самостоятельное лицо и сильная личность – совершает однообразные визиты к Подколесину, произнося, очевидно, один и тот же текст, расхваливающий Агафью Тихоновну. Подколесину нравится слушать рассказы свахи, сердить ее нежеланием запоминать имя гипотетической невесты. Он вынуждает ее снова и снова по нескольку раз в неделю повторять свои визиты:

Подколесин. Подумаем, подумаем, матушка. Приходи-ка послезавтра. Мы с тобой, знаешь, опять вот эдак: я полежу, а ты расскажешь...

Фекла. Да помилуй, отец! уж третий месяц хожу к тебе, а проку-то ни насколько. Все сидит в халате, да трубку знай себе покуривает (13).

Даже всемогущий Кочкарев, который до поры-до времени направляет Подколесина, сам не замечает, как, связавшись с этим «байбаком», начинает действовать повторяющимися циклами. Сперва он долго уговаривает Подколесина на какой-нибудь шаг, после этого совершает для него какой-то очередной головокружительный кульбит, а потом, увидев, что Подколесин «сдал назад», снова начинает упрашивать, умолять, возвращать. Даже в финале пьесы он убегает со сцены, бормоча: «...я побегу к нему, я возвращу его» (61).

Подколесин, так же как и Кочкарев, во имя своей игры или просто под влиянием собственной флегматичности манипулирует людьми, заставляя их действовать своеобразно его представлению о мире. При этом зачатки лидера, точнее, покладистого тирана, в нем, несомненно, есть, хоть и глубоко скрыты. В какой-то момент наедине с собой он обнаруживает свою деспотическую (и при этом доброжелательную) сущность: «Если бы я был где-нибудь государь, я бы дал повеление жениться всем, решительно всем, чтобы у меня в государстве не было ни одного холостого человека!..» (58).

В качестве подтверждения нашего предположения обратим внимание, что Подколесин заявлен в списке действующих лиц как «служащий, надворный советник». При этом он не находится на службе, а лежит дома на диване. На дворе не выходной, ибо Иван Павлович Яичница опасается, как бы его отсутствие не заметил начальник.

Яичница. Пожалуй, пождать – пождем, как бы только не замешкаться. Отлучился ведь только на минутку из департамента. Вдруг вздумает гене-

рал: «А где экзекутор?» «Невесту пошел выглядывать». Чтоб не задал он такой невесты... (25).

А вот Подколесин на службу не торопится. Потому что, очевидно, им уже устроено все таким образом, что дела шли «сами собой», не требуя его личного присутствия на рабочем месте. Точнее, не он это устроил, а все устроилось опять-таки само собой. Кочкарев, расхваливая своего кандидата в женихи, убеждает Агафью Тихоновну, что он «один почти управляет всем департаментом» (33). Конечно, он употребляет спасительное «почти», но вряд ли он начал бы привирать об этом, будь служебное положение Подколесина ненадежным. Впрочем, Подколесин и сам замечает: «Я ведь каждое утро хожу в должность» (51), как будто забывая, что он каждое утро лежит на диване, изводит лакея и принимает сваху.

Подколесин оказывает на окружающих такое воздействие, что они начинают сами подстраиваться под него. При этом он не затрачивает на обеспечение этого процесса столько энергии, как Кочкарев. И это еще один повод для Кочкарева быть недовольным своим приятелем.

Кочкарев и Подколесин реализуют и воплощают собой два различных типа игры. Кочкарев суетливо и даже нервически реализует линейную игру, направленную на изменение условий вокруг. Перемены ради перемен – его девиз. «Зла хочет Кочкарев Подколесину? Нет. Добра? Тоже нет. Чего же тогда добивается? Действия! Ускорения! Перемены! Передраги! Сдвига! Обвальное-картинного, постановочно-дивного эффекта!»³ Подколесина же вполне устраивает игра его воображения. Он с удовольствием мечтает о женитьбе и счастлив этой своей мечтой. «Наружу» его игра прорывается в виде закольцованных, циклических действий, в которые он вовлекает практически всех, кто пытается с ним взаимодействовать.

Автор дает возможность Кочкареву временно доминировать, а его типу игры стать основным двигателем фабулы. Кочкарев выдергивает Подколесина из его мечтаний и вместе претворяет их в быль.

Подколесин уступает уговорам или бесцеремонному напору Кочкарева и худо-бедно в один

день переживает знакомство, ухаживание, сватовство и даже выражает готовность ехать к венцу. И вот за считанные минуты до счастливого заключения брака Кочкарев, лично контролирующий все приготовления к свадьбе, ненадолго оставляет его одного. Преисполненный радости Подколесин в эйфории упивается восторгом и даже мечтает осчастливить всех. Его воображение обретает невероятно гипертрофированную форму, одновременно очищая персонажа от кочкаревского морока и возвращая нам Подколесина-мечтателя. Мечтать – это его естественное состояние, атрибут его циклической игры, не предусматривающей кардинальных и необратимых изменений. И, вернувшись к своему подлинному «я», он возвращается из невестинного дома к себе через окно.

При этом фабульные существования и Кочкарева, и Подколесина оказываются одинаково разрушительными для окружающих. Макиавеллиевское презрение к людям Кочкарева и ограниченное эгоистическое равнодушие к чувствам других Подколесина обладают одинаковым негативным потенциалом. Их игры, направленные на удовлетворение собственных капризов и сиюминутных желаний, нарушают течение жизни других людей и, не принося никаких положительных изменений, оставляют после себя ощущение сумятицы и конфуза.

Все это заставляет нас подвергнуть сомнению укоренившийся тезис о безусловной виктимности Подколесина в рамках фабулы «Женитьбы». Кочкарев с Подколесиним находятся в динамическом равновесии сил, знаменуя противоположные по направлению, но близкие по мощи игровые предрасположенности человека.

Примечания

- 1 См.: Бушуева М. «Женитьба» Н. Гоголя и абсурд. М., 1998.
- 2 Гоголь Н. Полн. собр. соч. : в 14 т. М. ; Л., 1937–1952. Т. 5. С. 15. Далее ссылки в тексте приводятся по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- 3 Прозоров В. В. До востребования... Избранные статьи о литературе и журналистике. Саратов, 2010. С. 66.

УДК 821.161.1.09+929 Гоголь

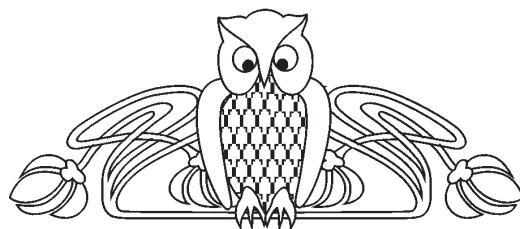
НЕМЕЦКОЕ ОКРУЖЕНИЕ ГОГОЛЯ-УЧЕНИКА

Д. Л. Рясов

Саратовский государственный университет
E-mail: rjasow@mail.ru

В статье рассматриваются ученические письма Гоголя, в которых затрагивается немецкая тема, а также воспоминания современников, дополняющие картину фактами из биографии будущего писателя.

Ключевые слова: Гоголь, Германия, немцы, Нежинская гимназия, переписка, мемуары, национальный стереотип.

German Environment of N. V. Gogol as a Pupil

D. L. Rjasov

The article considers Gogol's letters of his school years in which the German topic is mentioned, as well as contemporaries' remi-

niscences complementing the picture with the biographical facts of the future author.

Key words: N. V. Gogol, Germany, Germans, Nezhinsk gymnasia, correspondence, memoirs, national stereotype.

Восприятие Германии Н. В. Гоголем в годы детства и юности представляет для исследователей весьма большой интерес: ведь впечатления, полученные человеком в раннем возрасте, во многом определяют его будущие стремления и дальнейшее отношение к жизни. Изучение литературы, языка, а главное, личные встречи с немцами – все это, разумеется, оставляло следы в памяти юного Николая.

Точно неизвестно, когда Гоголь впервые узнал о немцах и их стране. Любопытное свидетельство сохранилось в записках его младшей сестры, О. В. Головки. Она пишет, что Василий Афанасьевич отдал другую дочь, Марию, в пансион к немецкой преподавательнице. При этом мемуаристка замечает: «...отец любил немецкую аккуратность, вот ему и хотелось, чтобы и его дочь была аккуратна»¹. Это высказывание в какой-то мере проливает свет на обстановку, царившую в доме Гоголей. По всей видимости, культура Германии привлекала к себе их внимание.

В 1818 г. Гоголь вместе с братом Иваном был определен в Полтавское поветовое училище. По словам Ю. В. Манна, в числе трех языков, преподававшихся в этом заведении, значился и немецкий, однако все обучение было довольно поверхностным. Возможно, поэтому отец принял решение прервать занятия и поселить сыновей на квартиру к педагогу, который бы мог подготовить их к поступлению в Полтавскую гимназию. Однако вскоре младший брат Николая, Иван, тяжело заболел и умер, что стало большим ударом для всей семьи. В любом случае образование старшего сына необходимо было продолжать, и за его обучение взялся преподаватель латинского языка Гавриил Сорочинский. Как отмечает Манн, «более чем вероятно, что, не будучи гимназистом, Гоголь иногда посещал гимназию»², куда наставник периодически отправлял его для получения дополнительных знаний. Для нас интересен один из тамошних учителей, воспоминания о котором сохранились в мемуарах выпускника гимназии Ивана Боровиковского, занимавшегося иногда вместе с Гоголем на дому у Сорочинского. Он пишет о том, что преподаватель «немецкого и французского языков был немец, ротмистр прусской службы, Федор Иванович Целлариус, старик молчаливый и раздражительный»³. Возможно, это первый представитель немецкой нации, с которым юный Николай периодически встречался и общался по нуждам учебы. К сожалению, конкретных сведений о посещении Гоголем его уроков обнаружить не удалось, однако оно вполне могло иметь место, так как немецкий язык был одним из значимых предметов.

Так или иначе, Гоголю не суждено было обучаться в Полтаве. Отец решил отправить его в недавно открывшуюся Нежинскую гимназию

высших наук. Этот жизненный этап принес будущему писателю массу впечатлений и наблюдений. Оказавшись на новом месте, он начал постепенно осваиваться и знакомиться с представителями местного общества. Одним из них был немец по происхождению, надзиратель Егор Иванович Зельднер, на квартиру к которому, по договоренности с Василием Афанасьевичем, был определен юный гимназист. Педагог обещал отцу следить за воспитанием сына: «...мы все будем стараться ему отvikать худые привычки и научить его самой лучшей нрав»⁴. Но жизнь в обществе довольно строгого немца оказалась для мальчика, воспитывавшегося в совершенно иных условиях, тяжелым испытанием. Например, обед в доме «подавался так, что лишь при очень точном распределении порций его хватало на всех сидевших за столом»⁵. Таким образом, Николай, наверное, впервые в полной мере ощутил разницу между русским и немецким образом жизни. По всей видимости, Зельднер говорил с заметным акцентом и обладал специфической, «презабавной», как выразился А. С. Данилевский, внешностью. По его словам, как-то раз гувернер уговорился ехать в коляске вместе с ним и Гоголем. Но наутро воспитанники отправились в путь без надзирателя, ведь «когда он пускался в дорогу, с ним случалось расстройство желудка, да и в деревне жить с ним было не очень приятно»⁶.

Благодаря подобным деталям образ педагога был весьма ярким и запоминающимся. Однако в гоголевских письмах мы находим всего лишь одно крохотное упоминание об этом человеке, относящееся к июню 1821 г.: «...как во мне недостаток в платье то Егор Иванович заказал мне сделать летнее платье»⁷. Об «отеческой помощи» своему ученику он и сам не забывает намекнуть Василию Афанасьевичу: «...сын ваш нуждается деньгами, и я ему уже несколько давал по его просьбе»⁸.

Но все было далеко не так просто. Помимо прочего, Зельднер следил за тем, какую информацию Гоголь сообщал своим родителям. Известно, что под руководством надзирателя было создано короткое послание от 13 августа 1821 г., в котором Никоша покорно благодарит папеньку и маменьку за их «родительское расположение» и сообщает, что совершенно здоров. Однако на самом деле он ощущал себя куда хуже, о чем и рассказал в следующем письме, составленном четырнадцатого числа уже без ведома Зельднера: «...всякий Божий день слезы рекой льются и сам не знаю от чего, а особливо когда спомню об вас то градом так и льются» (X, 34).

Наличие столь противоречивых текстов напоминает о том, что к эпистолярному жанру необходимо относиться с большой долей осторожности. Заявления автора далеко не всегда отражают истинное положение вещей. В случае с текстами Гоголя это утверждение особенно актуально, учитывая, в частности, его склонность к актерству и всевозможного рода мистификациям. Но в любом

случае вмешательство постороннего человека в сугубо личный процесс создания письма не могло не оставить сильного впечатления в сознании ребенка. Невольно вспоминается почтмейстер Шпекин из комедии «Ревизор», бесцеремонно просматривавший чужие послания.

Любопытно, что подобная «работа» могла вестись и с другими квартирантами. Имеется свидетельство, по которому один из воспитанников гимназии отправил родственнику дерзкое, неуважительное письмо, созданное, как утверждал оскорбленный, «по наущению надзирателей»⁹. Так или иначе, но в марте 1822 г. Гоголь был переведен на казенное обеспечение и переехал от немца в гимназический пансион, где воспитателям было куда сложнее следить за всеми действиями постояльцев. Что же касается Зельднера, то он, помимо прочего, оставался для Гоголя еще и частью строгого преподавательского состава, с которым у всех детей так или иначе складываются особые, подчас непростые отношения.

Следует сказать несколько слов о самих педагогах и особенностях изучения иностранных языков в гимназии. Младшего профессора немецкого языка Миллера, работавшего в гимназии с конца 1820 г., Гоголь уже не застал (его зачислили только 1 мая 1821 г.), но зато вполне мог быть наслышан о его февральских «подвигах». Отмечалось, что Миллер, «явившись в комнаты воспитанников в неблагоприятном виде от излишнего употребления горячих напитков, делал <...> неприличия и оскорбительные соблазны»¹⁰. На заседании, где разбиралось поведение профессора, он также неблагопристойно вел себя и всячески грубил, после чего было принято решение отстранить его от занимаемой должности. На его место рекомендовали Зельднера, который уже имел опыт преподавания немецкой словесности до приезда Миллера и совмещал учебную деятельность с обязанностями гувернера.

Нужно оговорить, что надзиратели должны были не просто смотреть за поведением учеников, но и способствовать повышению их знания иностранных языков. Именно поэтому на такие должности стремились по возможности принимать выходцев из других стран. Н. Лавровский приводит выдержку из «правил распределения времени воспитанников пансиона», согласно которым гимназисты, проснувшись поутру, должны были разговаривать «на языке французском, если гувернер в дежурстве француз, или на немецком, если немец»¹¹. Среди далеко идущих планов директора гимназии И. С. Орлая можно встретить и более оригинальные. Например, лакеи и буфетчики, по его мысли, также должны были изъясняться с учениками на иностранных языках. Эта идея, однако, не нашла поддержки у почетного попечителя, который, тем не менее, советовал профессорам словесности вести предмет «не на русском как доселе сие производилось, но на том самом языке который преподается»¹².

Руководство старалось использовать даже увлечение некоторых гимназистов театром, требуя постановок французских и немецких сочинений. Как замечает Николай Артынов, брат двоих однокашников Гоголя, «из последних особенно часто игрались произведения Коцебу»¹³. Этот факт отчасти подтверждает и гоголевское письмо к матери от 26 февраля 1827 г., где одна исполнявшаяся учениками пьеса комедиографа обозначена как «немецкая» (названия Гоголь не дает), а другая («Береговое право») – указана уже среди «русских». Получается, что Коцебу ставился гимназистами не только в оригинале, но и в переводе. Увлечение творчеством этого драматурга появилось у Николая еще раньше. В 1824 г. он просил родителей прислать ему сразу две комедии немецкого автора – «Бедность и благородство души» и «Ненависть к людям и раскаяние». Говоря об иноязычных постановках гимназического театра и связи с ними Гоголя, можно сослаться на воспоминание Н. В. Кукольника. Однажды, распределяя персонажей германской пьесы, он поручил Гоголю небольшую роль, всего в двадцать стихов. Но на премьере Николай неожиданно забыл текст и вышел из положения, прочитав лишь первую и последнюю фразу своего монолога, что уже само по себе говорит о его непростом отношении к немецкому языку.

С необходимостью изучения зарубежной лексики Гоголь столкнулся еще в самом начале своего школьного пути. В одном из ранних гимназических писем он просит родителей прислать учебники по латинскому, французскому и немецкому языкам, в которых, по его словам, была большая необходимость. В числе прочих книг названы «Новые разговоры немецкие и российские», которые были разделены на 130 уроков и предназначались для начинающих. Тем не менее, ситуация с учебными пособиями в те годы многих не устраивала. «Немецкого Словаря, например, до сих пор у нас совсем нет даже порядочного»¹⁴, – сетует один из авторов «Московского телеграфа» за 1826 год. Так насколько же эффективны были методы обучения в гимназии и как влияли на воспитанников их учителя?

Еще одним учителем немецкой словесности был М. В. Билевич, приступивший к своим обязанностям в 1821 г. (позднее он занялся преподаванием политических наук). Отношения Гоголя с этим педагогом не заладились, и он запомнился ему далеко не с самой лучшей стороны. Однако летом 1824 г. должность младшего профессора занял Ф. И. Зингер, сразу же полюбившийся многим ученикам. Имевший блестящее образование и хороший поэтический вкус, он сумел привить многим воспитанникам страсть к немецкой литературе. В биографическом очерке, посвященном Зингеру, Н. В. Кукольник замечает, что «любовь к человечеству, составляющая поэтический элемент творений Шиллера, по свойству своему прилипчивая, быстро привилась»¹⁵ молодым гимназистам.

Интересно, что сам Гоголь в 1827 г. выписал из Лемберга Собрание сочинений Шиллера, о чем с восторгом сообщил в письме к матери. Однако, как заметил Н. Я. Прокопович, увлечение творчеством немецкого классика было недолгим: Николай вскоре забросил чтение из-за слабого знания языка. Судя по всему, Гоголь относился к нему с некоторой долей иронии. Таким образом, несмотря на все старания учителей и увлечение юноши немецкой культурой, язык все же давался ему с большим трудом.

Сотрудником гимназии, имевшим немецкие корни, был и врач Карл Фибинг, с которым Гоголь столкнулся в самом начале своего обучения. Лекарь упоминается еще в письме Зельднера к Василию Афанасьевичу от 1 сентября 1821 г. Надзиратель ссылается на него, говоря о здоровье юного Николая. По свидетельству гувернера, Фибинг во время регулярного обхода классов поинтересовался самочувствием мальчика и даже беседовал с ним целых 10 минут. Любопытно, что в списке должностных лиц, приведенном в книге «Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко», указан период работы доктора в учебном заведении – с 1823 по 1833 г. Этот факт отчасти подтверждается словами Н. В. Кукольника, согласно которым директор И. С. Орлай, имея медицинское образование, два года «бесплатно исполнял должность гимназического врача»¹⁶, пока наконец штатным лекарем не назначили Фибинга. Сам Орлай начал работу лишь 1 ноября 1821 г., т. е. на два месяца позже упомянутого Зельднером случая. Получается, что доктор, не работая в гимназии, тем не менее, периодически посещал ее и следил за здоровьем воспитанников. Второй известный эпизод с участием Фибинга, о котором сообщают источники, произошел только в 1827 г. Когда профессор Билевич незаслуженно заподозрил в пьянстве Гоголя и его товарищей, занимавшихся организацией театра, доктор провел освидетельствование и нашел гимназистов абсолютно трезвыми, что, конечно, не могло их не обрадовать. То, что лекарем служил именно немец, было типичным явлением для того времени. Однако такое положение дел устраивало далеко не всех. Например, граф С. Р. Воронцов в одном из писем 1817 г. негодует, что «немцы-доктора, захватившие в свои руки медицину в России, убивают наших добрых соотечественников»¹⁷. В какой-то степени такие взгляды были присущи и Гоголю. Сам он в дальнейшем множество раз встречался с врачами-германцами, характеры которых в некоторой степени отразились в образе Христиана Ивановича Гибнера из комедии «Ревизор».

Отметим, что представители немецкой нации встречались не только среди сотрудников гимназии, но и в рядах ее воспитанников, что также нашло отражение в гоголевском эпистолярном наследии. Особое внимание стоит уделить личности одноклассника Гоголя, Михаила Риттера, происходившего из древнего немецкого рода. «Дед

его, дворянин княжества Зальцбург, <...> принял вечное российское подданство»¹⁸, – отмечает О. К. Супронюк.

Упоминания об этом человеке встречаются в письмах, адресованных старшему товарищу Гоголя, Г. И. Высоцкому. Он завершил образование еще в 1826 г. и поступил на службу в Петербург, куда также стремился и будущий писатель. До нас дошло всего три послания к этому адресату, но в них можно обнаружить интереснейшие подробности, касающиеся жизни в Нежине. Риттер упоминается в каждом из этих текстов. При этом Гоголь ни разу не называет его по фамилии, а лишь использует прозвища, данные воспитаннику в гимназии, причем в первом письме, от 17 января 1827 г., перечисляет сразу несколько: «Барончик, Доримончик, фон-Фонтик-Купидончик, Мишель Дюсенька, Хопчики здрав и невредим, и час от часу глупеет» (X, 81). Чем же было вызвано столь ироничное отношение со стороны Гоголя? Всевозможные вариации некоторых из них (Барончик, фон-Фонтик, барон Кунжут-фон-Фонтик, в одном месте даже просто «фон») явно намекают на немецкие корни молодого человека. Родовая приставка характерна для представителей германского народа, равно как и титул барона. С. В. Оболенская, говоря об отношении к иностранцам, замечает, что «вскользь брошенные замечания, усмешки, анекдоты, прозвища, неосознанное усвоение принятых в данной среде культурных норм формируют стереотипы»¹⁹, которые, без сомнения, усваивал и Гоголь.

Именования «Доримончик» и «Девинье» явно отсылают нас к французским актерам и драматургам XVII в. и, возможно, указывают на страсть Риттера к литературе. Как и многие воспитанники гимназии, юноша писал стихотворения, одно из которых даже опубликовал в «Дамском журнале». Как пишет О. К. Супронюк, школьное стихотворение самого Гоголя, «Новоселье», было тематически близко произведению Риттера. Тем не менее, по словам исследовательницы, эти опыты далеко не впечатляли молодого Николая, который собрал его стихи и поместил их в рукописный журнал под названием «Парнасский навоз». В «Записках о жизни Н. В. Гоголя» П. Кулиша также приводится рассказ об этом случае, но без указания на личность «жертвы» гоголевской шутки: «Был в гимназии один ученик с необыкновенною страстью к стихотворству и с отсутствием всякого таланта – словом, маленький Тредьяковский»²⁰. Под такую формулировку, в принципе, могли подпадать многие из воспитанников учебного заведения. В. Авенариус в книге «Гоголь-студент» (впрочем, не относящейся к серьезным научным источникам) также указывает на Риттера, а Н. Степанов в монографии «Гоголь» и вовсе говорит о стихах Кукольника, которого, тем не менее, довольно сложно упрекнуть в беспомощности. Несколько иную картину рисует в своих мемуарах В. И. Любич-Романович. С. Гле-

бов записал от него следующую версию: Гоголь сам присылал стихотворения в издававшийся другими гимназистами рукописный журнал «Навоз парнасский», «но им не давали места на столбцах издания»²¹. Мемуары бывшего воспитанника были напечатаны в февральском номере «Исторического вестника» за 1902 г. Но в другой версии воспоминаний, опубликованной Глебовым уже в 1910 г., представлены совершенно противоречащие представленному заявлению данные. Гоголь «в своем „Навозе парнасском“ осмеивал нас, учеников лицея и других, причастных к этому учебному заведению лиц»²², – замечает Любич-Романович. Все это заставляет относиться к его рассказу с большой долей осторожности, учитывая, помимо прочего, недоброжелательность к личности Гоголя. Как справедливо заключает относительно происхождения «Парнасского навоза» Ю. В. Манн, «нельзя исключать ни ту ни другую возможность»²³. Что же касается отношения Риттера к возможной гоголевской шутке, то оно может быть правдоподобным, особенно если учитывать его репутацию в гимназии и всевозможные чудачества.

О некоторых из них Гоголь и сообщает Г. И. Высоцкому, описывая все подробности с большим увлечением. В письме от 19 марта 1827 г. можно обнаружить рассказ о том, что Риттер «пьяный подрался с Канчотихою, судились в земском суде» (X, 86). Кроме того, он заявил, что желает отправиться в Московский университет, передал отцу довольно грубые слова и вовсе покинул гимназию. Из послания 26 июня мы узнаем о новом его «похождении»: на сей раз Риттер «подал было прошение о принятии его в драгунский полк; но благоразумный отец, узнав об этом, отеческою рукою расписал ему задний фасад» (X, 100). После этого случая Михаил благополучно вернулся в гимназию.

Правдивость этих историй установить вряд ли возможно, однако О. К. Супронюк обнаружила любопытные документы, а именно рапорты гимназического гувернера Августа Амана, в одном из которых надзиратель жалуется директору Орлаю: «Риттер ударил так сильно пансионера Ивана Пащенко, что сей с ног свалился»²⁴. Наличие подобного свидетельства позволяет говорить о дерзком и порой необычном поведении данного пансионера. Потому вполне могут соответствовать действительности и крайне интересные воспоминания гимназиста Тимофея Пащенко (брата упомянутого Ивана), посвященные курьезному случаю с участием Риттера и Гоголя.

Как пишет мемуарист, Николай, зная о мнительности своего однокашника, решил подшутить над ним и убедил, что у того «бычачьи глаза». «Подводит Риттера несколько раз к зеркалу, тот пристально всматривается, изменяется в лице, дрожит»²⁵, – описывал Пащенко реакцию молодого человека. Риттер был совершенно обескуражен и обратился к своему слуге с фразой: «Видишь,

Семен, у меня бычачьи глаза...»²⁶ и получил утвердительный ответ от подговоренного Гоголем лакея. На следующий день, согласно указанному источнику, Риттер с мучившим его вопросом отправился к самому директору Орлаю, после чего был на неделю помещен в больницу.

Если присмотреться к этой истории внимательно, можно обнаружить, что причуды гимназиста в чем-то напоминают поведение майора Ковалева из повести «Нос». Когда потерявшийся орган наконец вернулся на законное место, коллежский асессор не сразу в это верит и постоянно ищет подтверждения его наличия. Где позволяет возможность, он смотрится в зеркало; невзначай спрашивает своего слугу: «А посмотри, Иван, кажется, у меня на носу, как будто прыщик» (III, 73), при этом втайне опасаясь, что Иван не только прыщика, но и самого носа не увидит на его лице. Разрабатывая тему мотива пристального взгляда в гоголевских повестях, Т. А. Волоконская замечает, что для Ковалева «возвращение носа не станет реальностью, пока как можно больше людей не увидит его на месте»²⁷. То же происходит и с легковерным гимназистом, мнение которого полностью опирается на слова других. Как и в случае обращения Риттера к директору, Ковалев также собирается к самому авторитетному из своих знакомых: «...если и майор не треснет со смеху, увидевши меня, тогда уж верный знак, что все, что ни есть, сидит на своем месте» (III, 74). Если можно отнестись с доверием к поведенной рассказчиком нежинской истории, то сходство в поведении героя Гоголя и его соученика проступает весьма определенное.

Несколько слов следует сказать о немцах, не имевших отношения к обучению Гоголя, но при этом так или иначе связанных с его семьей. На их личности намекают строки некоторых гимназических писем. В одном из ранних посланий мальчика в Васильевку он волнуется, определена ли в пансион его сестра Мария. Этим заведением руководила немка по фамилии Арендт, в прошлом управлявшая Полтавским институтом благородных девиц. Именно о ней писала О. В. Головня, говоря об «учительнице-немке». Сам Николай также серьезно относился к образованию сестры и уделял ему большое внимание. Один раз он даже прислал ей посылкой несколько книг, среди которых были, в частности, две немецкие, за что Мария была очень благодарна. Что же касается упомянутой госпожи Арендт, то она, помимо прочего, являлась матерью известного врача, лейб-медика Николая I Н. Ф. Арендта. С ним Гоголь был лично знаком и впоследствии высоко отзывался о его таланте.

Другая иностранная фамилия встречается в письме к матери от 17 апреля 1827 г. Гоголь любопытствует, какие события происходят в Кибинцах, имении Д. П. Трошинского, и говорит о некоем Сакене, возвратившемся туда из Петербурга. Речь идет о бароне С. К. Остен-Сакене, полковнике,

происходившем из древнего немецкого рода. Он являлся женихом княжны П. И. Хилковой, внучки именитого «благодетеля» семейства Гоголей. По всей видимости, Николай был осведомлен об этом, и ему хотелось узнать новые подробности. В письме от 30 августа он спрашивает у матери, не собирается ли она поехать на свадьбу, которая в итоге состоялась в Кишиневе. В послании к П. П. Косяровскому (13 сентября) Гоголь иронизирует над всей этой ситуацией, замечая, что «княжна перерядилась в баронессу» (X, 107). Разумеется, нельзя утверждать, что именно факт бракосочетания Хилковой с немцем развеселил будущего автора «Мертвых душ». Приведенная фраза может быть объяснена как общим характером письма, в котором встречаются довольно занятные именованные обитатели Кишинева (Дорогой, Пупура, Чцююшка), так и личностью самой новоявленной «баронессы». В Капнист-Скалон замечает, что из-за повышенного внимания со стороны молодых людей «характер ее испортился, она в свою очередь сделалась большой кокеткой»²⁸. Тем не менее, столь пристальное внимание Гоголя к браку Хилковой и Остен-Сакена является примечательным.

Свидетельств о встречах и личном общении Н. В. Гоголя и немцев во время его детства и юности не так уж много, однако все они по-своему ярко характеризуют натуру будущего писателя. Неподдельный интерес Гоголя к немецкой литературе и культуре, проявившийся несколько позднее в поэме «Ганц Кюхельгартен», сочетался порой с ироничным отношением к немцам настоящим, ежедневно встречавшимся ему в стенах гимназии. Германцы долго жили бок о бок с русскими, они успели стать неотъемлемой частью общества того времени, и встреча с ними вряд ли могла вызывать удивление. Однако различия в менталитете, в отношении к традиционным жизненным ценностям все же проявлялись в характерных деталях, подмеченных Гоголем и отразившихся позднее в его писательских трудах.

Примечания

- ¹ Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // Виноградов И. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников : в 3 т. Т. 1. М., 2011. С. 195.
- ² Манн Ю. Гоголь. Книга первая. Начало : 1809–1835 годы. М., 2012. С. 60.
- ³ Боровиковский И. Воспоминания о Полтавской гимназии и Харьковском университете за столетия назад. Фрагмент // Виноградов И. Указ. соч. С. 418.
- ⁴ Щеголев П. Школьные годы Гоголя // Исторический вестник. 1902. Февраль. С. 521.
- ⁵ Степанов Н. Гоголь. М., 1961. С. 34.
- ⁶ Шенрок В. Материалы для биографии Н. В. Гоголя : в 4 т. Т. 1. М., 1892. С. 100.
- ⁷ Гоголь Н. Письмо Гоголям В. А. и М. И., 10 июня 1821 г. Нежин // Гоголь Н. Полн. собр. соч. : в 14 т. М. ; Л., 1937–1952. Т. 10. С. 33. В дальнейшем все ссылки на письма и художественные произведения Гоголя приводятся по этому изданию с указанием тома и страницы в скобках.
- ⁸ Щеголев П. Указ. соч. С. 521.
- ⁹ Лавровский Н. Гимназия Высших Наук Князя Безбородко // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко : сб. СПб., 1881. С. 52.
- ¹⁰ Там же. С. 35.
- ¹¹ Там же. С. 48.
- ¹² Сребницкий И. Материалы для биографии Н. В. Гоголя из архива Гимназии высших наук // Гоголевский сборник, изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией. Киев, 1902. С. 338.
- ¹³ Мацевич Л. Гоголь и Кукольник в Нежинской гимназии // Русский Архив, издаваемый Петром Бартевым. 1877. № 10. С. 193.
- ¹⁴ К. Полный Французско-Российский Словарь, сочиненный по пятому изданию Словаря Академии Французской // Московский телеграф, издаваемый Николаем Полевым. 1826. Ч. 9. С. 26.
- ¹⁵ Кукольник Н. Ф. О. Зингер // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. С. 262.
- ¹⁶ Кукольник Н. И. С. Орлай // Там же. С. 199.
- ¹⁷ Выдержка из частного письма в Москву к графине Бальмен // Русский Архив, издаваемый Петром Бартевым. 1877. № 9. С. 112.
- ¹⁸ Супронюк О. Литературная среда раннего Гоголя // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. 1991. Т. 50. № 1. С. 66.
- ¹⁹ Оболенская С. Германия и немцы глазами русских (XIX век). М., 2000. С. 9.
- ²⁰ Николай М. (Кулиш П.). Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем : в 2 т. СПб., 1856. Т. 1. С. 27.
- ²¹ Глебов С. Гоголь в Нежинском лицее. (Из воспоминаний В. И. Любич-Романовича) // Исторический вестн. 1902. Февраль. С. 551.
- ²² Глебов С. Воспоминания о Гоголе // Русская старина. 1910. № 1. С. 72–73.
- ²³ Манн Ю. Указ. соч. С. 126.
- ²⁴ Супронюк О. Из комментариев к письмам Н. В. Гоголя // Русская литература. 1989. № 1. С. 158.
- ²⁵ Пащенко Т. Черты из жизни Гоголя // Н. В. Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952. С. 42.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Волоконская Т. Мотив пристального взгляда в петербургском цикле Н. В. Гоголя // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2014. Т. 14. вып. 1. С. 59.
- ²⁸ Капнист-Скалон С. Воспоминания // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов : в 2 т. / общ. ред. Ю. Г. Оксмана, С. Н. Чернова. М., 1931–1933. Т. 1. С. 332.

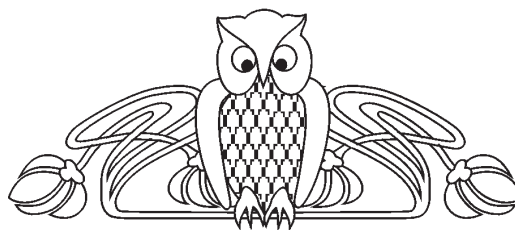

УДК 821.161.1.09-22+929 Шеллер-Михайлов

А. К. ШЕЛЛЕР-МИХАЙЛОВ В ЖУРНАЛЕ «РУССКОЕ СЛОВО»

И. А. Книгин

Саратовский государственный университет
E-mail: igor.knigin2012@yandex.ru

В статье подчеркивается значение работы в «Русском слове» в формировании творческой индивидуальности, мировоззренческих, духовно-нравственных и эстетических понятий писателя, находившегося в 1860-е гг. в центре журнально-литературных событий и занимавшего ответственные редакторские посты.

Ключевые слова: Шеллер-Михайлов, «Русское слово», журналистика, редактор, цензура, шестидесятые годы, литературная деятельность.

A. K. Sheller-Mikhailov in the Journal *Russkoye Slovo* (The Russian Word)

I. A. Knigin

The article emphasizes how the participation in *Russkoye Slovo* impacted the writer's creative personality, mindset, spiritual and moral as well as aesthetic notions being formed. The writer was in the center of the literary events of the 1860s and he held responsible posts at the editorial board.

Key words: Sheller-Mikhailov, *Russkoye Slovo* (The Russian Word), journalism, editor, censorship, the 1860s, literary activity.

В многогранной, на редкость плодотворной и при этом слишком неоднозначной литературной деятельности Александра Константиновича Шеллера-Михайлова (1838–1900) шестидесятые годы по праву можно назвать самыми удачливыми и яркими, несмотря на то что интенсивность его труда не уменьшалась и впоследствии, а по объему созданного значительно превосходит первое десятилетие творчества. В это время его сочинения можно было встретить не только в «Современнике», «Русском слове», «Деле» и «Женском вестнике», но и на страницах «Осы», «Якоря», «Будильника», «Искры», «Недели», «Современного обозрения».

А. К. Шеллер-Михайлов, безусловно, никогда не был «рядовым» отечественной литературы и журналистики второй половины XIX столетия, хотя и «...вошел в историю русской литературы как достаточно скромный в своих идейно-эстетических возможностях труженик-литератор, подвижник-публицист, пользовавшийся тем не менее горячей симпатией и признательностью современного ему массового демократического читателя России»¹. Необходимо заметить, что сам он относил себя к неглавным участникам литературной жизни, непритязательно, но внятно и веско определив свое место и миссию следующим образом: «Моя роль – роль второстепенного

литературного деятеля, делающего по мере сил и разума свое дело. Я никогда не огорчился, как бы ни ценили размеры моего таланта; но я всегда стремился к тому, чтобы меня не могли упрекнуть за то, что я потакал дурным инстинктам, пробуждал злые чувства, или менял свои взгляды и убеждения, и с этой стороны меня едва ли могут упрекать даже те, кому вовсе не симпатична моя деятельность. По моему убеждению, к этому – и только к этому – должен стремиться каждый второстепенный литературный деятель, так как единственно в этом и состоит его сила и значение. Не краснеть в старости ни за одну страницу – вот высшее благо подобных деятелей»². Писателю, действительно, ни разу не приходилось стыдиться или смущаться собственного творчества. «Написано им очень много и все написанное проникнуто чистой и честной тенденцией. Это – гражданское нравоучение, которое всегда будет действовать на непосредственные, юношеские натуры»³, – утверждал видный русский публицист, литературный критик и историк литературы Н. А. Энгельгардт.

Без упоминания имени А. К. Шеллера-Михайлова – романиста, поэта, переводчика, публициста и редактора-издателя – не обходится, по сути, ни одна из академических и учебных историй русской литературы и журналистики. Всеми без исключения признается его крупный вклад в становление социально значимого, а потому, несомненно, тенденциозного направления в литературе 1860-х гг., оказавшего внушительное воздействие на формирование и воспитание целого поколения читателей из числа разночинной молодежи, увлеченной новыми демократическими идеями, ориентированными не столько на разрушение, сколько на обновление и переустройство существующего миропорядка. При этом убежденный шестидесятник, всегда гордившийся кровной принадлежностью к одному из ярчайших движений российской умственной жизни, выступал против воинствующих партий, против насильственного изменения общественного строя, против прямолинейного радикализма и лихорадочного нигилизма.

Уже современники уверенно констатировали: «При чтении отчетов провинциальных библиотек поражает факт популярности сочинений А. К. Михайлова. Его романы читаются положительно больше, чем романы любого русского писателя,

не исключая Тургенева, гр. Л. Н. Толстого, Гончарова, Писемского... А. Михайлов – любимый писатель русской молодежи; по его произведениям впервые знакомится она с жизнью и готовится к ней»⁴. В причинах популярности писателя спустя некоторое время после его ухода из жизни пытался разобраться С. А. Венгеров: «Задавшись прославлением “новых людей”, провозвестников писаревского реализма и протестантов всякого рода, Шеллер делал из них настоящее собрание всевозможных добродетелей и высоких качеств. “Новый человек” Шеллера и необыкновенно умен, и массу знает, и находчив, и красноречив, и физической силою обладает, и красив вдобавок, так что, конечно, без труда пленяет сердца “рвущихся к свету” “новых” женщин. Несмотря на наивно-элементарную прогрессивность, а, пожалуй, именно вследствие элементарности этой всем доступной прогрессивности, Шеллер имел огромное и безусловно благотворное влияние на широкие слои публики»⁵.

Еще в студенческие годы писатель сделал первую достаточно удачную попытку вступления на журналистское поприще. Его литературная работа началась в 1858 г., когда в юмористическом еженедельнике «Весельчак, журнал всяких разных странностей, светских, литературных, художественных и иных», возглавляемом известным книгоиздателем А. А. Плюшаром, были напечатаны стихотворения «Практичный человек» (№ 48–49) и «Пред новым годом» (№ 52), а также рассказ «Бабушка и внук» (№ 50–51), подписанные псевдонимом «Релеш»⁶. В 1859 г. Шеллер продолжил печататься в еженедельнике как автор фельетонов «Мои беседы», выходявших за подписью «А. Релеш». В них он «чрезвычайно остроумно» рассказывал «о происхождении тогдашнего литературного наводнения бессодержательными произведениями; об особенной любви пишущей братии к скандальным сюжетам и воспроизведению живых людей из личной местности...»⁷. Не менее остроумны «беседы» А. Релеша о падении искусств... и об упадке критики... и вполне находился в курсе животрепещущих вопросов и был совершенно подготовлен к их разрешению»⁷.

Тем не менее, сам писатель началом литературной деятельности считал поэтический дебют в некрасовском «Современнике», который состоялся благодаря его школьному товарищу Андрею Михайлову, отославшему в журнал стихотворения Шеллера под своей фамилией. За подписью «А. Мих-лов» в № 10 за 1863 г. появилось «Четыре стихотворения», еще несколько стихотворений было напечатано в № 12 за 1863 и в № 1 и 2 за 1864, остальные произведения в «Современнике» публиковались под псевдоним «А. Михайлов», который Шеллер сохранил за собой навсегда, чаще всего подписывая этим именем не только художественные, но и публицистические выступления. Во второй и третьей книжках журнала за 1864 г. он напечатал свой первый роман «Гнилые

болота. История без героя» (отдельное издание – СПб., 1867; 2-е издание – СПб., 1870), который был замечен критикой. Спустя десять лет в «Деле» П. Н. Ткачев писал: «Маленькая “история без героя” <...> выкладывала перед читателями все мирозерцание его автора сполна; последующие его романы ничего в этом отношении не прибавили и не убавили. Едва ли когда-нибудь публика скорее и непосредственнее ознакомлялась с общим характером воззрений начинающего беллетриста, чем она ознакомилась с воззрениями г. Михайлова»⁸. В 1865 г. «Современник» опубликовал следующий роман молодого писателя «Жизнь Щупова, его родных и знакомых. Автобиография» (№ 2, 3, 6, 7, 8), который Д. И. Писарев в статье «Посмотрим!», напечатанной в том же году в девятой книжке «Русского слова», назвал «превосходным»⁹. Оба романа, проникнутые автобиографическим характером, сразу же принесли начинающему беллетристу широкую известность среди демократической интеллигенции.

На протяжении сорока лет энергично и плодотворно занимаясь самой разнообразной литературной работой, А. К. Шеллер-Михайлов всегда находился в гуще журнально-литературных событий, занимая ответственные редакторские посты. Начало же его многосторонней, насыщенной и разноплановой редакторской деятельности, не прерываемой практически до последних дней, пришлось на исход 1865 г., когда по приглашению Г. Е. Благовестлова он встал во главе иностранного отдела переживавшего самые тяжкие времена в своей истории журнала «Русское слово». Между прочим, в типографии «Русского слова» в 1866 г. была напечатана и самая первая книга Шеллера – «Жизнь Щупова, его родных и знакомых».

Впервые же в издании близкой позиции, постоянно открыто ориентированном на «начинающего читателя» (по определению Н. В. Шелгунова), на юное поколение, имя писателя появилось в 1865 г. в восьмой книжке журнала. За подписью «А. Михайлов» здесь увидели свет стихотворение «Песня» («Началась ты, жизнь...») и рассказ «Сила, слабость и неразумие (Из рассказов на Рождество)». В сентябрьском номере публикация, условно говоря, поэтического и прозаического циклов продолжилась: были напечатаны еще две сознательно и отчетливо ориентированные на кольцовскую традицию «Песни» («Градом рожь подкошена...») и «Как бы жить – не тужить...») и два «Из рассказов на Рождество» – «Желчь» и «Vanitas vanitatum et omnia vanitas!». Впоследствии, неоднократно переиздавая эти три рассказа, Шеллер-Михайлов отказался от объединяющего их в журнальной публикации подзаголовка. В ноябрьском номере «Русского слова» под тем же псевдонимом были помещены стихотворения «Развязка» («И сил во мне еще осталось много...») и «В глуши» («Я убежал в свой дом убогой...»).

Отдел второй декабрьской книжки журнала открывался шеллеровской статьей «Кто виноват?

(По поводу романа того же названия)», подписанной на этот раз именем автора. Статья положила начало довольно немногочисленным, в сравнении с другими публикациями, литературно-критическим выступлениям писателя. В этом критико-публицистическом материале он, размышляя об относительно недавнем прошлом отечественной прозы, о «лучших литературных деятелях последней половины сороковых годов», сформулировал основные эстетические и нравственно-воспитательные требования к современной литературе, а также открыто продемонстрировал признательную любовь к опальным, а потому ни разу не названным по именам авторам романов «Кто виноват?» и «Что делать?». Об отношении к последнему весомо свидетельствует и любопытная деталь, о которой упоминает в своем мемуарно-биографическом очерке А. И. Фаресов: «У меня имеется портрет Н. Г. Чернышевского, подаренный мне А. К. Шеллером, с собственноручной на нем надписью последнего:

Самоотверженный и честный наш боец,
Он весь принадлежал к иному поколению,
Которое пробить успело, наконец,
Народу русскому пути к освобожденью.

Конечно, «пути к освобожденью» пробились исключительно литературными идеями «шестидесятников», к которым несомненно принадлежал и сам Шеллер»¹⁰.

Отказываясь от подробного анализа романа А. И. Герцена и отсылая читателя в этой связи к статье В. Г. Белинского, критик предупреждал: «Моя заметка написана с целью высказать и те мысли, на которые наводит это искреннее произведение, и то глубокое сочувствие, которое оно вызывает»¹¹. Шеллер не подвергал сомнению высокие художественные достоинства романа и подчеркивал его непреходящее общественное значение: «Истинная художественность, как ее понимают реалисты, состоит именно в <...> неподкупном отношении романиста к его героям, и она-то доставит роману историческое значение: его будут читать (как читают «семейную хронику» Аксакова), когда описанная в нем жизнь будет смутным преданьем; теперь же он имеет для нас значение современности, так как его действующие лица еще далеко не отжили своего века»¹². Размышляя о судьбах людей сороковых годов и характеризуя европейские события последующих времен с позиций «нового» человека, сформированного годами шестидесятыми, испытавшего ошутимое воздействие философско-политических, экономических и исторических идей французов П. Ж. Прудона и Л. Блана, британца Г. Т. Бокля, немца Ф. Лассалья, писатель утвердился в безотрадно-неутешительном убеждении о всеобщей утрате лучших общественных идеалов: «Всякая эксплуатация человека человеком гадка по своей безнравственности и еще хуже по своим последствиям с точки зрения чистого утилитаризма, этой религии, проклинаемой явно, проповедуемой тайно и совсем не понимаемой в ее сущности эксплуататорами. Эксплуатация ведет эксплуатируемого к развращению, к стремлению избежать по возможности труда или исполнить его кое-как, а эксплуататора к нерасчетливой, непроизводительной трате нажитых без работ и усилий денег! Ко всем этим выводам, хотя и не во всей их полноте и ясности, можно было прийти, читая лучшие произведения иностранных и русских беллетристов и публицистов той эпохи, когда написан роман «Кто виноват?» <...> Многие из людей сороковых годов поют совсем не то, что пели прежде, а нечто такое скверное, о чем прежде они сами отзывались с омерзением»¹³. В заключительной части статьи Шеллер затронул животрепещущую проблему «отцов и детей», выступив в защиту последних от нападок, как он выразился, «взбаламученных романистов», прежде всего, прямо апеллируя к роману В. П. Ключникова (Клюшников) «Марево» (1864) и имея в виду широко обсуждавшийся роман А. Ф. Писемского «Взбаламученное море» (1863). Касаясь проблемы воспитания подрастающего поколения, автор заметок «по поводу» главную причину жестокосердия и нравственного уродства «испорченного ребенка» обнаруживал в окружающей среде и завершил статью вопросом, вынесенным в заглавие герценовского произведения: «Талантливо и честно высказанное слово правды будит людей и заставляет их взглянуть на свои ошибки, а под вашу песню станет ли общество хоть немного лучше воспитывать своих детей или, поверив, что люди рождаются негодьями, нигилистами, махнет рукой и опять бросит детей без присмотра, чтобы через десяток лет снова начать проклинать их неповиновение, их – может быть, действительно сумасбродные – поступки, и этой вечной враждой тормозить всякое развитие и отравлять и без того нашу невеселую жизнь?.. Отвернитесь, читатель, от всех этих людей... Однако, кто же виноват?»¹⁴

Сотрудничество Шеллера с «Русским словом» совпало со временем ожесточенных цензурных преследований журнала, которому 20 декабря 1865 г. было объявлено первое предостережение за публикации, содержащиеся в октябрьской книжке, 8 января 1866 г. – второе предупреждение за статьи Д. И. Писарева и Н. В. Шелгунова в ноябрьском номере. Третье предостережение последовало 16 февраля, о чем на следующий день сообщила правительственная газета «Северная почта», где публиковались полные тексты большинства административных взысканий за 1865–1868 гг.: «Принимая во внимание: что в журнале «Русское слово» (№ 12 за 1865 и № 1 за 1866 г.) роман «Воспоминания пролетария» (стр. 47, 48, 52, 69, 70, 74, 78, 79, 81, 84, 88 и 107) заключает в себе рассказ о перевороте, происшедшем в 1848 году в Париже, направленный к оправданию революционных движений народных масс; статьи: «Производительные силы Европы» (стр. 244, 249 и 262), «Засо-

ренные дороги” А. Михайлова (стр. 3 и 4), “Перед рассветом” Н. Благовещенского (стр. 102 и 113) и “Библиографический листок” (стр. 15, 16 и 19) включают в себе враждебное сопоставление неимущественных классов общества с собственниками и распространение социалистических понятий; а статья “Честные мошенники” Н. Шелгунова (стр. 8 и 9) придает воровству значение труда и свойства неизбежных последствий нынешних условий гражданского быта общества; что в означенных статьях продолжает обнаруживаться вредное направление помянутого журнала, подлежащее действию административных взысканий по силе ст. II Именного Высочайшего указа, данного Правительствующему Сенату в 6 день апреля 1865 г. и вызвавшее уже два предостережения, – министр внутренних дел на основании ст. 29, 31 и 33 Высочайше утвержденного 6 апреля 1865 г. Мнения Государственного совета и согласно заключению Совета Главного управления по делам печати определил: объявить *третье предостережение* журналу «Русское слово» в лице издателя кандидата прав Григория Благовещенского и редактора, окончившего курс в С.-Петербургской духовной семинарии, Николая Благовещенского и *приостановить* продолжение означенного повременного издания *на пять месяцев*»¹⁵.

Первый номер «Русского слова» за 1866 г., ставший последним в истории журнала, открывался публикацией за подписью «А. Михайлов» повести «Засоренные дороги», и было обещано ее «продолжение в следующей книжке». Примечательно, что та же повесть демонстративно оказалась включенной и в первый номер нового журнала «Дело», разосланного подписчикам в октябре 1866 г. Это не прошло незамеченным цензурой: «По рассмотрении в Совете Главного Управления по делам печати статей журнала “Дело” (№ 1) оказалось, что на самом видном месте книги находится повесть “Засоренные дороги”, пять первых глав которой буквально перепечатаны, даже с прежним заглавием повести, но за исключением двух мест в одной, из “Русского слова” (№ 1 за 1866 г.)»¹⁶. В уже известной читателю первой главе «Засоренных дорог» при перепечатке в «Деле» были удалены осуждающие размышления по поводу беспринципных и нравственно развращенных выходцев из богатых семей, оканчивающих университет и на правах хозяев вступающих в новую жизнь, и восторженные слова, посвященные деятельным беднякам-труженикам, благодаря полученным университетским знаниям через лишения и невзгоды стремящимся к поставленной цели и к осуществлению идеалов молодости: «O alma mater! счастлив тот, кто мог во дни цветущей юности, покинув все дорогое сердцу, пройти сотни верст пешком, вытерпев голод и холод, приютиться под твоим крылом и всецело отдаться тебе. Жалки те, которые не считали тебя матерью, без боли в сердце и без слез на глазах расставались с твоими детьми, с своими братьями.

Это те холодные, юные старцы-богачи, в которых с детства задушили, как что-то позорное, все порывы, все страсти, все обаяние молодости. Они пришли к тебе не из любви к свободолюбивой, протестующей против пошлости жизни науке, но потому, что без лоскутка бумаги, носящей название диплома, неловко вступить в их глупый свет, вспоенный, вскормленный, спеленатый этими лоскутками дипломов. Они считали тебя, мать свободы, алчною торговкою ученых вывесок! <...> Тяжело, кажется, ничего не осталось от прошлого, – но если кто-нибудь из вас, живые братья, крикнет: помогите! – его голос не замрет в пустыне и отзовется на него вся старая семья, в черствых людях воскреснут старые бедняки-студенты. Вот что заменяло нам ваши фрячки, рысаков, любовниц, вот за что мы любили тебя, старая, бедная жизнь!»¹⁷ К пяти главам, перепечатанным из «Русского слова», в «Деле» было добавлено еще пять, и, что любопытно, снова объявленного «продолжения в следующей книжке» не последовало, потому что повесть опять «обратила на себя внимание Главного управления по делам печати и была признана, несмотря на смягчение некоторых резкостей, предосудительной, как трактующая о “заедании мужицкого хлеба” господствующими классами»¹⁸.

Только в 1868 г. Шеллеру удалось выпустить с другим жанровым обозначением – «роман» – отдельное издание произведения, на которое откликнулся М. Е. Салтыков-Щедрин¹⁹. Его язвительно-пародийная рецензия на «Засоренные дороги» определила общий тон последующих высказываний о шеллеровском творчестве как самого сатирика, так и его сторонников и единомышленников. Впрочем, по замечанию Л. М. Розенблюм, Салтыков-Щедрин, «как об этом свидетельствуют три рецензии на романы Шеллера разных лет <...> внимательно следил за творческой эволюцией писателя, видя в ней яркую иллюстрацию несостоятельности утилитарной эстетики, которую отстаивал журнал “Дело”. Критические отклики Салтыкова на романы Шеллера (Михайлова) были частью общей полемики “Отечественных записок” с “Делом” по вопросам эстетики. По мнению Салтыкова, противопоставляя чистую тенденциозность глубокому знанию жизни, подлинной художественности, теории и беллетристики из журнала “Дело” чрезвычайно суживают возможности литературы, обрекая ее на поверхностное, “разговорное негодование”, на “махание картонным мечом”, на примитивность и однообразие»²⁰. На страницах «Вестника Европы» о книге в целом одобрительно отозвался М. М. Стасюлевич: «Автор романа “Засоренные дороги”, бесспорно, утилитарист. В этом романе проповедуется труд как основание человеческого достоинства, как единственное условие освобождения женщины, и в пример обществу выведен человек, который жертвует и собою, и своею любовью к женщине – необходимости труда в

пользу от него зависящих и высокому призванию проводника в обществе здравых идей. Роман изобилует поучениями, которые излагаются в форме иногда удачной, иногда в несколько сыром виде. Одним словом, это роман положительно утилитарный, честный по цели, согретый искренностью, наконец, написанный не без таланта»²¹. В дальнейшем писатель включал «Засоренные дороги» в шеститомное Собрание сочинений и Полное собрание сочинений в 15 томах. Закономерно произведение вошло и в посмертное Полное собрание его сочинений в 16 томах под редакцией А. М. Скабичевского.

По прекращении «Русского слова» с сентября 1866 по январь 1868 г. вместе с Н. А. Благовещенским Шеллер являлся фактическим редактором журнала «Женский вестник» (всего было выпущено десять номеров), взяв на себя руководство иностранным отделом. Здесь, наряду со стихотворениями и рецензиями, печатался роман «В чаду глубоких соображений. Дюжинная история с дюжинными героями» (книга первая «В большом доме» – 1866, № 1, 4, 1867, № 5, 6; книга вторая «На службе обществу» – 1967, № 9), который ни отдельной книгой, ни в составе собраний сочинений в дальнейшем не издавался. Начавшаяся в первом номере журнала публикация романа (были напечатаны три главы) вызвала, как и следовало ожидать, цензурные нарекания, потому что выход новых изданий – «Дела» и «Женского вестника» – воспринимался властными структурами как чуть ли не открытое наследование основной идейной направленности «Русского слова». Прерванное «по независящим обстоятельствам», как указывалось в объявлениях о выпуске третьей книжки журнала, печатание продолжилось лишь после того, как были исправлены в соответствии с требованиями цензуры другие главы. В «Женском вестнике» (1867, № 8 и 9) также увидело свет начало увлекательно написанного популярного биографического очерка Шеллера «Жан-Жак Руссо». Вскоре после закрытия журнала писатель в числе других бывших сотрудников «Русского слова» сосредоточился на работе в журнале «Дело», в котором возглавлял сначала иностранный, а затем беллетристический отделы, вплоть до конца 1878 г. заведовал общей редакцией и напечатал большинство собственных сочинений, созданных в этот период.

Дальнейшая редакторская судьба его была связана с журналом «Живописное обозрение» и газетой «Сын Отечества». Написанные в самых разных жанрах произведения Шеллера появились на страницах «Пчелы» и «Света», «Русского богатства» и «Наблюдателя», «Русской мысли» и «Северного вестника», «Игрушечки» и «Русской школы», а также других печатных органов, выходили отдельными изданиями. В семидесятые и девяностые годы увидели свет два его Собрания сочинений, в 6 и 15 томах соответственно. Шеллера знали и помнили в широких читательских кру-

гах, однако в сознании большинства он оставался одним из лидеров беллетристов-шестидесятников. «Культурно-социологический анализ условий потребления искусства в эпоху шестидесятых годов, – отмечает Н. З. Коковина, – опирающийся на изучение каналов информации, тиражей книг, адреса издательств, количества переизданий за определенный отрезок времени, в частотности обращения к творчеству писателя критики, массового читателя, позволяет раскрыть причины “читательского бума” произведений Шеллера»²². Именно 1860-е гг. стали определяющими в формировании как творческой индивидуальности писателя, так и его мировоззренческих, духовно-нравственных и эстетических представлений, верность которым он пытался и старался хранить на протяжении всей жизни.

Примечания

- ¹ *Прозоров В.* Шеллер // Русские писатели. XIX век : биобиблиогр. словарь : в 2 ч. Ч. 2. М–Я / под ред. П. Николаева. 2-е изд., дораб. М., 1996. С. 418.
- ² *Фаресов А.* Александр Константинович Шеллер. Биография и мои о нем воспоминания. (С двумя портретами). СПб., 1901. С. 19.
- ³ *Энгельгардт Н.* История русской литературы XIX столетия : 2 т. СПб., 1902–1903. Т. 2. 1850–1900 (Критика, роман, поэзия и драма). С. 240.
- ⁴ *Краснов Пл.* Чуткий писатель // Труд. 1894. № 9. С. 688.
- ⁵ *Венгеров С.* Очерки по истории русской литературы. СПб., 1907. С. 106.
- ⁶ Подробную характеристику «Весельчака» см.: *Ямпольский И.* Сатирические и юмористические журналы 1860-х годов. Л., 1973. С. 4–14, 123–125. Примечательно, что исследователь включает Шеллера-Михайлова в список «главных сотрудников» журнала (С. 8).
- ⁷ *Фаресов А.* Указ. соч. С. 14–15.
- ⁸ *Ткачев П.* Тенденциозный роман (Собрание сочинений А. Михайлова. СПб. 1873 г.) // Ткачев П. Н. Избр. соч. на социально-политические темы : в 4 т. М., 1932. Т. 2. 1869–1873. С. 378.
- ⁹ *Писарев Д.* Соч. : в 4 т. М., 1956. Т. 3. Статьи. 1864–1865. С. 494.
- ¹⁰ *Фаресов А.* Указ. соч. С. 144.
- ¹¹ *Шеллер А.* Кто виноват? (По поводу романа того же названия) // Русское слово. 1865. № 12. Отд. II. С. 5.
- ¹² Там же. С. 6.
- ¹³ Там же. С. 12–13.
- ¹⁴ Там же. С. 15.
- ¹⁵ Цит. по: Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905 гг. Система административных взысканий : справоч. изд. СПб., 2011. С. 65.
- ¹⁶ Цит. по: *Коковина Н. А. К.* Шеллер-Михайлов в демократических изданиях 60–70-х гг. XIX в. // Филологические науки. 1983. № 4. С. 75.
- ¹⁷ Русское слово. 1866. № 1. С. 3. Примечательно, что это фрагмент не включался ни в одно из последующих изданий повести.

- ¹⁸ Есин Б. Демократический журнал «Дело» (1866–1884). М., 2008. С. 79.
- ¹⁹ См.: Б.п. <М. Е. Салтыков-Щедрин>. Засоренные дороги и С квартиры на квартиру. Роман и рассказ соч. А. Михайлова. СПб. Изд. В. Е. Генкеля. 1865 <1868> г. // Отеч. записки. 1868. № 9. Отд. II. С. 46–52.
- ²⁰ Салтыков-Щедрин М. Собр. соч. : в 20 т. М., 1965–1977. Т. 9. Критика и публицистика (1868–1883). 1970. С. 543.
- ²¹ Стасюлевич М. Засоренные дороги и С квартиру на квартиру. Роман и рассказ А. Михайлова. СПб. Изд. В. Е. Генкеля. 1868. Стр. 383 // Вестн. Европы. 1868. № 6. С. 896–897.
- ²² Коковина Н. Книга А. К. Шеллера-Михайлова в демократической среде 60–70-х годов XIX века // Книжное дело в культурной и общественной жизни Петербурга – Петрограда – Ленинграда : сб. науч. тр. Л., 1984. С. 22.

УДК 821.161.1.09-22+929 [Андреев+Соколов+Стечкин]

ТВОРЧЕСТВО ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА В ОЦЕНКЕ «РУССКОГО ВЕСТНИКА»

А. С. Сергеев

Саратовский государственный университет
E-mail: lorandesai@yandex.ru

В статье рассмотрены позиции Н. М. Соколова и Н. Я. Стечкина – ведущих литературных критиков «Русского вестника» в 1902–1906-х гг. – на творчество и место в читательском сознании Леонида Андреева, показывается, насколько зависимы были критические оценки от освещаемых в творчестве писателя тем.

Ключевые слова: Л. Н. Андреев, «Русский вестник», литературная критика, Н. М. Соколов, Н. Я. Стечкин, «Мысль», «Жизнь Василия Фивейского», «Красный смех».

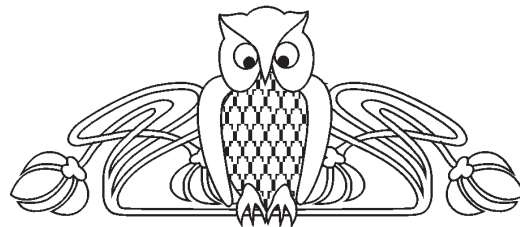
Leonid Andreev's Oeuvre in the Evaluation of *Russkiy Vestnik* (The Russian Bulletin)

A. S. Sergeev

The article considers the attitudes of N. M. Sokolov and N. Ya. Stechkin – the leading critics of the journal *Russkiy Vestnik* in 1902–1906 – to the oeuvre of Leonid Andreev and to its place in the readers' minds. The article shows to what extent the critical evaluations depended on the topics unfolded in the author's works.

Key words: L. N. Andreev, *Russkiy Vestnik* (The Russian Bulletin), literary criticism, N. V. Sokolov, N. Ya. Stechkin, «Thought», «The Life of Vasilij of Thebes», «Red Laughter».

Рост славы Л. Н. Андреева был стремительным. Достаточно сравнить две дневниковые записи, сделанные А. С. Сувориным 6 февраля 1902 г. и 25 ноября 1903 г. В первой указано: «У Леонида Андреева, беллетриста, был обыск»¹, во второй Суворин цитирует речь В. А. Тихонова, известного под псевдонимом Мордвин: «У меня будут Горький, Андреев и другие известные писатели»². Как можно заметить, за полтора года Андреев успевает пройти путь от просто «беллетриста» до «известного писателя». Однако главный редактор «Нового времени» был не единственным представителем консервативного лагеря, обращавшим внимание на молодого автора. Немало страниц творчеству Леонида Андреева уделили критики «Русского вестника» Н. М. Соколов³ и Н. Я. Стечкин⁴, публиковавшие свои материалы, как правило,

под псевдонимами Н. Скиф и Н. Я. Стародум соответственно.

Впервые читателей «Русского вестника» с Андреевым знакомит Соколов, обозревая в восьмом номере за 1902 г. рассказ «Мысль», которому целиком была посвящена статья «Литературного обозрения». На тот момент Андреев уже успевает прославиться за счет скандальной «Бездны», на примере которой спустя два года Н. Я. Стечкин аттестует писателя как человека «с несомненными признаками дарования, которое он всячески порочит, употребляя его на изображение гнуснейшей порнографии, не вытекающей даже из первоначальной задачи повествования»⁵. Любопытно, что Стечкин не называет произведение, хотя пересказ его содержания не оставляет сомнений, о каком рассказе идет речь.

Однако литературная репутация Андреева к тому моменту, когда выходит статья Н. М. Соколова, еще не сложилась. Вероятно, по этой причине оценки критика в сравнении с теми, которые будет позже давать Н. Я. Стечкин, гораздо более спокойные. Несмотря на то что у Андреева уже вышла скандальная «Бездна», а сам писатель подвергся обыску, можно предположить, что Соколов еще не был хорошо знаком с этими фактами, а потому мог принять писателя если и не за «своего», то, во всяком случае, за человека, который критически воспринимает современную интеллигенцию. Поэтому он пишет, что «ответ на этот вопрос (все ли можно? – А. С.) г. Андреев дает в духе старых добрых традиций русской литературы, т. е. в духе тех самых старых великих мастеров в области русского художественного слова, которые не в скороспелых и недолговечных последних книжках, переведенных “с иностранного”, но в своей личной жизни и в своей собственной совести искали решения жгучих и тревожных вопросов современной жизни и действительности»⁶. Именно анализ главного героя – доктора Антона Керженцева – как фигуры, в которой «отразился

век, и современный человек изображен довольно верно», станет ключевой задачей критика в этой публикации, недаром цитата из «Евгения Онегина» приводится еще в самом начале статьи.

Дается вводная характеристика и самому Андрееву: «Он умеет глядеть и своими глазами. Правда, и его нельзя назвать вполне самостоятельным. Как фабула, так и основная мысль его рассказа не в первый раз появляются в русской литературе. Но у него есть кое-что и свое. Важно уже то, что внимание его обращено не на пустяки, а наблюдательность не поглощается внешней оболочкой и мишурой будничной жизни. Уже это ставит его над шумною, но безличною толпою наших «писателей», скучно и добросовестно пережевывающих старую журнальную жвачку, уже давно утратившую свежесть и питательность. Он серьезно говорит о серьезном деле, что спасает его от жеманной манерности и праздной болтливости наших так называемых «властителей дум».

По определенности и серьезности основной мысли, по силе и глубине анализа, по точности и простоте слова можно судить, что мы имеем дело с человеком действительно образованным и действительно знающим <...>⁷. Как мы видим, характеристика Андреева исключительно положительная, и единственным минусом можно назвать вторичность постановки проблемы, которая, по мнению критика, была мастерски решена в свое время Ф. М. Достоевским в «Преступлении и наказании». «Это, в сущности, – пишет Соколов, – его⁸ вопрос и даже его решение вопроса, если не по духу, – здесь сходства нет, – то по внешней форме, теперь не новой, теперь даже рутинной. Если бы г. Андреев первый создал эту фабулу и в ее пределах уложил свою мысль, он создал бы литературное произведение, которое дало бы ему право на одно из почетных мест в истории русской литературы»⁹.

Однако Соколов отмечал и другие недостатки, в частности, ему казалось, что Андреев не потрудился отредактировать текст: «Еще бы немного побольше вдумчивости и пытливого сосредоточенности, – замечает критик, – и нужные слова нашлись бы и в ярких очертаниях воплотили бы все нужные оттенки мысли автора. Этого, к сожалению, нет и по местам, хотя и не часто, изложение автора носит следы некоторой небрежности и торопливости»¹⁰. Впрочем, куда страшнее другой недостаток, а именно мотив не притворного, а потенциально реального сумасшествия Керженцева. Соколов посчитал, что эта сторона рассказа лишняя и уводит повествование в сторону, загуманивая основную идею – болезнь духа. По этой причине критик, практически целиком цитируя произведение на страницах «Русского вестника»¹¹, старается опускать моменты сомнений главного героя.

Не меньшим промахом кажется и стремление Керженцева оказаться на каторге. «Это уж слишком по Достоевскому, – ставит вердикт Соколов.

– Правда, у Достоевского это было очень кстати и очень уместно, ибо в «Преступлении и наказании» с начала книги и до конца было отведено много нравственному началу. Там это с необходимостью и вполне последовательно вытекает из личности, мировоззрения и совести несчастного Раскольникова. <...> На что каторга доктору Керженцеву? <...> Ведь Керженцев не смирился, не отказался от себя, от своей злобы и мстительности. <...> Керженцевы не так кончают. Ни мистикою Достоевского, ни «публицистикою» его последователей по каторге – такого субъекта, как Керженцев, не прошибешь: для этого у него больно толста шкура. Для совершенно нового типа, как он, нужен был и совершенно новый конечный эффект в его духе. <...> г. Андреев, как нам кажется, нашел бы этот вывод, если бы поискал его. Но он поленился...»¹²

Однако куда сильнее Соколова волнует вопрос о том, что представляет собой Керженцев, который поначалу может показаться наивному читателю действительно умным человеком. Надо заметить, что фигура доктора берется критиком для обоснования ущербности «интеллигенции», которой публицист посвятил несколько статей на страницах «Русского вестника». По сути, слово «интеллигенция» воспринималось Соколовым практически как ругательное, а потому можно предположить, что выбор в пользу рассмотрения «Мысли» Андреева был сознательно сделан, в первую очередь, чтобы лишний раз напомнить о своем неприятии. Не стесняется в выражениях критик и в этот раз: «Современный «интеллигент», т. е. человек мало учившийся, утративший способность пользоваться своею головою для своих целей, а потому детски легковерный и на свой лад суеверный, как дикарь, – легко и охотно поверит тому, что доктор Керженцев – умная голова, светило науки и редкий мастер в деле логического мышления»¹³. Порой в своих выпадах критик несколько переступает границы, глумясь над одним из предметов гордости Керженцева – успехами в шахматах: «С этим умом далеко не уедешь в области точной науки, в искусстве, в практической философии и морали. Это находчивость счетчика, раба шахматной доски, многочисленных, но однообразных комбинаций, механических и только схематических построений, убивающих в зародыше *творчество и свободу мышления*»¹⁴.

Так что же не так в Керженцеве? По мнению критика, это книжность героя, псевдоинтеллектуальность и неспособность к самостоятельному мышлению, слепая вера в возможности науки в ущерб нравственному развитию. Для доктора мысль, а не мораль – царь и бог. Оценка Керженцева уничижительная: «Это не мыслитель, а софист к мышлению и истине равнодушный, готовый на все ради победы в споре. Он будет «мыслить и говорить», но мыслить не честно и говорить не честно, а только для того, чтобы отражать удары противников и защищать свое, хотя бы и заведомо ложное положение. <...> ум не сильный,

не исключительный <...> не самостоятельный, не оригинальный. Ничего своего у него нет. Ума хватает только на понимание чужого. <...> Нет, он умен, умнее многих, – только ум-то у него плохой и макулатурный, т. е. ум для него чужой и самому ему малопонятный»¹⁵. В конце своей статьи Соколов окончательно развенчивает Керженцева, сравнивая его с Терситом – «это грязь, которую прежде находили среди подонков общества, а теперь находят на высотах современной интеллигенции и культуры. <...> Это интеллигентный Смердяков¹⁶ из второго издания Карамазовых. <...> Это то Слоаса Махима, в которую как жидкая и вонючая грязь, сливаются все грехи и преступления нашей интеллигенции и нашей культуры»¹⁷.

Надо отметить, что в своих критических отчетах и, в частности, в оценке Керженцева Соколов был не одинок: схожие характеристики герою давал и Н. Л. Геккер в работе «Леонид Андреев и его произведения», а Е. А. Соловьев под псевдонимом Мирский сравнивал в «Журнале для всех» Керженцева с Раскольниковым и Карамазовыми¹⁸. Сам же Андреев довольно быстро устал от бесчисленных интерпретаций своего героя и признавался в начале августа в письме М. Горькому: «О “Мысли” продолжают чепушить. Обалдели и вместе с героем пресерьезно решают: сумасшедший или нет»¹⁹. Составитель комментариев к переписке В. Н. Чуваков отмечает, что «статьи Измайлова, Скифа и Observer, очевидно, как наиболее примечательные, находятся в альбоме Андреева, составленном из газетных и журнальных отзывов о его произведениях (ЦГАЛИ, ф. 11, оп. 1, ед. хр. 21)»²⁰. Надо заметить, что под «примечательными» Чуваков имеет в виду наиболее показательные материалы с точки зрения рассуждений о психических отклонениях Керженцева, что в случае с Соколовым все-таки не совсем верно, поскольку критик, напротив, считал «психиатрический» пласт рассказа лишним. Бесспорно одно – статья не прошла мимо писателя.

Через какое-то время Соколов оставит место литературного обозревателя, которое в 1903 г. перейдет Н. Я. Стечкину, возможно, самому одиозному и бескомпромиссному сотруднику журнала в 1900-х гг. Центральной фигурой критических нападок журнала станет М. Горький, однако публицист обратит внимание и на его окружение: в первую очередь – на Л. Н. Андреева и А. И. Куприна... На некоторое время Андреев станет в восприятии Стечкина «правой рукой» Горького, а, значит, одним из наиболее вредных для отечественной литературы писателей. Первую серьезную попытку выступить против него критик предпримет в шестом номере за 1904 г., когда в двух материалах под разными именами (sic!) он «обрушится» на ненавистного и уже именитого автора. Так, от своего настоящего имени в заключительной статье цикла о Горьком он мимоходом высмеет попытку Андреева совершить самоубийство: «То же самое совершал

другой “знаменитый” современный писатель, порнограф и психопат Леонид Андреев. То же самое совершали и совершают десятки и сотни недоучек, капризных и нервных себялюбцев, которым жизнь не улыбалась, потому что они в своем тунеядстве и распущенности воли и поступков не сумели овладеть ею»²¹. Гораздо более масштабная атака была предпринята в «Журнальном обозрении», статьи в котором по традиции выходили от имени Н. Я. Стародума. В том материале Стечкин обозревал первую книгу товарищества «Знание» за 1904 г., однако предпочел сосредоточиться на повести «Жизнь Василия Фивейского». Выбор свой публицист объясняет следующим образом: «Рассказ этот заслуживает особого внимания, так как ничего подобного, в смысле всяческого поношения всего, что мы привыкли уважать, кажется, в литературе, даже нашей, горьковской, разнузданной, еще не встречалось. <...> Славу г. Андрееву создал не его талант, не поэтические его страницы, а эта исключительная, доведенная до совершенства способность опоганивать все, к чему он прикасался. <...> Леонид Андреев – литературный Нерончик мелкого калибра»²². Заявление смелое. Столь же смелой была и аннотация произведения: «“Жизнь Василия Фивейского”, – в коротких словах, – это надругательство над священником, над его саном, над его семейной жизнью, над его горем, над его сомнениями, над его горячею верою и над Верою вообще»²³.

Любопытно, что статья это была направлена не только против Андреева, но и против одного из критиков, хваливших повесть. «Хвалитель этот – некий г. Аббадонна в газете “Русь” (№ 149 от 12 мая). Пишущий под именем падшего ангела Аббадонны, очевидно, из учеников недоброй памяти г. Амфитеатрова, потому что нельзя лучше подражать слогу и манере г. Амфитеатрова, как это делает Аббадонна. Привыкший читать сочинения г. Амфитеатрова даже дивится, что не им, а каким-то Аббадонною написана статья»²⁴. Можно предположить, что этот выпад был косвенной формой доноса, ведь за псевдонимом «Аббадонна» действительно скрывался опальный и находившийся в ссылке на тот момент Амфитеатров, вынужденный писать не от своего имени. Учитывая, что Амфитеатров также был не лестного мнения о Стечкине²⁵, а в адрес «Русского вестника» со страниц других изданий иногда звучали обвинения в доноситечестве, эта фраза действительно могла нести потенциальную угрозу Аббадонне. По иронии судьбы, спустя столетие, в 2013-м году, Амфитеатров и Стечкин окажутся изданными в одном сборнике «Упырь на Фурштатской. Забытая вампирская новелла XIX–XX вв.». Правда, это будет не Н. Я. Стечкин, а его младший брат – С. Я. Стечкин, известный под псевдонимом С. Соломин.

Но вернемся непосредственно к рассмотрению произведения публицистом. Несмотря на то что общая негативная оценка повести была

высказана еще в самом начале, это не означает, что критик не мог ее сдержанно похвалить. В частности, он отмечал, что первая глава написана эффектно, впрочем, тут же оговариваясь, что эффектно не значит «художественно»: «<...> несмотря на выдержанный, обработанный слог, на сжатость описания отдельных минут и положений. Искренности в изложении не ощущается, а деланности сколько угодно»²⁶. Особенно в этом плане его раздражали те эпизоды в произведении, когда Андреев намеренно стилизовал тон повествования под библейское описание.

И все же разбор «Жизни Василия Фивейского» строился во многом на полемике с Амфитеатровым, в частности, с его утверждением, что повесть лишена порнографического элемента. «Ну, а эта картина пьяной жены священника, соблазняющей мужа на сожительство, как же должна быть названа, – скромною картиною, что ли?»²⁷, – возмущался критик, рассматривая эпизод, когда жена Фивейского уговаривает мужа на рождение нового ребенка, который для нее может стать заменой утонувшему сыну. «Но г. Андрееву надо было протащить о. Василия через грязь и он это со вкусом и смаком проделал»²⁸, – замечает сотрудник журнала. В другом месте Стецкий говорит, что одна из наиболее понравившихся Амфитеатрову сцен – сцена с цыпленком, когда Василий Фивейский решает, что все посланные Богом испытания он должен пройти – входит в число самых обдуманных в произведении, но также выглядит картонной: «Он, видимо, полагал, что создает антитезу необыкновенной красоты, но вышло все до чрезвычайности картонно, а промелькивающая у о. Василия мысль, что стоит стиснуть и цыпленок издохнет, относится тоже к числу садических»²⁹.

Наибольшее внимание критик уделяет тем местам, где Л. Андреев старается показать главного героя внешне отталкивающим. Н. Я. Стецкий весьма тонко подмечает, что в произведении неоднократно бросаются в глаза очерняющие о. Василия детали: гнилые зубы, корявое лицо, редкая борода. С каждой страницей все чаще употребляется слово «поп» вместо других обращений, что в контексте произведения только помогает принизить образ священника. Описывая желание Андреева во что бы то ни стало унижить о. Василия, Стецкий проводит новую аналогию автора с историческим деятелем – но уже не с Нероном, а маркизом де Садом: «Доселе позорной памяти маркиз де Сад имел монополию соединять чувственные образы половых злоупотреблений с ругательством над таинствами и с изображением кровавых сцен человекоубийства. Ныне, через века после Сада, его лавры делит г. Андреев»³⁰.

Выводы Н. Я. Стецкого однозначны: «Что это такое? Записки сумасшедшего о сумасшедшем? Насмешка над верой, над чудесами? Или просто безумное декадентское кривляние? Всему описанию придан намеренно бредовый характер,

но мысль и цель ясны. Вера о. Василия описана как один из видов человеческого сумасшествия. <...> С таким пессимизмом жить нельзя и становится даже понятным покушение г. Андреева на самоубийство несколько лет назад, о чем сам г. Андреев хвастливо заявил в печати. <...> выпускать в свет такие гнусности, полные лжи и постыдного кривляния, как “Жизнь Василия Фивейского”, ни один писатель не имеет права. Нужно и о молодых читателях подумать. Нельзя считать душу читателя за яму с нечистотами, куда можно все выкинуть»³¹. Эти слова перекликаются со сказанным ранее: «Если изящная словесность дошла до такой тьмы без просвета, если такие мерзости имеют успех у читателей, то невольно рождается вопрос, не эпидемия ли половой психопатии охватила общество, не влечет ли это общество к себе все то, что направлено к разрушению всего, что когда-то уважаемого и чтимого»³².

Позиции Стецкого нашли соратников: так же, как и он, говорили о неправдоподобности священника и обвиняли Андреева в декадентстве Ф. Н. Белявский в «Церковном вестнике», Д. И. Боголюбов в «Миссионерском обозрении», Н. А. Колосов в «Душевнополезном чтении»³³.

Еще более спорные и строгие оценки вынес критик «Красному смеху», напечатанному все в том же «Знании», но уже в третьей книге, которую он обозревал: «Не только по этой идее, но и по форме, и по подробностям повествования г. Андреева изображает из себя столь нелепое, что мы затруднились бы даже в собственных произведениях автора найти что-либо равное “Красному смеху” по дикости и несообразности со здравым смыслом и здоровыми чувствами»³⁴. В то же время критик не может пройти мимо того момента, что «создалась целая газетная литература вздохов, причитаний, ахов и охов, перемежающихся многоточиями. В общем, хвалебный гимн, за исключением здравого, отрезвляющего слова В. П. Буренина»³⁵³⁶.

Некоторые позиции сотрудника «Русского вестника» в оценке этого произведения кажутся еще более спорными по сравнению с тем, что говорилось о «Жизни Василия Фивейского». Так, Стецкий не сумел оценить оригинальный авторский замысел с построением текста в форме отрывков рукописи, посчитав, что при традиционном подходе «не было бы кривляния, был бы обыкновенный писатель, а не сверх-писатель, не исключительное существо, которое поклонники г. Андреева в нем разумеют.

Из-за того же желания покривляться придумано и само несуразное название “Красный смех”. Это из декадентской области, где звуки имеют цвет»³⁷. Мотив цвета, играющий столь важную роль в произведении, для него выглядел чересчур надуманным и вообще неудачным: «... при выполнении замысла оказалось, что средства г. Андреева весьма однообразны и скудны. Кроме кровавой окраски он не умеет придать никакой

своим картинам, и они выходят похожи на те лубочные изображения, где кровь льется не иначе, как фонтаном в несколько сажень высоты, и где ужас пропадает от карикатурности изображения»³⁸, да и вообще «... это не кровь, а сурик ...»³⁹.

Особенное внимание критик уделяет разговору о том, насколько позволительно говорить о соответствии описываемого в повести реалиям войны. Как известно, Андреев сам не участвовал в русско-японской войне, хотя читал газетные публикации и знакомился с воспоминаниями очевидцев. Однако Стецкий, прекрасно об этом зная, продолжает доказывать, что на войне дела обстоят совершенно иначе, что количество сходящих с ума людей не соответствует тому, что описано в «Красном смехе», что сходят с ума трусы. Вот один из характерных выпадов критика: «Похвальные отзывы о хладнокровии и мужестве наших санитаров доходят к нам с театра военных действий, а г. Андреев хочет изобразить их огульно неврастениками, неспособными нести свои святые обязанности. Едва ли, повторяем, г. Андреев хотел клеветать на молодежь нашу, но по его замыслу надо выбирать только одни прискорбные случаи, сгущая краски»⁴⁰. В этом разговоре о правдивом отображении реалий войны Стецкий даже переходит на личность недавно погибшего В. В. Верещагина, замечая, что только высокое мастерство художника спасает такие картины, как «Апофеоз войны» и «На Шипке все спокойно...» от того, чтобы не признать их «кариатурами на геройские Шипкинские подвиги»⁴¹ из-за тенденциозности.

Почему же Леонид Андреев вообще обратился к этой теме? Стецкий считает, что причины очевидны: «Будучи во всех своих произведениях до мозга костей порнографом, г. Андреев, как это часто бывает с эротоманами, перешел к садизму. <...> О, старый, и по теперешнему времени, наивный маркиз де Сад!»⁴² И снова критик прибегает к аналогии с известным французом, что, учитывая редкость появления имени автора «Жюстины», должно лишний раз подчеркнуть исключительность Андреева.

Не стоит думать, что критик находил у писателя только неудачные задумки. Он сумел оценить сцену возвращения домой безымянного главного героя первой части произведения и встречу его родственниками. Причины одобрения очевидны: эпизод практически лишен экспрессионистического сгущения красок, в гораздо большей степени упирает на психологизм ситуации, описанной в реалистическом ключе. Недаром финальная часть сцены, где возрастает эмоциональное напряжение, показалась Н. Я. Стецькину уже выдуманной.

Впрочем, выдуманным, по его мнению, было практически все произведение: «...повесть не была вдохновлена событиями, а события побудили автора, в погоне за популярностью, взяться за ходовой сюжет, выбросить на книжный рынок ходовой товар»⁴³. Превратно истолковывая при-

чины, побудившие писателя взяться за перо, Н. Я. Стецкий, тем не менее, заявлял об одной важной черте творчества прозаика, отмечавшейся и другими критиками⁴⁴, – погоне за современными, зачастую лишь сиюминутными проблемами.

Самым же страшным для него было то, что «автор “Красного смеха” – один из кумиров молодежи» и «что все эти словечки, покрытые уже рукоплесканиями разных фельетонистов, падут на благодатную почву, послужат к проповедованию и распространению, и вкраплению изменнической идеи о скорейшем заключении мира во что бы то ни стало ...»⁴⁵. Более того, «задачи повести не художественные, а политические»⁴⁶. Если бы было иначе, повесть осталась бы в портфеле автора и не увидела бы свет до конца войны. <...> Если бы г. Андреев вел себя, как серьезный, уважающий себя писатель, как *русский* писатель, он сознал бы несвоевременность своей повести»⁴⁷. Не признавая художественных находок Андреева, Стецкий, тем не менее, ухватил суть повести: «Автор все более хочет утвердить мнение, что война есть безумие, годное лишь на то, чтобы стать эпидемическим»⁴⁸.

«Русский вестник» активно освещал русско-японскую войну, вел отдел «Военное обозрение», а тот же Н. М. Соколов публиковал в журнале стихи в «Военно-политических отголосках»⁴⁹. Логично, что Стецкий не мог не откликнуться на произведение, которое, по его мнению, пыталось внушить вредные идеи о войне. Вполне возможно, что это было главной причиной столь пристального внимания к произведению, даже «Дачникам» Горького – писателя, мимо которого Стецкий не мог пройти, – в том обзоре посвящено меньше полстраницы.

Больше крупных материалов об Андрееве в «Русском вестнике» не будет, хотя писатель не пропадет окончательно с его страниц, например, неожиданно возникнет в статье, посвященной творчеству С. С. Юшкевича, где вместе с Горьким и Куприным будет упомянут как «разрушитель»⁵⁰.

Андреев – одна из ключевых фигур литературно-критических обзоров «Русского вестника» в 1902–1906-х гг. Рассмотрение его произведений сотрудниками консервативного издания не только позволяет по-новому взглянуть на некоторые моменты в творчестве классика, которые совершенно иначе рассматривались критиками других лагерей, но и хорошо иллюстрирует лицо той критики, которая появилась в журнале в 1902 г. с приходом В. В. Комарова и В. Л. Величко. Если до того в течение двух лет суждения о литературе (преимущественно прошлого) на страницах «Русского вестника» велись, в первую очередь, с эстетических позиций, то со сменой состава редакции меняется и направленность в изучении произведений. Приоритетными становятся этический подход, определение социально-политических установок автора, некоторое ослабление внимания к рассмотрению непосредственно художественно-выразительных средств. Леонид Андреев как модный

у молодежи писатель просто не мог не обратить на себя внимание критики «Русского вестника». До тех пор, пока его сотрудничество с Горьким не стало очевидным фактом и по-настоящему резонансные произведения не вышли в свет, в издании к нему относились нейтрально, по достоинству оценивая его творчество (Соколов). Как только Андреев стал действительно известным, а в печати появились «Жизнь Василия Фивейского» и иные произведения, отношение к нему резко поменялось (Стецкий), стало предвзятым. Впрочем, это не отменяет ряда верных суждений, которые появились в период наиболее серьезного расцвета реакционных оценок на страницах журнала.

Примечания

- ¹ Дневник Алексея Сергеевича Суворина. 2-е изд., испр. и доп. Л. ; М., 2000. С. 435.
- ² Там же. С. 458.
- ³ О Н. М. Соколове см.: Александров С. Соколов Николай Матвеевич // Русские писатели. 1800–1917 : биографический словарь. М., 2007. Т. 5 : П-С. С. 709–711.
- ⁴ О Н. Я. Стечкине см. : Сергеев А. Николай Яковлевич Стеч (ь) кин – литературный критик // Филологические этюды : сб. науч. ст. молодых ученых. Вып. 13. Ч. 1–3. Саратов, 2010. С. 145–150.
- ⁵ Стародум Н. <Н. Я. Стецкий>. Журнальное обозрение (Сборник товарищества «Знание» за 1903 год – книга первая 1904 г.) // Русский вестн. 1904. № 6. С. 789.
- ⁶ Скиф Н. <Н. М. Соколов>. Литературное обозрение // Русский вестн. 1902. № 8. С. 600.
- ⁷ Там же. С. 599–600.
- ⁸ Здесь и далее курсив авторский.
- ⁹ Скиф Н. <Н. М. Соколов>. Указ. соч. С. 615.
- ¹⁰ Там же. С. 616.
- ¹¹ Дотошное и избыточное цитирование вообще было свойственно как Соколову, так и Стечкину, что порой вызывало иронию у коллег из других изданий.
- ¹² Скиф Н. <Н. М. Соколов>. Указ. соч. С. 618–619.
- ¹³ Там же. С. 620.
- ¹⁴ Там же. С. 621.
- ¹⁵ Там же. С. 623–626.
- ¹⁶ О схожести Керженцева со Смердяковым писал и А. В. Луначарский: «Разница между Смердяковым и Керженцевым та, что Смердяков убил ради денег, Керженцев только ради чести стать Смердяковым» (Луначарский А. О художнике вообще и о некоторых художниках в частности // Луначарский А. Критические этюды. Л., 1925. С. 48).
- ¹⁷ Скиф Н. <Н. М. Соколов>. Указ. соч. С. 629.
- ¹⁸ Подробнее об отзывах см.: Чуваков В. Мысль // Андреев Л. Собр. соч. : в 6 т. М., 1990. Т. 1. С. 619–623.
- ¹⁹ Литературное наследство. Т. 72. Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка. М., 1965. С. 156.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Стецкий Н. Максим Горький, его творчество и его значение в истории русской словесности и в жизни русского общества // Максим Горький : pro et contra. Личность и творчество Максима Горького в оценке русских мыслителей и исследователей. 1890–1910 гг. : антология. СПб., 1997. С. 603. (Сер. «Русский путь»).
- ²² Стародум Н. <Н. Я. Стецкий>. Журнальное обозрение (Сборник товарищества «Знание» за 1903 год – книга первая 1904 г.). С. 789–790.
- ²³ Там же. С. 790.
- ²⁴ Там же. С. 790–791.
- ²⁵ См., например, характеристику Стечкину как редактору газеты «Народ»: «При посредстве Витте Шабельская основала в Петербурге газету “Народ”, под редакцией Стечкина, крайнего реакционера, молодца из “Московских ведомостей”. Издание велось неряшливо и бездарно, было лишено всякого политического смысла и литературного интереса, никто его не читал, у публики оно слыло не “Народ”, но “Урод”» (Амфиатов А. Тяжкая наследственность. URL: http://dugward.ru/library/amfiteatrov/amfiteatrov_tyajkaya.html (дата обращения: 22.12.2014)).
- ²⁶ Стародум Н. <Н. Я. Стецкий>. Журнальное обозрение (Сборник товарищества «Знание» за 1903 год – книга первая 1904 г.). С. 796.
- ²⁷ Там же. С. 798.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. С. 807–808.
- ³⁰ Там же. С. 803.
- ³¹ Там же. С. 811–812.
- ³² Там же. С. 804.
- ³³ Подробнее об отзывах см.: Чуваков В. Жизнь Василия Фивейского // Андреев Л. Собр. соч. : в 6 т. М., 1990. Т. 1. С. 630–634.
- ³⁴ Стародум Н. <Н. Я. Стецкий>. Журнальное обозрение (Сборник товарищества «Знание». – Книга третья) // Русский вестн. 1905. № 3. С. 250–251.
- ³⁵ Л. А. Иезуитова пишет: «Андрееву даже несколько польстило, что “Красный смех” небезызвестный критик “Нового времени” В. П. Буренин “разнес бешено, назвав «зеленой белибердой»» (Иезуитова Л. Творчество Леонида Андреева (1892–1906). Л., 1976. С. 157.).
- ³⁶ Стародум Н. <Н. Я. Стецкий>. Журнальное обозрение (Сборник товарищества «Знание». – Книга третья). С. 249–250.
- ³⁷ Там же. С. 251.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. С. 258.
- ⁴⁰ Там же. С. 256.
- ⁴¹ Там же. С. 259.
- ⁴² Там же. С. 262.
- ⁴³ Там же. С. 272.
- ⁴⁴ Подробно эта проблема освещена в «Критическом очерке» К. И. Чуковского из книги «Леонид Андреев большой и маленький» (См.: Чуковский К. Критический очерк // Чуковский К. Собр. соч. : в 15 т. М., 2002. Т. 6. Литературная критика (1901–1907) : От Чехова до наших дней ; Леонид Андреев большой и маленький ; Несобранные статьи (1901–1907). С. 186–210).
- ⁴⁵ Стародум Н. <Н. Я. Стецкий>. Журнальное обозрение (Сборник товарищества «Знание». – Книга третья). С. 267–268.

- ⁴⁶ Л. А. Иезуитова считала, что в тексте содержался неприкрытый политический донос (См.: *Иезуитова Л.* Указ. соч. С. 157).
- ⁴⁷ *Стародум Н.* <Н. Я. Стецкий>. Журнальное обозрение (Сборник товарищества «Знание». – Книга третья). С. 272.
- ⁴⁸ Там же. С. 255.

- ⁴⁹ О милитаристских взглядах русских консерваторов на рубеже веков подробнее см.: *Репников А.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007. С. 223–273.
- ⁵⁰ См.: *Стародум Н.* <Н. Я. Стецкий> Журнальное и литературное обозрение (Еще «великий» писатель – Семен Юшкевич – Рассказы. 2 тома. 1904 и 1905 гг.) // Русский вестн. 1905. № 11. С. 280.

УДК 821.161.1.09-22+655.4/5(470)+929

АЛЬМАНАХ «ШИПОВНИКА»: ИНТЕГРИРУЮЩИЙ КОНТЕКСТ (на материале третьей книги, 1908)

Ю. С. Ромайкина

Саратовский государственный университет
E-mail: orel-55555@yandex.ru

В статье выявляются внешние и внутренние факторы, способствующие формированию интегрирующего контекста третьей книги литературно-художественного альманаха издательства «Шиповник» (1908): рассматриваются оформление книги, композиция сборника, приводится мотивный анализ входящих в состав альманаха произведений.

Ключевые слова: «Шиповник», интегрирующий контекст, Л. Андреев, И. Бунин, Б. Зайцев, А. Куприн, А. Серафимович, А. Блок, Г. Чулков, Ф. Сологуб, композиция, мотив, тема.

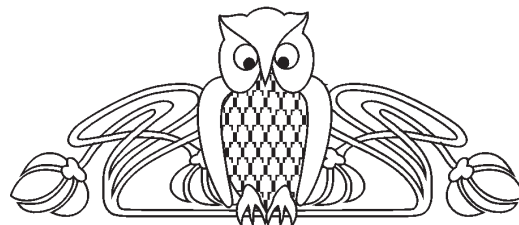
Shipovnik (Rose Tree) Almanac: an Integrating Context (on the Material of the Third Book, 1908)

Yu. S. Romaykina

The article reveals external and internal factors contributing to the formation of an integrating context of the third book of Shipovnik Publishing House Literary-Artistic Almanac (1908): the design of the book and composition are being examined, the motives of the almanac's texts are analyzed.

Key words: Shipovnik (Rose Tree), integrating context, L. Andreev, I. Bunin, B. Zaytsev, A. Kuprin, A. Serafimovich, A. Blok, G. Chulkov, F. Sologub, composition, motive, theme.

Одно из самых известных неперIODических изданий первой трети Серебряного века – литературно-художественный альманах издательства «Шиповник». С 1907 по 1917 г. было издано 26 книг, лучшие из которых редактировали Б. Зайцев и Л. Андреев. В основе сборников лежал принцип синтетического модернизма¹, т. е. соединения разнородных художественных элементов. В альманахе печатались писатели-реалисты и неореалисты (И. Бунин, Л. Андреев, Б. Зайцев, А. Серафимович, С. Юшкевич, В. Муйжель, А. Толстой, М. Пришвин А. Чапыгин), а также авторы символистского направления (А. Блок, В. Брюсов, А. Белый, К. Бальмонт, Г. Чулков, Ф. Сологуб, Н. Минский)². Какие внешние и внутренние факторы способствовали формированию интегрирующего контекста

альманаха? Рассмотрим эту проблему на материале всего лишь одной книги «Шиповника» – третьей, наиболее полно характеризующей литературную политику владельцев и редакторов данного издательского проекта.

Редактором третьей книги альманаха «Шиповника» (1908) был Б. Зайцев, этот выпуск отличался уникальным авторским составом: Л. Андреев, И. Бунин, Б. Зайцев, А. Куприн, А. Серафимович рядом с А. Блоком, Г. Чулковым и Ф. Сологубом.

Лицо любого издания – это, конечно, его обложка.

Третий альманах издательства «Шиповник» отличает изящное внешнее оформление работы Л. Бакста: на обложке представлены заросли шиповника, среди которых изображены обнаженные силуэты. Под надписью «Шиповник» – две детские фигуры, склонившиеся над кустом шиповника. Стоит отметить, что только в книгах 1, 3, 10, 15 обложка, иллюстрированная Л. Бакстом, повторялась. В остальных выпусках изображался в различных вариациях цветок шиповника.

В третьем выпуске отмечено, что «титульная страница и надписи исполнены художником В. Чемберсом»³. Оформлением отдельных книжек «Шиповника» занимались представители объединения «Мир искусства». Например, над вторым выпуском работал М. Добужинский, над четвертым и седьмым – Г. Нарбут, над пятым – С. Чехонин, над шестым – Б. Анисфельд и т. д.

Шмуцтителы внутри третьей книги «Шиповника» украшались виньетками. Позже (с пятой книги) шмуцтителы стали содержать иллюстрации, символически обобщавшие содержание литературных произведений.

Единство оформления, повторяющийся образ цветка шиповника, безусловно, выполняли интегративную функцию и способствовали объединению материалов альманаха в восприятии читателя.

Изящность внешнего оформления сборников «Шиповника» заботила одного из совладельцев

издательства – З. И. Гржебина, художника по образованию, учившегося в мюнхенской мастерской Шимона Холлоши. М. Добужинский вспоминал: «Внешность книги стала первой заботой Гржебина. Очень многие художники принимали участие в иллюстрировании и орнаментации книг, выпускаемых “Шиповником”, как Ал. Бенуа, Бакст, Билибин, Лансерэ, Рерих, Нарбут, Сомов и пишущий эти строки»⁴.

Иллюстрациями, виньетками, изысканными обложками альманах издательства «Шиповник» выгодно конкурировал с популярными в начале XX в. горьковскими сборниками товарищества «Знание». Н. Я. Абрамович писал: «Первый альманах “Шиповника” по размерам и изяществу внешности выгодно отличается от скромной зеленой книжки сборника “Знания”, от которой уже веет затхлостью шаблона»⁵.

Кроме того, изысканность в оформлении, так же как и название альманаха, перекликаются с изданиями рубежа XVIII и XIX вв. и со сборниками первого «альманажного периода» в русской литературе («Аглая», «Аониды», «Полярная звезда», «Северные цветы» А. А. Дельвига и О. М. Сомова).

Композиционный принцип третьего выпуска «Шиповника» – жанровый. Весь материал сборника сгруппирован по жанрам. Римской нумерацией выделены три раздела. Первый (без названия) включает в себя пять рассказов: «Тьма» Л. Андреева, «Астма» И. Бунина, «Сестра» Б. Зайцева, «Изумруд» А. Куприна и «Пески» А. Серафимовича. Второй раздел, названный «Стихи», состоит из лирических произведений: «В этот серый летний вечер...» и «Девушке» А. Блока, «Золотая ночь» Г. Чулкова. Содержание третьего раздела (также без названия) полностью составляет «Творимая легенда», первая часть романа Ф. Сологуба «Навыи чары».

Подобное деление было присуще 1, 2, 3, 5, 6 и 7 выпускам альманаха, хотя порядок расположения материала немного варьировался: рассказы, лирика, драматические произведения, части романов, иллюстрации менялись местами и составляли три-четыре раздела сборника. В четвертом и начиная с восьмого в последующих выпусках нумерация опускалась.

Вне зависимости от наличия или отсутствия выделенных нумерацией разделов объединенные одной обложкой художественные произведения разного жанра воспринимаются как некое смысловое целое в рамках *книги*. Граница между жанрами подчас стирается из-за возникающего структурно-семантического единства, появляющегося, прежде всего, благодаря системе лейтмотивов. Поэтому при выявлении объединяющих факторов третьего выпуска «Шиповника» сфокусируем внимание на общности мотивов.

Немаловажным является и порядок расположения произведений различных авторов. Обратимся к иерархии материалов третьего сборника «Шиповника». С точки зрения его композиции

наиболее сильные позиции в начале и в конце книги занимают соответственно Л. Андреев с рассказом «Тьма» и Ф. Сологуб с романом «Творимая легенда».

Эти произведения вызвали наибольший резонанс среди критиков в сравнении с другими текстами выпуска: «В “Шиповнике” Андреевская “Тьма”. Вот уж ее встретили-то! “Анну Каренину” и “Братьев Карамазовых” так не встречали»⁶; «Леонид Андреев – вот камень, на котором зиждется новая литературная церковь. В № 1 Альманаха шум общего любопытства сосредоточивался на “Жизни человека”, в № 3 – на “Тьме”»⁷; «О романе Ф. Сологуба говорить рано. Только первая часть его помещена в этом альманахе. Читается он с громадным интересом и написан про-соллогубовски, красочно, ярко. Словно весь залит солнцем»⁸.

М. Волошин метко определил проблему контекстуального единства помещенных в одном издании текстов различных по стилю, направлению, мировоззрению авторов: «Третий альманах “Шиповника” начинается повестью Леонида Андреева и заканчивается романом Феодора Сологуба. Кто дерзнул бы сопоставить, кто попытался бы провести сравнения между этими писателями, столь несхожими, если бы они не оказались связанными страницами одной книги?»⁹

Помогает найти ключ к раскрытию внутреннего интегрирующего контекста сборников «Шиповника» обнаруженное нами в рукописном отделе Российской национальной библиотеки г. Санкт-Петербурга письмо З. И. Гржебина. Перед выпуском третьей книги «Шиповника» 1 августа 1907 г. он писал критику А. Г. Горнфельду: «Я думаю, что нам удастся собрать глубоко индивидуальные произведения, сохранив полную гармонию в книге. Для ясности привожу пример: Леонид Андреев пишет большую яркую пьесу “Царь-Голод”. Тема эта не одного Андреева захватывает. Гален¹⁰ рисует “Голод”, Клиндер рисует “Голод”, Серов рисует “Голод”. Сильные художники сходятся на теме “Голод”. Или Кнут Гамсун дает нам роман “Любовь”, у Ценского лейтмотив любовь и т. д.»¹¹

Таким образом, с одной стороны, индивидуальность сотрудников «Шиповника» и неоднородность авторских позиций являются основой целостности альманаха, принесшей небывалую популярность данному издательскому предприятию. Публикуя тексты различных по убеждениям авторов под одной альманашной обложкой, редакторы и издатели создают концептуальные центры, узлы, связанные на полемическом уровне. Индивидуальность одного автора, отраженная в альманахе, неизбежно вступает в диалог с другими индивидуально-авторскими текстами.

Как писал в своей работе А. А. Гапоненков, «концептуальное единство <...> позволяет соотносить внешне очень далекие литературные, политические и философские явления, но внутренне соизмеримые, закономерные...»¹² Экстраполируя данное высказывание на альманахи, можно

утверждать, что интегрирующий контекст в них создается путем соотнесения художественных произведений разных авторов в общей системе лейтмотивов и образов.

В. А. Келдыш объединял материал нескольких книг «Шиповника» по темам: человек и судьба, рок, человек как строитель новой жизни, духовно-общественный ущерб, революция и т. д.¹³

На примере третьего выпуска литературно-художественного альманаха издательства «Шиповник» видно, что внутреннее единство сборников, их интегрирующий контекст обеспечивают общие мотивы¹⁴.

Характеризуя факторы, объединяющие материалы в книжках «Шиповника», В. А. Келдыш выделял обусловленное влиянием декадентства пессимистическое настроение: «Вообще трагедийное мирозерцание, нередко затронутое декадентским влиянием, но не сводимое к нему, утверждается в альманахах как наиболее глубинное постижение жизни»¹⁵. Также исследователь выделил в первых выпусках альманаха сходство в движении сюжетного времени: «...от изначальных надежд, радостей, упований, полноты жизненных сил – к гибели, разорению, опустошению»¹⁶.

М. Неведомский писал о выразившемся в третьей книге «Шиповника» «сдвиге живого искусства в сторону “навей тропы”»¹⁷: «Господа, согласитесь, ведь это же, наконец, нечто из ряда вон!.. Один статистический, так сказать, перечень тем наших современных беллетристов может хоть кого повергнуть в уныние... Смерть, смерть и смерть, “навьи тропы”, мертвецы и мертвецкие!..»¹⁸ Критик пояснял: «В “Астме” г. Бунина трактуется о смерти землемера; в “Сестре”, очерке г. Зайцева, брат с сестрой трактуют на тему о смерти»¹⁹.

Действительно, одной из ведущих тем третьего выпуска «Шиповника» является тема смерти, которая складывается из мотивов умирания практически во всех произведениях, составляющих альманах. В рассказе Л. Андреева «Тьма» до встречи с проституткой Любой жизнь главного героя, революционера Алексея, похожа на страшную азартную игру, а «ставкою в игре была сама жизнь, своя и чужая» (9).

Благородные представления о смерти не покидают Алексея и в споре с Любой о «хороших» и «плохих» людях. В запале он кричит: «Да, хороший. Послезавтра я пойду на смерть для людей, а ты – а ты? Ты с палачами моими спать будешь» (37). В пылу спора Люба признается, что ощущает себя духовно мертвой: «Живой не дамся, да! А я вот мертвая – понимаешь, подлец, мертвая я» (26).

Оставшись в публичном доме, признав «правду» проститутки и осознав, что «уже приближалось, словно черная туча, то ужасное и непоправимое, как смерть» (39), герой познает смерть разлагающейся души, смерть в ее жутком, смердящем проявлении. В конце рассказа Алексей вспоминает о товарищах и своих революционных идеалах в прошедшем времени, говоря «были», как мертвый, попавший в загробный мир, рас-

суждает о прожитой на земле жизни: «Он говорил “были”, – как живые говорят о мертвых, или как мертвый мог бы сказать о живом. И рассказывал спокойно, почти равнодушно, с похоронными отзвуками меди в ровно текущем голосе, как старик, который рассказывает детям героическую сказку о давно минувших годах» (55).

Астраханский рецензент Е. Янтарев в своем критическом обзоре третьей книги «Шиповника» пришел к следующему заключению: «“Великая загадка – человек и его жизнь” – говорит в одном из своих рассказов Андреев. <...> Бессмысленна жизнь человеческая, бессмысленна смерть и ничего не знает человек...»²⁰

М. О. Гершензон одним из первых заметил мотив умирания старой, идеальной жизни героя и возрождение революционера в новой открывшейся перед ним реальной, «живой» жизни: «В чувствах, которые переживает террорист под влиянием слов проститутки, есть высшая художественная правда, и это уже не “литература”, это – живая, трепещущая жизнь»²¹. Оправдывая я арест Алексея в финале рассказа как субъективно обусловленную внешнюю катастрофу, а не случайную развязку, М. О. Гершензон пояснял: «Он (главный герой. – Ю. Р.) шел до сих пор по прямой линии, – теперь он попал в нравственный водоворот, в одно из глубочайших нравственных противоречий, которыми полна хаотическая, злая современная жизнь; разрешить это противоречие, один среди всех, он не может, да и лично для него нет другого выхода, кроме смерти»²².

В начале рассказа И. Бунина «Астма» землемер полон жажды жизни и решимости бороться со своим смертельным недугом: «Да ни за что не умру! Вы там как себе хотите, а я – пас. Нет на то моего полного согласия» (73). В финале же «Астмы» землемер призывает Бога: «Приди и возьми!» (99) и делает неутешительный вывод: «Где же спасение? Только в нерождении – или в могиле...» (99). Что заставило героя-борца сдаться победившей его болезни?

Настроение повествования меняется, становится тревожным после встречи землемера по дороге домой с большой белой лошадей, похожей на гостью из другого, параллельного мира: «Землемер увидал в легком лунном сиянии большую белую лошадь, – старую, седловатую, в гречке, с отвислыми губами. Череп ее был огромен, похож на те лошадиные черепа, что валяются среди бурьяна в южных степях» (77).

После проплывшего перед ним видения белой лошади радостное настроение героя омрачается размышлениями о загробной жизни и вдруг пришедшим осознанием тщетности бытия: «...что же, наконец, будет на том свете что-нибудь или нет? Райские яблочки и черти в неугасимом пламени, конечно, вздор... Но ведь вздор и полное исчезновение. Зачем родился? Зачем рос, любил, страдал, восхищался? Зачем так жадно думал о Боге, о смерти, о жизни?» (78).

Ночью, проезжая через лес, землемер опять сталкивается с белой лошадей. Эта лошадь уже

не старая, она летит, едва касаясь земли, в погоне за повозкой землемера. Телогой правит жуткое видение: «На дрогах тележки, скрестив длинные, тонкие ноги в разбитых лаптях и повернув к землемеру мертвое, беззубое лицо, наполовину освещенное луною, сидит и смотрит круглыми глазами нищенка» (86). Землемер обращается к нищенке: «Хороша! <...> Красива! Ты смерть, что ли? <...> Нашла с кем шутки шутить! <...> Или мало тебе, что ты всю жизнь издевалась надо мною?» (86–87).

Эту сцену И. Ф. Анненский считал одной из самых сильных в рассказе: «Сильное впечатление производит ночной кошмар землемера, который среди лунного пейзажа видит символ своей смерти в виде какой-то мертвой нищенки на телеге»²³.

Если мотив смерти в рассказе И. Бунина воплощается в образе белой лошади (примечательно, что задумывался рассказ еще в 1900 г. и назывался «Белая смерть»²⁴), идущей по пятам за героем, то мотив тягот и забот жизни выражен в образе астмы: «Жизнь истощила его, сделала его рабом нужды, забот, мещанства. Астма воплотила в себе всю тяготу и духоту этой жизни. Она всегда казалась ему живым существом, беспощадным, злым, внимательным. Малейший упадок сил, малейшее расстройство их, малейшая слабость – и астма уже спешит обвиться вокруг его шеи и радостно начинает сдавливать ее...» (97).

В «Астме» эпитет «мертвый» повторяется постоянно: «Землемер смотрел вдаль, где поля мертво замыкались линией узко-колейной чугулки» (76); «И ни звука, точно все вымерло. Только осторожно и прерывисто трюкают сверчки в бледно-голубых стенах с темными мертвыми окошечками, слюдой поблескивающими против луны» (89).

Е. Янтарева высоко оценил попытку И. Бунина отойти от привычных тем и попробовать себя в русле психологического рассказа: «Очень хорош рассказ Ив. Бунина “Астма”. Мы знаем Бунина, как талантливого певца природы. Здесь, в этом рассказе, Бунин неожиданно показал себя с новой стороны – дал яркую прекрасно написанную драму больного человека, больной души»²⁵.

Рассуждениями о прожитой жизни и неминуемости смерти проникнут небольшой и, в сущности, бессюжетный рассказ Б. Зайцева «Сестра», содержание которого составляет разговор рассказчика со своей сестрой Машей. Мотив смерти здесь является ключевым.

Размышления о смерти в восприятии брата проникнуты смирением и светлой грустью: «Что же, Маша, это правда; как там ни верти, как себя ни обманывай и на выдумывай, – мы стареем; ничего не поделаешь: так, перевалило за какой-то бугорок дороги чуть заметный, и дорожка книзу: книзу, книзу, и ничем ты ее не воротишь» (112).

Представления Маши, перенесшей в жизни много горя, противоречивы. В начале разговора, в ночной мгле, сестру переполняют тоска и отчаяние: «Я за последнее время столько намучилась, столько наплакалась – кажется, дом можно выстроить на

этих огорчениях» (113). Ей не дает покоя вопрос о смысле прожитой жизни: «...главным образом страдаем... и умрем, над нами все будет такая же ночь, да мгла еще сверху. Как ты думаешь, к чему все это? Так себе, зря или не зря?» (114).

Мрачные мысли навевают беспробудная тьма ночи: «...и в такую непробудную ночь верно сама смерть тихо разгуливает по всем нашим службам и старым “личардам”, и около тети Агнии она гуляет и все тянется дать ей свою чашу: темную чашу гибели» (115).

Но вот приходит рассвет, неизбежность смерти уже не кажется такой жуткой, рассказчица озаряет христианское понимание смерти как перехода в вечность, в душе поселяются покой и приятие неминуемости конца. Он обращается к Богу с молитвой: «Стало быть, все мы погибнем. <...> в этот тихий утренний час это кажется ясным особой, прозрачно-спокойной ясностью. <...> И тишина теперь, не есть ли она отображение той вечной тишины, что ждет нас? Боже, Боже, пусть будет всегда так в нашем усталом сердце» (116). И Маша понимает, что в ее нелегкой жизни тоже были радостные моменты: «...ну, пусть, пусть мы умрем все, но мы так любили, так любили – жизнь все-таки прожита не зря, в ней был смысл» (116).

Подтверждение тому, что главным источником счастья для героини является любовь, находится в финале рассказа, где Маша предстает в роли матери, которая горячо любит свою дочь Таню: «...теперь сразу виден божеский трепет обеих: старшей, что мучилась и любила, спотыкалась впотьмах, и лучится сейчас новым светом, и младшей – обетования неясной и вечной жизни, что вот-вот зареет в зарождающемся утре» (117).

Ю. Айхенвальд писал: «...нежной и целомудренной мелодией звенит у Бориса Зайцева его “Сестра” – веет “ласковый ветерок любви и дружбы”, грустит обиженное сердце оттого, что уходит жизнь; но сильнее грусти и смерти любовь, и, когда молодая мать склоняется над своею девочкой, такое чувство наполняет, переполняет ее кроткую и простившую душу, что этого нельзя сказать словами, – нужно молчание и молитва»²⁶.

М. О. Гершензон отмечал высокую художественную ценность рассказа «Сестра», признавая его лучшим в третьем выпуске «Шиповника»: «Из рассказов всех лучше небольшая картинка Б. Зайцева, “Сестра”, полная души, обвеянная нежностью и грустью»²⁷.

И только Е. Янтарева заметил проявившиеся в «Сестре» несвойственные Б. Зайцеву ноты сомнения и пессимизма при раскрытии темы смерти: «Светлая душа его (Б. Зайцева. – Ю. Р.), кристально-чистая и тихая, всегда радовавшаяся и солнцу, и былинке, и небу, начинает затуманиваться. Он о чем-то задумался. Препжней радости, препжней примиренности не видно в его новом рассказе»²⁸. Рецензент пришел к выводу: «Зайцев встал на распутии»²⁹.

Как и в «Астме» И. Бунина, в рассказе А. Куприна «Изумруд» чувствуется неутолимая жажда

жить, а смерть катастрофически неизбежна. Отличие лишь в том, что жеребец Изумруд лишен возможности бороться с ужасами человеческой жестокости, он совершенно беспомощен и наивен.

Изумруд воплощает в себе всю полноту свежести, молодости, желания жить и наслаждаться жизнью. Как справедливо отметил В. Львов-Рогачевский, «во всей третьей книге “Шиповника” вы найдете только одно живое существо, да и то – не человека, а лошадь. <...> “Изумруд” Куприна – четырехлетний жеребенок – живет, играет. От всей его милой фигуры веет свежестью полей и силой»³⁰.

Повествование представлено через призму восприятия лошади. Для скакуна жизнь ассоциируется с бегом. На выходе из темного денника «Изумруд не стоялось. Хотелось сильных движений, щекочущего ощущения воздуха, быстро бегущего в глаза и ноздри, горячих толчков сердца, глубокого дыхания» (128).

Подобно тому, как у Б. Зайцева брат с сестрой тепло вспоминают свое детство, четырехлетний конь видит во сне мать и себя семимесячным жеребенком: «Изумруд, семимесячный стригунок, носится бесцельно по полю... Весь он точно из воздуха и совсем не чувствует веса своего тела» (125).

Преданный людьми, лишенный возможности бегать, обвиненный в «поддельности» рысак после того, как съедает отравленный овес, сталкивается с беспощадностью и неотвратимостью смерти: «Какая-то сила несла Изумруда беспощадно и стремительно глубоко вниз, в темную и холодную яму» (139). Изумруд не способен к рефлексии, анализу прожитой жизни. Чужды ему и успокаивающие религиозные представления о загробном существовании. Жизнерадостный молодой жеребец уходит в никуда, в небытие: «Потом все исчезло – навсегда» (140).

Рассказ А. Серафимовича «Пески» на фоне других произведений третьего выпуска «Шиповника» остался незаслуженно забытым критиками. В рецензиях на альманах практически нет упоминаний о нем. А между тем «Пески» буквально пропитаны мотивами смерти: начиная с судеб героев и заканчивая описанием природы.

Жизни и живого в рассказе мало: разве что главная героиня в молодости, впервые попавшая к старому мельнику: «Она была крепкая, рябая, с веселыми глазами, и белый платочек сбился на шею» (146). Ее молодость, смелость, дерзость, веселый характер привлекают мельника. Но быт в «мертвом» крае и не спешащий умирать старый муж (который уговорил ее на брак обещаниями завещать мельницу) вместе с молодостью в героине убили умение радоваться жизни.

Тема смерти в рассказе раскрывается через образ песков и жуткий образ мельницы. Мельница, при которой живут герои, окружена песками и лесом, тем самым связь с внешним миром оборвана.

Так, главная героиня характеризует песчаную пустыню вокруг: «Как кладбище... ни-ничего тебе!.. все бело!..» (157). Пески – бескрайние,

равнодушные, вечные: «...уже в нескольких шагах над тяжелыми неподвижно-мертвыми песками стояло молчание» (162). Пески забирают все: молодость, красоту, саму жизнь. Отравленный женой старый мельник «умер неожиданно, в песках, лежа спиной вверх и запустив пальцы в песок» (161). Когда молодой любовник, батрак Ваня, предпринимает попытку уйти, уже постаревшая героиня изливает равнодушным пескам свое горе: «...и долго видно было, как билась головой женщина о рассыпчатый нежно сквозивший в траве песок» (169). Пески затягивают, из них не вырваться, они поглощают как растения вокруг, так и человеческие души. В финале рассказа после смерти всех персонажей остаются только пески, разрушившие и лес, и мельницу: «... белели пески, недвижные, мертвые...» (177).

Очеловеченный образ мельницы представляет собой некое всевидящее око, наделенное способностью равнодушно наблюдать за человеческими страданиями: «...мертво, ничего не обещая, глядела мельница, нахохлившись почернелой соломой» (162); «И под этим тупым и тяжелым взором, полным мертвой власти, люди были маленькие и ничтожные» (171). Вернувшийся после неудавшейся попытки вырваться из власти песков, Иван иронично замечает, глядя на ненавистную мельницу: «Мельница-то как стояла, так и стоит. <...> Не спалил никто добрый человек» (170). После возвращения в порыве пьяной злобы Иван пытается топором изрубить, уничтожить мельницу. Но, по жуткой иронии, на следующий день в трезвом виде сам ее ремонтирует. Мельница переживает и хозяйку, и Ивана, умерших друг за другом: «И когда их везли на дрогах, мельница, полуразвалившаяся, со свесившимися космами почернелой соломы глядела на гроб тем же бесстрастно-мутным ничего не говорящим взглядом. Ослизлое, обомшелое колесо угрюмо ворочалось медленно и равнодушно» (177).

А. Серафимович в 1932 г. так характеризовал основную идею рассказа: «Молодая, полная сил и здоровья работница продает себя старику мельнику в чайники стать собственницей обветшалой мельницы. Потом, с годами сама превращаясь в старуху, в свою очередь хозяйка властью собственности прикрепляет к себе молодого работника. Мельница и у этого высасывает молодость: собственность и тут сожрала чувства. Капиталистический мир таким образом утверждает систему эксплуатации не только мышц, но и чувств. Вот в чем социальная основа рассказа»³¹.

Е. Янтарев, кроме «Песков», считал слабой частью третьего сборника составившие стихотворный раздел произведения А. Блока и Г. Чулкова: «Хуже всего в сборнике рассказ Серафимовича и стихи Чулкова и Блока. Стихи Блока для Блока очень плохи. Стихи же Чулкова вообще бесцветны, к тому же длинные, а это никогда не прибавляло ценности чулковским стихам»³².

Лирическая часть альманаха также содержит мотивы смерти и гибели.

Небольшое стихотворение А. Блока «В этот серый летний вечер...» заканчивается смертью брошенной возлюбленной героини: «Долго ль песни заунывной / Ты над берегом ждала, / И какой реке разливной / Душу-бурю предала?» (181).

Смысл стихотворения А. Блока «Девушке» с иронией передал В. Львов-Рогачевский: «Александр Блок в своих стихах подает совет девушке, как избавиться от “Лютого Зверя” мужчины, в “часы позорные”, когда он уже “стучится в дверь”. Во-первых, следует молчать и не отвечать на стук. Во-вторых, когда он все-таки ворвется, можно спрятаться за дверь, а потом поджечь “сухие стены”. Наконец, если и это не поможет – иголкой его!»³³ В совете поджечь свой дом, но не допустить позора, содержится мысль о самоубийстве: «А если он ворвется силой, / За дверью стань и стереги: / Успеешь – в горнице немилой / Сухие стены подожги» (182).

У А. Блока любовь и страсть в данных стихотворениях неизменно пересекаются с мотивами смерти (в анализируемых текстах – с мотивом самоубийства).

В стихотворении Г. Чулкова «Золотая ночь» арестованные революционеры, сопровождаемые солдатами, трое суток плывут по реке Лене. В тайге, где «прибрежных елей высились скелеты» (184), они плывут в неизвестность, распевая песни о народе: «Мы плыли, пели, жизнь и смерть хваля» (184). Песня помогает им уйти от страшной реальности предстоящей жизни в ссылке, от неизвестности того, что их ожидает: «И в этот час вся жизнь в добре и зле / Казалась нам лишь сказкою певучей» (184).

Для героев спасением от ужасов жизни и страха смерти является любовь: «Порой ветрила – / Казалось – ропшут: “Юность! Береги / Любовь навек. И не страшна могила, / Кто радугой надежд зажег мечтой”» (184). Ночью останавливаются на привал. И тут лирическому герою является страстно, но тайно любимая им Полунощная Дева, в трауре и с загадочной улыбкой: «Лик был осиян / Любовью новой. Странная манила / Ее улыбка. Траурный наряд / Пленял меня...» (186).

Примечателен образ золотой ночи: «И золотая ночь низводит сон / И ворожит над белыми струями, / Где ключ любви судьбою схоронен» (185); «А золотая ночь, творя обряд, / Лиля опять рукою безучастной / Из урны золотой любовный яд» (186).

Вспоминая якутскую ссылку, Г. Чулков писал: «Ослепителен весною ночной свет на Лене. Это уж не петербургские белые ночи. Воистину это ночи золотые. В этом потоке странного золотого блеска нельзя спать. Сердце изнемогает в каком-то непонятном мучительном счастье. Странно петь; стыдно говорить; молчишь завороченный»³⁴. Эти воспоминания легли в основу стихотворения.

«Золотую ночь» Г. Чулкова в контексте третьего сборника «Шиповника» критики воспринимали как «преддверие» к «Творимой легенде» Ф. Сологуба. Отмечалось наличие героя-революционера (как во «Тьме» и «Навях чарах»). С Ф. Сологубом видели переключку и в мифотворчестве, фанта-

стике: «Этапное путешествие поэт превращает, разумеется, в миф, в легенду, теперь на легенду большой спрос! <...> Она, эта сказка, является как бы преддверием к “Тихим ночам” Ф. Сологуба, объявившего войну Солнцу “Злому Дракону”»³⁵.

Если в предыдущих произведениях третьего сборника «Шиповника» содержались размышления героев о жизни и смерти, их воспоминания, а также образы – символы смерти, то в своем романе Ф. Сологуб открыто вводит в повествование представителей загробного мира.

Первыми потусторонними гостями перед читателями предстают «тихие мальчики». Об их происхождении прямо не говорится, но даются намеки: «Тихо подбежал бледный мальчик. Быстро глянул на сестер ясными, но слишком спокойными, словно неживыми глазами» (194); «И подошли тихие мальчики. Под тенью старых деревьев стояли они неподвижно, как мертвые» (253). Кроме того, в качестве намека на то, откуда могут появиться «тихие мальчики», в романе приведена история жизни и смерти «тихого мальчика» Гриши, брата учительницы Надежды Вещезаровой.

В эпизоде шествия мертвецов по Навьей тропе перед читателями проходит огромная толпа настоящих представителей загробного мира. Навьей тропой в тексте романа называют тропинку у дома Триродова с задней стороны усадьбы, которая ведет через лес на Крутицкое кладбище: «Была тропинка у дома с задней стороны усадьбы, которая вела через лес на Крутицкое кладбище. В городе дорожку эту называли Навьей тропой, и по ней боялись ходить даже и днем. О ней складывались легенды. Местная интеллигенция старалась их разрушить. Тщетно. Самую усадьбу иногда называли Навьим двором» (201).

Как известно, в славянской мифологии Навь – воплощение смерти. У восточных славян существовал специальный Навий день для поминовения усопших³⁶. Триродов и его сын Кириша вызывают нежить: «Мертвая толпа шла к городу, повинуюсь чьему-то злему заклятию. Выходцы из могил шли в ночной тишине, и следы по дороге за ними ложились, легкие, странные, едва различимые. Слышались тихие речи, мертвые слова» (289). Цель восставших мертвецов – увести за собой души недостойных жить людей: «И уже видно было, как бежали в их толпе жалкие души маленьких людей» (289).

Георгий Сергеевич Триродов тесно связан с загробным миром. Его власть распространяется не только на мертвецов, но и на живых людей. Показательной в этом отношении является сцена, в которой Триродов взглядом гипнотизирует одного из казаков, напавших на прячущихся в лесу революционеров, и приказывает молча забрать труп погибшего товарища и уйти: «И острый, непреклонный взор Триродова приковал к себе глаза казака. Стоял бледный, очарованный змеиным, немигающим взглядом, и слушал мерно падающие слова» (304). Выполняя приказ Триродова, казак напоминает покойника: «Казак повиновался. И с тяжелою ношею на плечах

полез наверх, ничего не думая, ничего не помня, смутный, бледный, похожий на мертвого» (305).

Влюбленный в главную героиню романа Елисавету Петя раздраженно говорит о Триродове: «Да что он такое? Шарлатан? Мечтатель? Колдун? Не знается ли он с нечистою силою? Как вам кажется? Или уж это не сам ли черт в человеческом образе? Не черный, а серый, Анчушка беспятый, серый, плоский черт?» (272). Елисавета попадает под влияние Триродова и в ней тоже просыпается что-то потустороннее. От нападков Пети на Триродова «ее синие глаза странными зажглись зеленоватыми огоньками» (274).

Для Ф. Сологуба противостоит как смерти, так и тяготам реальной жизни любовь. Только это – любовь не в возвышенном понимании А. Блока и Г. Чулкова, не в целомудренных девушках и Полуночных Девах, а любовь земная, страстная, плотская.

Ночью Елисавета смотрит в зеркало на себя обнаженную и думает, что под мертвым, навшим светом луны она не смогла бы отказать возлюбленному: «Такое плотское, страстное тело, пламенеющее, трепещущее, странно белое в успокоенных светах неживой луны! <...> О, если бы он пришел ночью! К тайно пламенеющему, великому Огню расцветающей Плоти!» (229).

В «Творимой легенде» автор по праву поэта провозглашает себя повелителем, хозяином жизни: «Беру кусок жизни, грубой и бедной, и творю из него сладостную легенду, ибо я – поэт. Косней во тьме, тусклая, бытовая, или бушуй яростным пожаром, – над тобою, жизнь, я, поэт, воздвигну творимую мною легенду об очаровательном и прекрасном» (189). Поэтому неудивительно, что Ф. Сологуб наделил своего героя властью над живыми и мертвыми, стирая границы между жизнью и смертью, ведь «туманною фатою фантазии облечется докучный мир обычности, и за туманною фатою неясными встанет очертаниями жизнь творимая и несбыточная» (305).

Критики считали, что в «Творимой легенде» Ф. Сологуб явно переборщил с мертвецами и «навьей» тематикой, и отмечали «полное отсутствие в “романе” живой крови и живого чувства»³⁷.

Другими лейтмотивными образами в третьей книге «Шиповника» являются мотивы тьмы, мрака и ночи, а также страха и ужаса. Они перекликаются с мотивом смерти, и их анализ представляет собой перспективное направление для дальнейшего изучения альманаха.

Подводя итог, следует отметить, что к объединяющим факторам относятся оформление книги и ее композиция. Красота оформления и привлечение художников-«мирискусников» обеспечивали узнаваемость и успех «Шиповника» на книжном рынке. Композиция же сборника способствовала целостному восприятию его текстов, а произведения, занимающие сильные позиции в начале и конце книги, задавали тон, создавали лейтмотивные образы и мотивы.

В контексте произведений третьего выпуска «Шиповника» обнаруживается градация мотивов смерти. Тема смерти проявлялась от легкой грусти в размышлениях о прожитой жизни в «Сестре» Б. Зайцева и «Золотой ночи» Г. Чулкова до бури чувств и страстей во «Тьме» Л. Андреева и мотиве самоубийства в стихах А. Блока. Герои всех произведений альманашной книги (за исключением текстов Б. Зайцева и Г. Чулкова) умирают: гибнут революционер Алексей («Тьма»), землемер («Астма»), лошадь («Изумруд»), мельник, его жена и ее любовник («Пески»), девушка («В этот серый летний вечер...»). В заключительном произведении сборника «Творимая легенда» апогеем смерти представлены уже мертвые персонажи.

Таким образом, произведения ключевых представителей символистского и реалистического направлений (в третьем сборнике литературно-художественного альманаха издательства «Шиповник») перекликаются в лейтмотивах и образах, так создается внутренняя связь разнородных текстов – интегрирующий контекст.

Примечания

- 1 Термин С. А. Венгерова (См.: Русская литература XX века (1890–1910) / под ред. С. А. Венгерова. М., 2004. С. 319).
- 2 См.: Голубева О. Из истории издания русских альманахов начала XX века // Книга. Исследования и материалы : сб. Вып. 3. М., 1960. С. 300–334 ; Келдыш В. Альманахи издательства «Шиповник» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917 : Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 257–294 ; Книга в России, 1895–1917 / под общ. ред. И. И. Фроловой. СПб., 2008. С. 164–172.
- 3 Литературно-художественный альманах издательства «Шиповник». СПб., 1908. Кн. 3. С. 306. В дальнейшем цитируется это издание с указанием страниц в скобках.
- 4 Добужинский М. Воспоминания. М., 1987. С. 300.
- 5 Цит. по: Голубева О. Указ. соч. С. 321.
- 6 Крайний А. (Гиппиус З. Н.). Репа. <Рец. на кн.> лит.-худ. альманахи изд. «Шиповник». Кн. III. С-Пб. 1908 // Весы. 1908. № 2. С. 73.
- 7 (Якубович П. Ф.) Литературно-художественные Альманахи издательства «Шиповник». III. СПб. 1908 // Русское богатство. 1907. № 12. Отд. : Новые книги. С. 172.
- 8 Янтарев Е. (Бернштейн Е. Л.). О третьем альманахе «Шиповника» // Волга. Астрахань, 1908. 11 февр. (№ 5). С. 2.
- 9 Волошин М. Леонид Андреев и Федор Сологуб // Волошин М. Лики творчества. Л., 1988. С. 443.
- 10 Имеется в виду финский художник А. Галлен-Калела (1865–1931) – друг Н. К. Рериха, писал портрет М. Горького в 1906 г.
- 11 РО РНБ. Ф. 211. Горнфельд А. Г. Оп. 1. Ед. хр. 662. Л. 2.
- 12 Гапоненков А. Журнал «Русская Мысль» 1907–1918 гг. Редакционная программа, литературно-философский контекст. Саратов, 2004. С. 15.
- 13 См.: Келдыш В. Указ. соч. С. 257–294.

- ¹⁴ При анализе произведений третьей книги «Шиповника» используются понятие темы, приведенное В. Е. Хализевым: «Тема как фундамент художественного творения – это все то, что стало предметом авторского интереса, осмысления и оценки» (Хализев В. Теория литературы : учебник. 3-е изд., испр. и доп. М., 2002. С. 66), и системное определение мотива, данное И. В. Силантьевым: «...а) эстетически значимая повествовательная единица, б) интертекстуальная в своем функционировании, в) инвариантная в своей принадлежности к языку повествовательной традиции и вариантная в своих событийных реализациях, г) соотносящая в своей семантической структуре предикативное начало действия с акантами и пространственно-временными признаками» (Силантьев И. Поэтика мотива. М., 2004. С. 96). В. Е. Ветловская рассматривала соотношение понятий темы и мотива: «Мотив – та простейшая единица темы (выраженная словом, или словами, или предложением), чья дальнейшая разложимость для темы уже безразлична, она не важна. Иначе говоря, в пределах отдельной темы эта единица может считаться неразложимой» (Ветловская В. Анализ эпического произведения : Проблемы поэтики. СПб., 2002. С. 104). То есть одними из элементов, из которых складываются темы, являются мотивы. Например, онтологические темы жизни и смерти в текстах раскрываются с помощью мотивов жизни или гибели отдельного персонажа. При этом важно учитывать индивидуальность авторов и возможность различного понимания и выражения одного мотива.
- ¹⁵ Келдыш В. Указ. соч. С. 270.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Неведомский М. (Миклашевский М. П.) О «Навях» чарах и «Навях» тропях (художество – жизнь) // Современный мир. 1908. № 2. Отд. 2. С. 210.
- ¹⁸ Там же. С. 211.
- ¹⁹ Там же. С. 210.
- ²⁰ Янтарев Е. (Бернштейн Е. Л.) Указ. соч. С. 2.
- ²¹ М. Г. (Гершензон М. О.). Литературно-художественный альманах издательства «Шиповник». Кн. III. С.-Петербург. 1908 // Вестн. Европы. 1908. Кн. I. Отд.: Литературное обозрение. С. 375.
- ²² Там же.
- ²³ Анненский И. Рецензия на 1–5 тома сочинений Бунина, 1904–1909 // И. А. Бунин : Pro et contra : антология. СПб., 2001. С. 303.
- ²⁴ См.: Бунин И. Собр. соч. : в 6 т. Т. 2. Произведения. 1887–1909. М., 1987. С. 124.
- ²⁵ Янтарев Е. (Бернштейн Е. Л.). Указ. соч. С. 2.
- ²⁶ Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей : в 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 141.
- ²⁷ М. Г. (Гершензон М. О.). Указ. соч. С. 376.
- ²⁸ Янтарев Е. (Бернштейн Е. Л.). Указ. соч. С. 2.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Львов-(Рогачевский) В. Ночной кошмар. Альманахи издательства «Шиповник». Книга III. 1908 г. // Образование. 1908. № 2. Отд. 2 : Из жизни и литературы.
- ³¹ Серафимович А. Полн. собр. соч. : в 10 т. М., 1932. Т. 3. С. 420.
- ³² Янтарев Е. (Бернштейн Е. Л.). Указ. соч. С. 2.
- ³³ Львов-(Рогачевский) В. Указ. соч. С. 61.
- ³⁴ Чулков Г. Воспоминания. Письма // Чулков Г. И. Годы странствий / вступит. ст., сост., коммент. М. В. Михайловой. М., 1999. С. 50–51.
- ³⁵ Львов-(Рогачевский) В. Указ. соч. С. 61.
- ³⁶ Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М., 1990. С. 276.
- ³⁷ (Якубович П. Ф.) Указ. соч. С. 175.

УДК 821.162.4.09-1

ТРАДИЦИИ СЛОВАЦКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЭЗИИ И ТЕЧЕНИЕ КАТОЛИЧЕСКОЙ МОДЕРНЫ

Е. И. Курсакова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
E-mail: sorciere21@yandex.ru

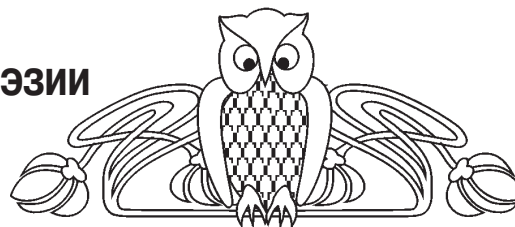
В статье рассматривается становление словацкой духовной поэзии как самостоятельного жанра, прошедшего сложную литературную трансформацию: через григорианский хорал создаются первые канционалы, впоследствии усложненные до лирических песен-молитв, что приводит к созданию в XX в. религиозно-поэтического течения словацкая Католическая Модерна.

Ключевые слова: религиозная поэзия, литературная молитва, стихотворение-медитация, псалом, библейские мотивы.

Traditions of Slovak Religious Poetry and Catholic Moderna Movement

E. I. Kursakova

The article deals with the development of Slovak spiritual poetry as an independent genre that has undergone a complex literary transforma-

tion: the first cantionals are created via the Gregorian choral, later they are elaborated into lyric song-prayers, driving the formation of a poetic religious movement Slovak Catholic Moderna in the XXth century.

Key words: religious poetry, literary prayer, poem-meditation, psalm, Biblical motives.

Как целостное литературное явление религиозная поэзия является неотъемлемой частью словацкой литературы. До XV в. вся религиозная письменность была сосредоточена в руках католического духовенства. Основными центрами христианской книжно-письменной средневековой культуры были монастыри и так называемые фратерниты (братства священников). Мощное влияние на развитие словацкой культуры того времени оказала кирилло-мефодиевская книжная традиция, на формирование которой повлияла христианско-просветительская миссия славянских первоучителей братьев Константина-Ки-

рилла и Мефодия, которая была осуществлена в IX в. на территории Великой Моравии, куда входили словацкие земли. Во второй половине XIV в. одновременно с латинскими трактатами и легендами (житиями святых) все большей популярностью пользуются стихотворные духовные песни и молитвы на чешском языке, созданные как в чешских, так и в словацких землях: «О, верный христианин» (XIV в.), «Поклоняюсь тебе, милостивый Спаситель» (XIV в.), «Мария, мать» (1380)¹. Следует отметить, что именно каноническая церковная молитва как образец идеологических и нравственных норм, определяющих духовную и земную жизнь средневекового человека, стала первоисточником лирического жанра литературной молитвы. Так, например, один из наиболее известных памятников письменности этого периода со словацкими глоссами – сборник церковных песен Вацлава Бзенецкого (1385). Таким образом, молитвословную поэзию нецелесообразно рассматривать единственно как явление религиозное: она органично вобрала в себя черты национального дискурса, став важной составляющей жизни словацкого народа.

Эпоха Ренессансного гуманизма (XVI – середина XVII в.) повлекла за собой существенные изменения в литературной жизни Словакии. Процесс перехода культуры от Средневековья к Новому времени на словацкой почве осуществлялся с опозданием. Причиной тому послужили исторические события (нашествия татар, турок, религиозная борьба католиков и протестантов, последовавшая за этим контрреформация). Центральное место в духовной литературе данного периода занимает библейский стиль. Отчетливее всего это проявилось в жанре христианской поэзии, где, помимо прямых цитат из Библии, нередко встречаются переложения псалмов и текстов Псалтири². Значительным отличием от предыдущей эпохи становится возникновение субъективной духовной лирики. Как правило, эти личные переживания в форме молитвы принадлежат авторам-протестантам, писавшим на словакизированном чешском языке. В духовной поэзии католиков вплоть до середины XVII в. преобладают канонические формы, восходящие к западноевропейскому типу литургических песнопений – григорианскому хоралу.

Первым выдающимся религиозным поэтом эпохи Ренессансного гуманизма является евангелический священник, писатель, член магистрата Ян Сильван (1493–1573). Религиозную лирику Сильвана отличает выраженное субъективное начало, вступающее в противоречие с традиционной формой псалмов, за что его по праву считают первым словацким поэтом-лириком³. Книга стихов «Песни новые на семь псалмов покаянных и другие псалмы» («Písne nové na sedm žalmů kajících i jiné žalmu») (1571), принадлежащая ему, интересна тем, что помимо прямых парафразов псалмов Давида она содержит собственные неканонические

рассуждения автора на религиозную тематику. Авторские псалмы по форме больше напоминают народно-исторические песни. По мнению словацкого литературоведа Й. Минарика⁴, в этом сборнике косвенно получили раскрытие личные чувства поэта: через внутреннюю борьбу человека ренессансного мироощущения, наслаждающегося всеми благами земной жизни, с аскетическими средневековыми представлениями. Во второй части сборника противостояние двух начал – религиозного праведника с героем, не чуждым людских страстей, – достигает своей кульминации («Как дело чистых юных лет»/«Jak jest čistá věc z mladosti»⁵). Новую трактовку получают и такие извечные темы, как эфемерность земного, бренность материального мира, проблема земного счастья («Я пришел в этот мир»/«Přišel jsem na tento svět»⁶). Последовательно противопоставляя физическую и духовную жизнь человека, поэт описывает изменения в окружающем героя суетном мире («Суета во всем, что знаю я и вижу»/«Marnost na všem znám a vidím»⁷). Не типичным для жанра псалмов становится также обращение не только к библейским текстам, но и к античной философии. Ян Сильван – это, по сути, первый словацкий религиозный поэт, обратившийся к интимным переживаниям человеческой души. Нарушив каноническую форму псалмов, он создал собственный самостоятельный жанр лирического стихотворения-молитвы.

Другим не менее известным представителем духовной лирики эпохи Ренессансного гуманизма был Элиаш Лани (1570–1618). В его религиозных песнях также присутствует выраженный субъективизм. Яркий индивидуализм в большей мере присущ тем из созданных им духовных песен, которые обнажают внутренние страдания лирического героя. При этом существенным отличием духовных песен Лани от опытов поэтов-современников является углубление в стихах-молитвах мистицизма, фатализма, чувства вины и страха («Хотя мое сердце в печали»/«Ač jest mi srdce smutné»⁸). Частотными становятся такие религиозные мотивы, как средневековое чувство греха и его искупления с помощью христианского смирения, самоуничтожения, аскетизма («Теперь нахожусь я в тревоге»/«Takliž ja pŕdce v úzkosti»⁹). В интимно-религиозной лирике Лани велика концентрация мистических элементов («Хотя надо мной Господь смиловался»/«Ač mne Pán Bůh ráčí trestati»¹⁰), что свидетельствует о наличии барочных элементов в творчестве автора. В отличие от поэзии Сильвана, где рациональное начало все-таки преобладает над мистическим, в произведениях Элиаша Лани герой по-библейски пассивен, полностью полагается на божественное провидение¹¹.

В XVII–XVIII вв. заметно усиливается влияние католической церкви на культурную жизнь Словакии. Это продиктовано, прежде всего, религиозной борьбой католиков и лютеран. Особенностью словацкой литературы данного периода является ее тесное взаимодействие с литературой

чешской. После поражения чешского восстания в битве у Белой Горы (1620) против войск католической лиги императора Фердинанда II многие чешские эмигранты нашли приют в словацких землях. Таким образом, родство литератур-соседей объясняется не только языковой близостью двух славянских народов, но и активным участием чешских протестантов в становлении словацкой культуры данного периода¹².

Традиционные для духовной литературы религиозные размышления о вечном противостоянии двух миров – земного и небесного – отразились в произведениях католического священнослужителя Ондreja Луцае (1596–1670). В его поэтических опытах «Латинские и словацкие двустичия»/«*Disticha Latina et Slavica*» (1658), «Ритмические молитвы»/«*Orationes rhythmicae*» (1669) элементы барочной мистики и хилиазма¹³ сочетаются со скрытой критикой общественных порядков.

Значимый вклад в историю духовной лирики внес священник-евангелист Даниэль Прибиш (1580–1645). Его переводной катехизис Д. М. Лютера (1634), помимо песен с латинского, немецкого и чешского, содержит стихи словацких авторов-анонимов и собственные переводы. Тексты по структуре скорее напоминают исторические песни религиозно-поучительного содержания. Новаторством книги становится обращение автора к социальным вопросам «на злобу дня» (классовое неравенство, властолюбие, мораль господ, что не было типичным для духовной поэзии. Однако само решение «актуальных» проблем автор находит в традиционном библейском смиреннии, непротивлении злу насилием, вере в абсолютную справедливость после смерти («О, милый человек, перестань грешить»/«*Ach, človeče milý, prestaniž hrešiti*», «Жалобно ропщу на этот убогий мир»/«*Žalostne kvílím na tento bídlý svĕt*»¹⁴).

В 1636 г. вышел другой не менее интересный евангелический сборник духовных песен, ставший образцом для всех последующих поколений духовных поэтов. Эту книгу с мелодичным названием «Цитра святых»/«*Cithara sanctorum*» издал словацкий священник-протестант Юрай Трановский (1592–1637). Сборник состоит из переводных чешских, латинских, немецких текстов, а также песен на словацком языке и собственных поэтических опытов Трановского (около 90 песен). О популярности этой книги свидетельствует ее многократное переиздание (более 100 раз). Тексты изобилуют библейской символикой. При этом с каждым новым переизданием в книге усиливаются мистические барочные мотивы (например, натурализм в описании посмертных мук души в аду). Сборник сыграл важную роль в становлении словацкой словесности, заложив основы традиционной духовной лирики.

Несколько позднее по образцу евангелических сборников создаются первые католические канционалы. Так, в 1655 г. священник-иезуит Бенедикт Солоши (1609–1656) издает католический

канционал («*Cantus catholici*»). Автор стремится продолжить кирилло-мефодиевскую традицию о величественном прошлом словаков. Из 290 текстов большую часть составляют песни на чешском языке. Незначительное количество стихов относится к песням исключительно словацкого происхождения. Все они принадлежат к так называемой религиозно-нравоучительной лирике. В отличие от евангелического канционала Трановского, сборник Солоши «ословакизирован», в нем практически полностью отсутствуют барочные элементы. При этом следует отметить, что католический «*Cantus catholici*» и лютеранский «*Cithara sanctorum*» сборники объединяют более 100 общих текстов, что свидетельствует об универсальности и абстрактном характере жанра духовной песни.

Традиции религиозной поэзии предшествующих столетий были восприняты писателями XIX в., прежде всего представителями классицизма. Так, в поэтическом творчестве католического священника Яна Голлого (1785–1849) воплотилась литературная преемственность развития словацкой классицистической поэзии, «связь времен»¹⁵. В книге «Католический песенник»/«*Katolíckí spevník*» (1842) Голлый стремится в доступной для народа форме изложить молитвы на каждый день. Сборник состоит из лирических песен, подобранных автором на все случаи жизни праведного христианина: повседневные, праздничные, благодарственные Богу, просьбы и т. д. («Молитва утренняя»/«*Peseň ranná*», «По воскресеньям»/«*V ňed'elu*», «Рождественская»/«*Vánočná*»¹⁶). Лирические миниатюры Голлого отличаются от так называемой «церковной молитвы» более подвижной формой, усиленным субъективным началом. Основной функцией стихотворений-молитв становится «воздействие на внутренний мир воспринимающего сознания путем вовлечения его в ситуацию духовного сопереживания и побуждения к религиозному отклику»¹⁷. Таким образом, авторская духовная песнь, как и церковная молитва, ориентирована на сакральное слово (память о церковной природе жанра).

Линию духовной лирики продолжает словацкий поэт XIX в., представитель реалистического направления в литературе Павол Орсак-Гвездослав (1849–1927). Как справедливо утверждает российский словакист Н. В. Шведова, «среди писателей второй половины XIX в. это самый крупный поэтический талант»¹⁸. Творчество Гвездослава охватывает более полувека, его поэтическое наследие обширно и разнопланово (сонеты, поэмы, лирические циклы, драмы и др.). Лирический герой его произведений – как правило, человек, жаждущий духовной гармонии. Свои сложные отношения с Богом поэт воссоздает в поэтическом сборнике «Псалмы и гимны»/«*Žalmy a hymny*» (1985). Самим названием книга отсылает читателя к библейским псалмам. Жанр псалма – это утвердившаяся форма иудейской (и христианской) лирической молитвы, в основе которой лежит внутренний диалог человека

с Богом. Вместе с медитативностью и элегичностью, типичной для рассматриваемого жанра, псалмы Гвездослава насыщены «бунтарской» патетикой, в целом характерной для творчества поэта. Автор затрагивает в книге тему сложных взаимоотношений человека-вероотступника с Богом. Отношение героя к Творцу неоднозначно, в чем проявился революционный дух мыслящего человека эпохи прогресса. Однако «богоборческие» мотивы у Гвездослава – это, скорее, не вызов Создателю, а попытка получить у него ответы на вопросы о несправедливом мироустройстве («Псалом жалобы»/«De profundis»). Несмотря на несхожесть «Псалмов» с каноническими формами духовной песни, лирический герой Гвездослава осознает важность смирения, что сближает его с библейскими персонажами и с лирическими героями словацких поэтов-предшественников (Я. Сильван, Э. Лани).

В начале XX в. традиции духовной лирики были восприняты поэтами Словацкой Модерны – литературного течения 1900–1918 гг. В лирике одного из главных представителей Модерны Ивана Краско (1876–1958) нередко встречаются христианские образы-символы, библейские аллюзии (сб. «Ночь и одиночество»/«Nox et solitudo», 1909). Словацкие исследователи его поэтического наследия (Р. Бртань, С. Шматлак, Я. Замбор и др.) неоднократно подмечали связь лирики Краско с библейскими псалмами¹⁹. Так, Замбор ищет о шести признаках сходства лирического стихотворения Краско с псалмом: обращение к Богу, представление своей жалобы (просьбы), выражение глубокого доверия Богу, просьба помочь выйти из затруднительной жизненной ситуации, вера в освобождение от страданий, выражение благодарности²⁰ («Solitudo», «Jehovan»). У Краско Бог выступает в защиту «униженных и оскорбленных» («úbohých a ponížených»), тем самым автор отсылает читателя к первоисточнику – текстам Псалтири. Словацкий поэт, в отличие от французских символистов (Бодлер, Верлен, Рембо), не ропщет на Творца, наоборот, молится о прощении грехов: символические образы смерти и страшного суда, гротескно вырисованные в стихах, страшат героя больше всего.

Духовная поэзия как самостоятельный жанр, прочно закрепившаяся в словацкой книжности к концу XIX – началу XX в., приобрела новые национальные черты в следующую литературную эпоху. Так, в один из наиболее сложных и интересных периодов в истории словацкой литературы (20–40-е гг. XX в.) традиции духовной поэзии нашли свое воплощение в творческом наследии крупнейшей фигуры словацкого неосимволизма – Эмиля Болеслава Лукача (1900–1979). Сборник поэта «Гимны во славу Господню»/«Hymny k sláve Hosudarovej» (1926) составляют стихи, во многом напоминающие духовные песни эпохи Ренессанса. Литературная молитва Лукача так же, как и церковная, обладает лирической композицией, куда входят

такие обязательные части, как личное обращение к Господу, изложение предмета молитвы и оснований (просьбы, благодарности или прославления). Однако произведения поэта обладают большей самостоятельностью в изображении образов. Лукач исходит не только из библейских сюжетов и традиций словацкой поэзии, но и опирается на опыт французских поэтов-спиритуалистов.

В 30–40-е гг. XX в. общественно-политическая ситуация в стране и мире резко усложняется (наступающий фашизм, призывы к созданию единого антифашистского фронта на Конгрессе в 1936 г., возникновение Словацкой Республики в 1939 г., Вторая мировая война). Неудивительно, что ощущение национальной опасности стало главной темой всей словацкой литературы. Именно в этот непростой исторический период на литературной арене появляется новое религиозно-поэтическое течение – словацкая Католическая Модерна, – продолжившее линию духовной лирики. Поэты Католической Модерны (Р. Дилонг, Я. Силан, П. Глбина, Св. Вайгл, Г. Звоноцкий, П. Олива др.) впервые заявили о себе как о самостоятельном течении в словацкой литературе, опубликовав «Антологию молодой словацкой поэзии»/«Antológia mladej slovenskej poézie» (1933). Стоит отметить, что в действительности большинство авторов этого литературного движения на самом деле являлись католическими священнослужителями (но были и евангелисты). Поэты выборочно перенимали те или иные традиции из мировой («чистая» христианская французская поэзия), соседней (традиции чешской Католической Модерны) и домашней (поэзия Гвездослава, символиста И. Краско, неосимволиста Э. Б. Лукача)²¹ литератур, которые соответствовали их собственным религиозным убеждениям и творческим концепциям.

Условно движение Католической Модерны делят на две «волны». Первую «волну» представляют католические духовные лица (Р. Дилонг, П. Глбина, Я. Гаранта). Во вторую «волну», помимо священников (Я. Силан, С. Вайгл), примыкают и светские авторы (Я. Окаль, Э. Веснин). Поэтов Модерны вдохновляли темы, непосредственно связанные с церковными традициями (в основном описания событий из церковного календаря). Особый интерес у авторов-католиков вызывают образ непорочной пречистой Девы Марии и библейские сюжеты из Нового Завета (например, Силан «У рождественского вертепа»/«Pri jasličkách», Турчаны «Венок Мадонне»/«Veniec Madonne», Дилонг «Кающейся Марии»/«Márii kajúcej»). Однако стихи поэтов-католиков не отличаются строгой каноничностью формы. Нередко в них описываются сугубо интимные переживания (страх смерти, борьба телесного и духовного, необратимое чувство боли и одиночества: «Письмо»/«List», «Маме в могиле»/«Mame v hrobe» Дилонга, «Я рыдаю за всех»/«Ja plačem za všetkých» Силана). В творчестве большинства религиозно ориентированных авторов выделяют

две ключевые тенденции: первая заимствована из ранних средневековых представлений о мире, полном греха, вторая тенденция (францисканская) – прославление в стихах мира – чуда Божьего Творения (как святой Франциск Ассизский). Как правило, у многих поэтов эти две тенденции перемежаются (например, в творчестве Дилонга и Силана мы находим как барочную мистику, так и гедоническое восхваление жизни).

Связь произведений поэтов-католиков с жанром псалма подтверждает анализ следующих жанрообразующих признаков: 1) установка на Богообщение («дух молитвы»), 2) новая языковая реальность, включающая: а) план содержания («смысл» молитвы): б) план выражения («форма» молитвы)²². Кроме того, трехчастная лирическая композиция (1. лирическое вступление-обращение к высшей силе; 2. содержание молитвы – просьбы о помощи; 3. лирическая концовка – благодарность Богу: например, Глбина «Молитва поэта»/«Vásniková modlitba», Турчаны «Просьба»/«Prosba») большинства стихотворений также позволяет говорить о родственной связи произведений Католической Модерны с духовными песнями авторов предшествующих поколений (стихи-молитвы Сильвана, Лани, Луцае, Трановского, Голлого и др.).

В лирических миниатюрах-молитвах католические художники часто зывают к Господу, пытаются получить ответы на «бытийные вопросы»: об истине жизни, о смысле смерти (Мигалик «Господь, я прошу Ангела»/«Pane Vože, prosím Anjela»). В своих духовных стихах-молитвах поэт-провидец стремится подняться над телесно-реальной сферой, обратившись к сфере духовной, что предполагает создание стихотворения-молитвы (Силан «Как это тяжело»/«Jak je to ťažké»). Для большинства поэтов Католической Модерны вопрос о вечных ценностях (свободе, душе, любви, добре) перерастает в поиск средств для противостояния стихиям зла и разрушения, в преодоление хаоса как в своем внутреннем, так и во внешнем мирах (Дилонг «Драма в самом начале»/«Drama na ročiatku»).

Многих авторов Католической Модерны объединяет общий набор часто встречающихся в стихах ключевых библейских мотивов: мотив странничества (он же: «мотив блудного сына»), мотив дороги, поиска верного пути); мотив избранности (герой-пророк, ведущий за собой толпу обывателей); мотив вины, греха; мотив искушения земными благами (борьба телесного и духовного); мотив смерти и посмертных мук души в аду (барочная атрибутика); мотив душевной тюрьмы, апокалиптический мотив (идеи Страшного суда, божественного возмездия).

Таким образом, словацкая духовная поэзия имеет богатую историю. Через литературную трансформацию средневекового григорианского хораля создаются первые евангелические и католические канционалы, впоследствии усложненные до авторских духовных песен и псалмов

с выраженным субъективным началом, более свободной формой и содержанием. В XX в. на базе богатой духовно-песенной словацкой традиции вырастает самостоятельное литературное течение (словацкая Католическая Модерна), продолжившее развивать многовековые христианские традиции в лирике и обогатившее литературу новыми формами (лирическая медитация), смелыми трактовками библейских мотивов.

Примечания

- 1 См.: Кишкин Л. Словацкая литература // История литератур западных и южных славян : в 3 т. / отв. ред. А. В. Липатов. Т. 1. М., 1997. С. 340.
- 2 См.: Кокосева З. Ренессанс (1500–1650) / пер. Н. Шведовой // Словацкая литература. От истоков до конца XIX века : в 2 ч. Ч. 1. М., 1997. С. 24.
- 3 См.: Кишкин Л. Указ. соч. С. 676.
- 4 См.: Minárik J. Písne nové Jána Silvána // Sborník prací filozofické fakulty Brněnské univerzity. D 33, 1966. S. 91.
- 5 Antológia zo slovenskej renesančnej poézie. Slovenská renesančná lutna. Bratislava, 1982. S. 247.
- 6 Ibid. S. 216.
- 7 Ibid. S. 237.
- 8 Ibid. S. 302.
- 9 Ibid. S. 300.
- 10 Ibid. S. 303.
- 11 См.: Mišianik J., Minárik J. Dejiny staršej slovenskej literatúry. Bratislava, 1958. S. 122.
- 12 См.: Кишкин Л. Указ. соч. С. 680.
- 13 Мистическое учение о тысячелетнем земном царствовании Христа, которое должно наступить перед концом света.
- 14 Antológia zo slovenskej renesančnej poézie. S. 331.
- 15 Урбанцева Г. Ян Голый / пер. К. Лифанова // Словацкая литература. От истоков до конца XIX века. Ч. 1. С. 101.
- 16 См.: Hollý J. Katolíckí spevník I. Zlatý fond denníka SME 2009 (cit. 16.2.2015). URL: http://zlatyfond.sme.sk/dielo/985/Holly_Katolíckí-spevník-I (дата обращения: 12.10.2014).
- 17 Первалова О. Теория жанра молитвы в современном литературоведении // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сб. ст. по материалам III Всерос. науч. конф. молодых ученых с междунар. участием (8 февраля 2013 г.) : в 2 ч. Екатеринбург, 2013. Ч. 2. С. 306.
- 18 Шведова Н. Павол Орсаг-Гвездослав // Словацкая литература. От истоков до конца XIX века. Ч. 1. С. 216.
- 19 См.: Zambor J. Žalm a žalmickosť u Ivana Krasku a v slovenskej poézii 20. Storočia // Interpretácia a poetika. O poézii slovenskýc j básnikov 20. Storočia. Bratislava, 2005. S. 12.
- 20 Ibid. S. 13.
- 21 См.: Zemanová P. Formovanie Slovenskej katolíckej moderny ako kultúrny a literárny problém // Slovenská literatúra. 1992. 39. 3. S. 229–240.
- 22 См.: Первалова О. Указ. соч. С. 306.

УДК 821.161.1.09-14+929 Мандельштам

«ПЕРВАЯ МОСКОВСКАЯ ТЕТРАДЬ» И ПРОБЛЕМА БОЛЬШОЙ ФОРМЫ В ЛИРИКЕ МАНДЕЛЬШТАМА 1930-Х ГОДОВ

Б. А. Минц

Саратовский государственный университет
E-mail: bella-mints7@yandex.ru

В статье на материале «Первой московской тетради» рассматриваются проблемы циклизации в лирике Мандельштама начала 1930-х гг. Предметом изучения является иерархия разных типов лирических единств и некоторые тенденции формирования книги стихов в творчестве позднего Мандельштама.

Ключевые слова: Мандельштам, книга стихов, большая форма, цикл, композиция, общий генезис.

The «First Moscow Notebook» and the Issue of the Great Form in Mandelstam's Poetry of the 1930s

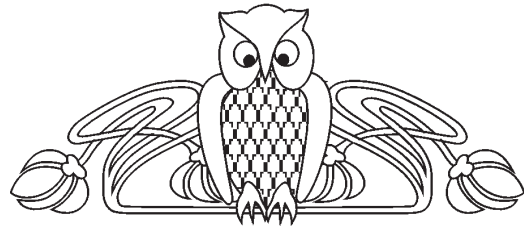
B. A. Mints

The article deals with the issues of cyclization in Mandelstam's poetry of the beginning of the 1930s, based on the materials of the «First Moscow notebook». The object of study is the hierarchy of different types of lyrical entities and some tendencies in the formation of the book of poems in the late works of Mandelstam.

Key words: Mandelstam, book of poems, great form, cycle, composition, overall genesis.

В первой половине 1930-х гг. О. Мандельштам стремится к тому, чтобы представить свою творческую работу не в виде отдельных стихотворений или маленьких подборок, а в виде более или менее объемных и цельных собраний стихов. Однако его положение в советской литературе таково, что это стремление находит отражение по большей части в неосуществленных проектах¹. Был опубликован только цикл «Армения» и несколько подборок². В результате говорить о большой форме лирического единства, т. е. о книге стихов или ее разделах применительно к лирике Мандельштама 1930–1934 гг., можно лишь условно, опираясь на текстологические материалы и соображения вдовы поэта.

Н. Мандельштам свидетельствовала, что «О. М. сам определил начало и конец двух тетрадей, составляющих “Новые стихи”»³, т. е. стихи 1930–1934 гг.⁴ В домашнем обиходе четы Мандельштамов сложилось понимание «тетради» как предполагаемого раздела книги стихов, как более свободной и спонтанной формы, нежели книга, ограниченная эдическими правилами. «Начало и конец “тетради” регулируется только единством стихотворного порыва, породившего внутренне связанные между собою стихи»⁵. Межтекстовые связи в «тетради» иного порядка, нежели в небольшом цикле, ибо они осложняются соотношением

циклов друг с другом и с отдельными текстами, иерархией и разнообразием лирических единств, отличаются от небольших циклов масштабом концепции. В определении границ текстовых групп противоречиво взаимодействуют у Мандельштама органическая открытость временного контура книготворчества и специфика ретроспекции в составлении поздних сводов.

«Тетрадь» в поздней лирике Мандельштама складывается на основе общей тенденции, характерной для его поэтических книг, внутренним каркасом которых становится творческий календарь, естественный хронологический поток стихов⁶. Создавая в книге слепок этого потока, поэт в 1910–1920-е гг. разрушал циклы, опубликованные в периодике, и уже сложившиеся связи стихотворений уходили на большую глубину. В начале 1930-х гг. тенденция хронологического выстраивания в проектах книг приобретает другие оттенки в силу невозможности полноценно осуществить творческую волю в публикациях. Вариативность становится еще более интенсивной, вдохновленная стремлением сохранить точный слепок творческой работы со всей ее многослойностью, внутренним драматизмом, органикой смысло- и текстопорождения. Вариативность сказывается в генетических связях стихотворений, вышедших из единого черновика: ряд стихотворений, отпочковавшихся от «Армении»; общее происхождение стихотворений «За гремучую доблесть грядущих веков...», «Неправда», «Нет, не спрятаться мне от великой муры...»; раздвоение единого замысла на «Фазетончик» и отрывок «Как народная громада...»; общие строфы в черновиках стихотворений «Еще далеко мне до патриарха...» и «Довольно кукситься! Бумаги в стол засунем...». За такой поэтической «кухней», характерной для мандельштамовских «двойчаток» предыдущего периода, стоит углубляющаяся конфликтность поэтического сознания и попытка дать художественное оформление противоречивым его граням.

Склонность Мандельштама к хронологической структуре книги стихов обнаружилась рано. Так, например, по мнению О. Лекманова, в первом «Камне» (1913) впечатление поэтического дневника поддерживается дневниковыми зачинами в некоторых стихотворениях и объединением стихотворений в пространственные группы⁷. В «Первой московской тетради», которую составляют стихи с октября 1930 по сентябрь 1931 г., «пространственные» группы (Армения, Ленинград-Петербург, Москва) и мотивные комплексы

с пространственной семантикой (случайное жилище, трамвай, острог, гроб, колодец, сруб, беговая дорожка, кольца бульваров, отражения в реке и т. п.) становятся основой для историко-культурных, биографических, мифопоэтических слоев образного строя и составляют особую подсистему. При этом образный строй «пространственных» групп, насыщенных культурными смыслами, не является строительным материалом только формально выделенных групп (за исключением «Армении»), а рассеивается по «Первой московской тетради», вступая в дистантные переключки и в оппозиции с другими «пространственными» доминантами. Они имеют сверхтекстовую природу в том понимании, какое представлено в известных работах В. Н. Топорова о петербургском тексте. Так, «армянский» слой представлен в «Отрывках из уничтоженных стихов» в «московском» контексте, вербально воплощая оппозицию христианской Армении и «буддийской Москвы», которая выполняет структурообразующую роль в «Первой московской тетради»:

В год тридцать первый от рожденья века
Я возвратился, нет – читай: насильно
Был возвращен в буддийскую Москву.
А перед тем я все-таки увидел
Библейской скатертью богатый Арарат
И двести дней провел в стране субботней,
Которую Арменией зовут (III, 56)⁸.

В самом цикле «Армения» конфликт христианского миропонимания и традиции с миром «рыжебородых сардаров», «казнелюбивых владык» (III, 36) развернут в историко-культурном плане как древний, изначальный, как вечная битва. Четвертое стихотворение цикла в этом плане наиболее выразительно в ряду поэтических «фресок»:

Закутав рот, как влажную розу,
Держа в руках осьмигранные соты,
Все утро дней на окраине мира
Ты простояла, глотая слезы.

И отвернулась со стыдом и скорбью
От городов бородатых востока;
И вот лежишь на москательном ложе
И с тебя снимают посмертную маску (III, 37).

Тема поэта и его пребывания на распутье также заявлена в «Армении» («Ах, ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло...») и получает развитие в своеобразных отрезках цикла. Ассоциативные ходы ведут от армянских впечатлений к пушкинскому «Путешествию в Арзрум», к гибели Грибоедова и в целом к теме судьбы поэта (стихи 1930 г., примыкающие к циклу «Армения», – «Дикая кошка – армянская речь...», «И по-звериному воеет людье...»).

Ближе к финалу «Первой московской тетради» всплывают самые мрачные воспоминания о

поездке в Армению. В «Фаэтонщике» «чумный председатель» напоминает не только о резне в Шуше и пушкинском «Пире во время чумы», но и о гоголевской тройке. Это саркастически перевернутый символ России, несущейся к катастрофе под водительством таинственной власти: безносый возница, «словно дьявола погонщик» (III, 58), «возница, который неизвестно куда везет <...> некто в маске, от которого мы зависим»⁹. Символ звучит в унисон с одной из многочисленных блоковских вариаций знаменитой «тройки»¹⁰, а именно с «демонским ямщиком»¹¹, и в то же время в нем угадывается как общий архетип пути, так и специфически мандельштамовские его версии¹², подразумевающие либо inferнальную власть, либо волю «чужих людей». Из одного черновика вырастают и зловещий «Фаэтонщик», и «мирный отрывок»¹³ «Как народная громада...», который у Н. Мандельштам ассоциировался со спасением от безносого возницы. Между тем эта, казалось бы, бесхитростная зарисовка стада в контексте «Первой московской тетради» приобретает дополнительный смысл, ибо в ней угадывается специфический образный ряд «Армении»: «Как бык шестикрылый и грозный, / Здесь людям является труд» (III, 35); «Плечью осьмигранными дышишь / Мужичких бычачьих церквей» (III, 35). Здесь отзываются и ассирийский код, напоминающий о пленниках, которые «копоятся под ногами огромного царя» из статьи «Гуманизм и современность» (1922) (II, 286), и ощущение «народной громады», величественной и грубой виталистической силы народа¹⁴. Так, «пространственная» группа, порожденная армянскими впечатлениями, становится одним из каркасов «Первой московской тетради» и полноценной моделью мира с его бытийными основами. В ней, в частности, проявляется одна из характерных для всей лирики Мандельштама классических триад «власть – поэт – народ», противополжности своего уникального опыта, своей беззащитности и воли чему-то громадному и внеположному (деспотии, «народной громаде», губительной силе)¹⁵. Эта триада в ранней лирике наиболее ярко воплощалась в «римских», «овидиевских» мотивах и уже тогда была парадоксальна и лишена однозначности («О временах простых и грубых...», 1914; «Обиженно уходят за холмы...», 1915; «С веселым ржанием пасутся табуны...», 1915; «У моря ропот старческой кифары...», 1915). В «Первой московской тетради» она наполняется реальным биографическим смыслом.

Несколько иная конфигурация у «московских» стихов как фрагмента «московского текста» Мандельштама и как другого полюса «Первой московской тетради». Но и здесь ядром является несобранный цикл стихотворений, написанных в мае – сентябре 1931 г. и объединенных особенностями поэтики («Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...», «Еще далеко мне до патриарха...», «Отрывки из уничтоженных стихов», «Довольно

кукнуться! Бумаги в стол засунем...», «Сегодня можно снять декалькомани...»). С ним коррелирует написанное раньше стихотворение «Нет, не спрятаться мне от великой муры...», входящее в неформальный «волчий» цикл, а также аллюзии на Москву как символ русской государственности в «Армении»¹⁶: «И нахохленные орлы с совиными крыльями, еще не оскверненные Византией» (III, 38). «Московские» стихи тяготеют к тому, чтобы дать широкую и совершенно непредвзятую картину жизни, но здесь более остро стоит проблема личной позиции. «Московскими» стихами завершается «Первая московская тетрадь»¹⁷. Финальные аккорды бросают свет на всю композицию этого лирического единства. Наступает пауза с осени 1931 по весну 1932 г., наполненная работой над «Путешествием в Армению».

Дневниковый топос в «Первой московской тетради» представлен редкими и не специфически вкраплениями, придающими в свете мрачных предчувствий особую ценность и уникальность запечатленному мигу: «Помоги, Господь, эту ночь прожить...» (III, 44); «Ночь на дворе. Барская лжа...» (III, 45). В целом же биографическое время вбирает в себя иллюзию жизни, подошедшей к завершению и спрессованной в один миг – от рождения до текущего момента. Отсюда – сквозные мотивы детства с обыгрыванием прямого и метафорического значения: «Вспомнишь на даче осу, / Детский чернильный пенал» (III, 40); «Я вернулся в мой город, знакомый до слез, / До прожилок, до детских припухлых желез» (III, 42); «С миром державным я был лишь ребячески связан...» (III, 43); «Жизнь начиналась в корыте картавою мокрою шопотью» (III, 50); «Как мальчишка / За взрослыми в морщинистую воду, / Я, кажется, в грядущее вхожу, / И, кажется, его я не увижу...» (III, 60).

Предварительный взгляд на иерархию лирических единств в «Первой московской тетради» дает следующую картину: традиционный авторский цикл «Армения» с отколовшимися от него стихами; неформальные циклы, выделяемые вдовой поэта и исследователями («волчий», «московский»); стихи, не входящие в циклы («Куда как страшно нам с тобой...», «Не говори никому...», «На полицейской бумаге верже...», «Ленинград», «С миром державным я был лишь ребячески связан...», «Мы с тобой на кухне посидим...», «Помоги, Господь, эту ночь прожить...», «После полуночи сердце ворует...», «Ночь на дворе. Барская лжа...», «Я скажу тебе с последней прямокой...», «Канцона», «Фазтонщик»). На самом деле градация лирических единств более тонкая и отчасти неопределимая. Так, например, «волчий» цикл может быть квалифицирован как авторский, поскольку он уверенно выделяется вдовой поэта по воспоминаниям о реалиях творческого процесса и совместной работе с поэтом над сводом стихов. Однако взаимопроницаемость границ лирических единств сказывается и здесь, и Н. Мандельштам

признает, что «цикл начинался до “Волка” в кандалах дверных цепочек, в петербургских пожарах и морозах, в остром ноже и каравае хлеба, в ощущении “В Петербурге жить, словно спать в гробу” и в потребности поскорее бежать на вокзал, “Где бы нас никто не отыскал”»¹⁸. Так в орбиту притяжения «волчьего» цикла попадают стихотворения «Ленинград», «С миром державным я был лишь ребячески связан...», «Помоги, Господь, эту ночь прожить...», «Мы с тобой на кухне посидим...» как стихи осознанного отщепенства. Исключив из этого ряда «петербургские» стихотворения «С миром державным я был лишь ребячески связан...», «Помоги, Господь, эту ночь прожить...» и добавив «Куда как страшно нам с тобой...», первое после пятилетнего молчания и открывающее «Первую московскую тетрадь», «Не говори никому...», «На полицейской бумаге верже...», «После полуночи сердце ворует...», «Я скажу тебе с последней прямокой...», мы получим авторский проект подборки или цикла «Семь стихотворений», скрытый от широкого читателя в архивах¹⁹.

Художественная и концептуальная целостность творческого порыва, продиктовавшего «Первую московскую тетрадь», находит выражение в общих мотивах, претерпевающих смысловые метаморфозы, в своеобразной сетке антитез, стягивающей и «прошивающей» тексты разной тематики и разного образного строя. К числу таких антитез относится пара «нищета – пир»²⁰: «А мог бы всю жизнь просвистать скворцом, / Заесть ореховым пирогом» (III, 35); «Не потому ль, как подкидываешь, молчишь, / Что пополуночи сердце пирует, / Взав на прикус серебристую мышшь?» (III, 44); «За гремучую доблесть грядущих веков, / За высокое племя людей, – / Я лишился и чаши на пире отцов, / И веселья, и чести своей» (III, 46); «А она мне соленых грибков / Вынимает в горшке из-под нар, / А она из ребячьих пупков / Подает мне горячий отвар» (III, 48); «Выпьем, дружок, за наше ячменное горе, / Выпьем до дна...» (III, 53); «Мы со смертью пировали – / Было страшно, как во сне» (III, 57). Стихотворения-дразнилки «Я скажу тебе с последней прямокой...» и «Я пью за военные астры...» целиком построены на вариациях мотива пира, а метафора «пира во время чумы» становится сквозной²¹. Как видно из приведенной цепочки микроконтекстов «Первой московской тетради», метафора «пира» почти универсальна. Это и творческий пир, за который заплачено отщепенством, и пир бесшабашного отчаяния или даже дерзкого вызова, и пир как следствие другого выбора или другой жизни («а мог бы...») и горький пир нищеты, и пир смерти – пир со смертью. Предметом отдельного исследования могут стать и другие образные оппозиции и мотивные комплексы, выполняющие интегрирующую роль, например, «речь – молчание», «память – забвение».

В композиции «Первой московской тетради» в какой-то степени отпечатана архитектоника «Божественной комедии» Данте, который в 1930-е гг.,

несомненно, был «центральным солнцем» (II, 256) мандельштамовской вселенной. Если говорить о проекте «Семь стихотворений», то в ретроспективе поздних сводов это лирическое единство представляется своеобразным «преддверием ада» по сравнению с «волчьим», или «каторжным», циклом. Житейская неустроенность и литературная изоляция вырастают до размеров символа эпохи и зловеще искаженных жизненных основ. Но настоящее «нисхождение» происходит именно в «волчьем» цикле, где пророческое визионерство заставляет поэта разыграть наиболее трагический вариант судьбы. Со стихотворения «Канцона» волны приятия жизни чередуются с мрачным предчувствием «судьбы развязки» (III, 52).

Интегрирующие феномены, описанные выше, являются производными от центральной коллизии и концепции лирического героя, т. е. некоего инварианта, смыслового ядра, который продуцирует целостность «тетради». Лирический герой пребывает в ситуации мучительного выбора, будучи одновременно «непризнанным братом» (III, 51) и «человеком эпохи Москвошвея» (III, 53), вросшим в современность. Его схватка с Веком – это одновременно попытка Век понять и постичь свою собственную природу. Образные аналоги и «двойники» лирического героя обнажают его внутреннюю противоречивость: не-волк, Щелкунчик, бушлатник в остроге, «трамвайная вишенка» (III, 48), дитя, подкидыш, «еврейский музыкант» (III, 47), кум Неправды, прозорливец и псалмопевец, воин и разночинец, старик-мальчишка, Фауст. Это заведомо немонолитная личность, таящая в себе разные и даже противоположные возможности, слабость и силу, сомнения и уверенность в своей правоте. В лепке лирического автопортрета у Мандельштама ощущается влияние его же прозы, в частности «Египетской марки», «Четвертой прозы», а также влияние литературной (например гофмановской) традиции в изображении чудака-художника, отстаивающего свою честь. Органичен для него пафос трагикомического, соединение смешного и героического, лирики и сарказма, хотя в своеобразной симфонии «Первой московской тетради» отчетливо звучат и чистые ноты высокой трагедии, молитвы, бесстрашной исповеди. Человек мыслится как самодостаточный феномен. Жизнь со всем ее пестрым сором периодически как бы накрывает лирического героя как некий солидарный порыв, превышающий на время морок эпохи. Постоянные колебания приятия/неприятия современности также определяют природу «тетради», но это родовое свойство зрелой лирики Мандельштама. Отсюда огромная важность поисков незыблемого, обозначение черты, ступить за которую равносильно потере себя.

Своеобразным «центром» и трагической кульминацией «Первой московской тетради» является группа стихов, сложившаяся вокруг так называемого «Волка»²² («За гремучую доблесть грядущих веков...», 17–18 марта 1931 – конец 1935)

и обозначенная Н. Мандельштам как «волчий», или «каторжный», цикл: «В “волчьем” цикле подготовка к ссылке – сибирские леса, нары, срубы... Материал этого цикла – дерево: плаха, бадья, сосна, сосновый гроб, лучина, топориче, городки, вишневая косточка... Из деревянного волчьего сруба все эти темы распространяются на всю тетрадь»²³. По мнению Н. Мандельштам, «кончается “Волчий цикл”»²⁴ на стихотворении «Сохрани мою речь за привкус несчастья и дыма...» (3 мая 1931) и включает в себя следующие хронологически соседствующие тексты: «Ночь на дворе. Барская лжа...» (март 1931), «Колют ресницы. В груди прикипела слеза...»²⁵ (2 марта 1931), «Жил Александр Герцевич...» (27 марта 1931), «Нет, не спрятаться мне от великой муры...» (апрель 1931), «Неправда» (4 апреля 1931), «Я пью за военные астры...» (11 апреля 1931), «Рояль» (16 апреля 1931)²⁶.

«Волчий» цикл принадлежит к тому типу не оформленного автором лирического единства, который характерен для О. Мандельштама и подразумевает спонтанный характер складывания, хронологическую природу и временную компактность, подвижность композиции, наличие сквозных мотивов, общий генезис некоторых текстов. Центральное стихотворение цикла, «За гремучую доблесть грядущих веков...», получило окончательное оформление в 1935 г. Последняя строка «И меня только равный убьет», найденная в 1935 г., возможно, отражает более поздний этап самосознания. В «волчьем» цикле гораздо острее, нежели в других стихах «Первой московской тетради», проявляется самая трагичная сторона противостояния поэта и века – такая степень причастности к эпохе, которая подводит вплотную к возможности внутреннего перерождения, потери собственной идентичности. Стихи цикла отражают отдельные ипостаси лирического сознания и их противоречивое сосуществование, в какой-то мере распутывают мучительный клубок противоречий и в то же время запечатлевают наиболее страшные его узлы. Сложность и неоднозначность концепции личности раскрывается в полной мере лишь в иерархии лирических единств и в самом процессе работы над текстами.

Цикл имеет торжественное обрамление, если говорить об условных рамках не выделенного единства. Два ключевых текста – «Волк» и «Сохрани мою речь...» – задают тон всей группе стихов: они сродни заклинанию, предсмертной мольбе, но одновременно строятся как попытка договора с эпохой²⁷. В начале цикла лирический герой молит о сохранении своей человеческой природы ценою ссылки и каторги, в финале – о сохранении своей речи ценою возможной потери этой природы. В начале цикла он «лишился и чаши на пире отцов, / И веселья, и чести своей» (III, 46) за сомнительную доблесть будущего, но чувство внутренней правоты заставляет гордо выпрямиться и сохранить себя. В финале он вроде бы готов

принести более страшную жертву, которую требует от него век, – принять участие в казнях, пусть и косвенное или даже метафорическое (построить срубы, найти топориче для казни). К рамочным компонентам можно отнести и зеркальную образную вертикаль, объединяющую два пограничных стихотворения: «Уведи меня в ночь. Где течет Енисей / *И сосна до звезды достает*» (III, 47) – «Как вода в новгородских колодцах должна быть черна и сладима, / *Чтобы в ней к Рождеству отразилась семью плавниками звезда*» (III, 51). В этой рамке цикла находит выражение и пространственно-временная горизонталь русской истории, соотнесение идеальных топосов природы, национальной жизни и христианства. Образы, относящиеся к сфере идеала и сакрального видения, находят в контексте цикла или даже одного текста модификации с семантикой гибели: «*И сосна до звезды достает*» – «Ведь лежать мне в *сосновом гробу*» (III, 48)²⁸; новгородские *колодцы*, в которых «к Рождеству отразилась семью плавниками звезда» – «*дремучие срубы*, чтобы в них татарва опускала князей на бадье» (III, 51). Родственные «деревянные» образы, за которыми стоят рукотворные и нерукотворные явления, несут в себе знаки и спасения, и гибели: спасения в идеальном мире природы и культуры, гибели – в реальном. Одновременно Мандельштам воплощает два полюса национального мира: с одной стороны, приверженность к христианской культуре, а с другой стороны, провалы в безудержную жестокость. В последнем стихотворении цикла сосредоточены выразительные параллели российской истории: Древняя Русь – петровская эпоха – современность. Острог, пытки и казни мыслятся как общий признак российской государственности и русской смуты.

Анализируя черновики «Волка», И. М. Семенко показала не только движение замысла, отражающее поиски позиции и огромную духовную работу Мандельштама, но и частичное рождение цикла из единого черного полотна²⁹. Так, в черновиках «Волка» уже содержались «побеги» (строки и строфы) стихотворений «Неправда», «Нет, не спрятаться мне от великой муры...», не говоря уже о мотивных переключках со стихотворениями «Ночь на дворе. Барская лжа...» (мотив шапки в рукаве), «Колют ресницы» (комплекс «острожных» образов), «Жил Александр Герцевич...» (мотив шубы). Н. Мандельштам описала этот типичный для поэта способ циклизации: «Работа над запутавшимся в клубок циклом носит характер дифференцирующий – один организм как бы отделяется от другого и каждому из них отдаются все принадлежавшие ему признаки»³⁰. Помимо аспекта творческой психологии здесь проявляется мировоззренческий аспект, ибо рождение цикла содержит в себе момент гармонизации сознания, которое тоже напоминает запутавшийся клубок. Уже сложившаяся в лирике Мандельштама тенденция разведения разных, иногда противоположных, позиций, разных точек

обзора, художественных решений и одновременного сведения их в лирическое единство, будь то двойчатка или традиционный цикл, в «Первой московской тетради» приобретает определенные очертания. Это трагедия современного человека, в сознании которого разыгрывается неразрешимый конфликт между стыдом и честью, ощущением причастности к жестокому абсурду и его неприятием, жизнелюбием и ожиданием смерти.

В реконструированной И. М. Семенко ранней редакции «Волка»³¹ и в беловом автографе³² колебания мысли наиболее наглядно воплотились в сочетании уже найденной константы («*Но не волк я по крови своей*» – «*Потому что не волк я по крови своей*») и варьирующихся формул. При этом смысловая связь тоже варьируется – от причинно-следственной до неуловимо-амбивалентной в своих возможных рецепциях: «*Потому что не волк я по крови своей / И лежат мне в сосновом гробу*»; «*Потому что не волк я по крови своей / И за мною другие придут*»³³; «*Потому что не волк я по крови своей / И во мне человек не умрет*»; «*Потому что не волк я по крови своей / И неправдой искривлен мой рот*»³⁴. Как видно из этой выборки, поэт мучительно ищет главную формулу, констатируя неизбежность смерти, неистребимость человеческой природы, причастность к неправде. Второй из приведенных вариантов связки двух строк предполагает возможность противоположных толкований: «другие» – либо те, которые родственны поэту в своей не-волчьей природе и время которых настанет в далеком будущем, либо верные слуги века-волкодава (буквальный смысл «за мною придут»).

Главное стихотворение цикла Е. Г. Эткинд рассматривал как финал трилогии о Веке, в которой «Мандельштам движется от веры в спасение человека человеком, делом его духа – до веры в природу как последний источник добра. От “флейты” – до “шубы сибирских степей”». Это коренное изменение философии»³⁵. Анализ «волчьего» цикла позволяет увидеть, что поэтическая философия Мандельштама в образе Века не столько претерпевает однонаправленное изменение, сколько усложняется, приобретая, если воспользоваться характерной метафорой поэта, качество «тысячествольности».

В «Волке», продуцирующем цикл, заявлен характерный для русской литературы 1920–1930-х гг. синтез утопии и антиутопии. Точнее, применительно к лирике Мандельштама, нужно говорить об элементах утопической вневременной образности в индивидуальном авторском контексте и системе гротескных моральных образов, в которых одновременно воплощается настоящее и интуитивно предощущаемое будущее:

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,
Ни кровавых костей в колесе,
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе (III, 46).

Россия в «волчьем» цикле предстает в разных измерениях как страна-острог, страна-каторга, страна бесчестия – и как страна сияющих голубых песцов, которую Рождественская звезда оберегает и в небесах, и в колодезных водах. «Первобытная краса» Сибири представляется поэту как награда-наказание за сохраненную честь, как гибель-очищение. Идиллический пейзаж являет собой интериоризированное, одухотворенное пространство свободы, достигаемой ценою жертвы.

Жертвенно-героическая патетика окончательной редакции «Волка» приходит к Мандельштаму как результат трудной работы (над черновиками и над собой), содержащей в себе разные возможности человеческого выбора и зерна разных стихотворных побегов. Прежде всего, это «Неправда» и «Нет, не спрятаться мне от великой мурь...»: целые периоды этих стихотворений уже содержались в черновике «Волка» и потом отделились от него. Мандельштам вносит характерные изменения в процессе автономизации производных текстов. Вот как это происходит, к примеру, со стихотворением «Нет, не спрятаться мне от великой мурь...»:

Я – вишневая косточка детской игры
И в безводном пророческом рву³⁶

Я – вишневая косточка детской мурь
Но люблю мою курву-Москву
Я – трамвайная вишенка страшной поры
И не знаю, зачем я живу³⁷.

Нет, не спрятаться мне от великой мурь
За извозчичью спину – Москву,
Я трамвайная вишенка страшной поры
И не знаю, зачем я живу (III, 48).

Психологические колебания отразились в вариативности авторского исполнения отдельных строк: «И едва успевает грозить из угла – / Ты как хочешь, а я не рискну» – «И едва успевает грозить из угла – / Ты как хочешь, а я не боюсь»³⁸. В целом же автономизации подвергается весь мотивный комплекс, строящийся вокруг «трамвайной вишенки» и далекий от жертвенной героики «Волка». Сама этимология «вишенки» (гроздь висящих пассажиров трамвая, детская игра «кто дальше выплюнет вишневую косточку»³⁹) обнажает тему незащитности, отторгнутости⁴⁰, тему беззаботного детства, оттеняющую зловещий в своей обыденности образ трамвайного маршрута смерти (отзвук гумилевской метафоры). Мотив человека-вишенки, одновременно одинокого и неотделимого от толпы, предвещает «московские» белые стихи.

Мысль о смерти стала постоянным спутником поэта, но мысль о возможной гибели творческого наследия, о бесследности своего пребывания на земле привела Мандельштама в финале «волчьего» цикла к страшным откровениям. О стихотво-

рении «Сохрани мою речь...» написано много, но поэтическая логика его по-прежнему загадочна. К наиболее спорным моментам толкования относятся адресат и позиция лирического «я» по отношению к казни: жертва или палач? В качестве адресата называют русский язык⁴¹, народ⁴², читателя⁴³, «судьбу (в лице власть предержащих, русского народа, русского языка, литературного процесса)»⁴⁴. По мнению А. Кроун, стихотворение проецируется на эпизод XV песни «Божественной комедии», в котором Данте беседует со своим учителем Брунетто Латини⁴⁵. Тема этой беседы – как раз сохранение творческого наследия и поэтическое бессмертие, что говорит в пользу читателя как адресата. Наиболее убедительной следует признать версию, согласно которой поэт обращается к народу. Вполне оправданно, что «отщепенец в народной семье» называет народ «отец мой, мой друг и помощник мой грубый». Трагизм достигает своей предельной глубины не в поединке с властью, а в этом отщепенстве. Народ, принявший кровавый режим и требующий роковой жертвы от поэта, мыслится Мандельштамом как страшное следствие имманентных свойств национальной истории.

Художественная логика стихотворения является одним из самых впечатляющих и отчасти шокирующих вызовов в лирике Мандельштама. Прямая логика ведет к толкованию, ставящему в тупик: за сохранение «речи» обещаю быть палачом, участвовать в казнях:

И за это, отец мой, мой друг
и помощник мой грубый,
Я – непризнанный брат, отщепенец
в народной семье, –
Обещаю построить такие дремучие срубы,
Чтобы в них татарва опускала князей
на бадье (III, 51).

О том, что это понимание никак не вяжется с главным кредо поэта, его абсолютным неприятием насилия, говорить не приходится. Логическая схема «участие в казнях в обмен на поэтическое бессмертие» выглядит абсурдной применительно к Мандельштаму. Тем не менее, «соглашательские» ноты в поздней поэзии Мандельштама как бы позволяют допустить такой поворот мысли. Исследователи либо обходят это противоречие, либо пытаются его разрешить. А. К. Жолковский, например, констатируя метания поэта от «Сохрани мою речь...» к гибельным стихам («Квартира», «Мы живем, под собою не чуя страны...»), затем остроумно переходит к парадоксу: «Чем на большие уступки он готов пойти и чем красноречивее выписывает принимаемые им ужасные условия, тем неприемлемее становится его предложение для предполагаемых партнеров. Их вряд ли может устроить аттестация в качестве палачей с петровскими топорами, мерзлыми плахами, железными рубашками, зашибанием насмерть и фантастическим опусканием на бадье в дремучие срубы... По видимости идя на ком-

промисс, поэт в действительности проговаривает все то, что он действительно думает о происходящем»⁴⁶. Но в таком случае подлинным адресатом его является власть, а стихотворение превращается в гражданскую инвективу с логическим «секретом». Так ли это?

Более органичным для художественной природы стихотворения представляется толкование М. Л. Гаспарова: поэт «принимает на себя смертные грехи народа, которому он чужд»⁴⁷. Развивая эту точку зрения, И. З. Сурат трактует как добровольное наказание поэта, как расплату за причастность к грехам народа последние строки: «Я за это всю жизнь прохожу хоть в железной рубашке / И для казни петровской в лесу топищи найду» (III, 51). Сама собой при таком толковании напрашивается параллель с судьбой Спасителя⁴⁸. Но приведенные строки оставляют возможность вариативного толкования: казнь для себя как искупление или казнь для других? В то же время в безудержных метаниях от приятия «русского бунта» к покаянию угадываются характерные крайности национального менталитета. Но как с принятием на себя греха увязать обещание «построить такие дремучие срубы, / Чтобы в них татарва опускала князей на бадье» (III, 51)?

Мандельштам воспроизводит чудовищно извращенный порядок, в котором человеческая честь и величие поэзии не спасают «речь» от небытия. За сохранение «речи» и любовь «мерзлых плах» (метафора России) нужно заплатить честью и уничтожением собственной природы. Но может ли истинное бессмертие быть обеспечено такой ценой? И может ли «речь» быть сохранена в ее чистоте и подлинности? Сама неразрешимость этих коллизий, немыслимость обещаний, изломанность логики объективно воспроизводит трагедию современника в самом болезненном ее проявлении. Ощущение безвыходности неизмеримо возрастает, как и степень разрушительного влияния времени на человека.

Вершинные тексты «волчьего» цикла обуславливают его трагедийную доминанту. В черновиках «Волка» изначально даны ощущение «прокрустова ложа»⁴⁹ и неразрешимые противоречия сознания, в окончательных текстах цикла проступает «сюжет», некое развитие. Растет градус трагедийности, меняется ее природа: от героически-жертвенной до мучительно-неразрешимой, без катарсиса. В остальных стихах градус трагедийности несколько снижен, трагический пафос осложнен иными жанрово-стилевыми доминантами: атмосферой страшной сказки, кошмара («Неправда»), весельем отчаяния и горькой иронией в песенке о «еврейском музыканте», вызывающей дерзостью в стихотворении-тосте «Я пью за военные астры...», болезненным ощущением распада и омертвения («Нет, не мигрень, – но подай карандашик ментоловый...»). Новые оттенки в развитие темы художника (тяжба художника с Веком, право на творческую свободу,

сохранение творческого наследия) привносит стихотворение «Рояль», в котором, помимо прочего, угадывается мысль о влиянии эпохи на сам творческий процесс, на вдохновение: «Разве руки мои – кувалды? / Десять пальцев – мой табунок!» (III, 49). Эпоха не просто обрекает художника на гибель, она ведет к замутнению истоков творчества. Впечатления от неудачного концерта Генриха Нейгауза⁵⁰ становятся импульсом для метафоры распрямления художника после растерянности и сомнения в своих силах и своей правоте: «Чтоб смолою соната джина / Проступала из позвонков, / Нюрнбергская есть пружина, / Выпрямляющая мертвецов» (III, 50)⁵¹. Мотивы Французской революции, распространенные в русской поэзии той эпохи как аллюзия на современность и века историсофских построений, увязаны Мандельштамом с проблемой потери контакта со слушателем и в то же время становятся основой для метафоры верховного права искусства («Мирабо фортепьянных прав») (III, 49). В отброшенной, очевидно, по автоцензурным соображениям строфе поэт находит формулу, ключевую для всего позднего творчества: «В нем росли и переливались / Волны внутренней правоты»⁵².

После кульминации трагедии и воображаемого нисхождения на самое дно ада («Сохрани мою речь...») наступает некое разрешение в «Канцоне» (26 мая 1931), которая в «Первой московской тетради» выполняет функцию перехода от «волчьего» цикла к «московским» стихам и программного текста, где предельно расширяется масштаб поэтического зрения. Поэт совершает умозрительный Исход из «страны гипербореев», чтоб взглянуть на свою судьбу и судьбу России с высоты инокультурных откровений. Как бы ни толковать загадочные образы «Канцонь»⁵³, общий смысл ее ясен. Это мысленный Исход из физической родины, превратившейся в «египетский плен», в землю обетованную, в метафизическую родину. В этом синтетическом пространстве-времени поэт – и эллин, и иудей, а точнее, носитель иудео-христианской и эллинской культур. Полное погружение в российский мир оказалось столь нестерпимым, что поэт жаждет изменить само зрение. Строка «Чтобы зреньем напитать судьбы развязку» подразумевает «абсолютную точку божественного созерцания, к которой стремится автор»⁵⁴.

Мифотворческий импульс, руководивший Мандельштамом в «волчьем» цикле и «Канцоне», сменяется иным. В «московских» стихах обнаруживается тяготение к образному строю, отражающему незавершенность, неоднородность и непредсказуемость жизненного потока. Несмотря на мрачную символику «Фазетонщика», оказавшегося между «московскими» стихами, несмотря на постоянную память о казнях и наиболее вероятном исходе своей жизни, на «буддийские»⁵⁵ признаки Москвы, в которых прочитывается негативная семантика замкнутого мира, центра

Срединного царства, замороженно-пассивного перед небытием, потерявшего личностное волевое начало, Мандельштам завершает естественный творческий порыв «Первой московской тетради» открытым финалом с его импрессионистической свободой и перенасыщенностью «шумом времени» и его плотью.

Примечания

- ¹ Об этих проектах можно судить по прижизненным сводам стихов, договорам с издательствами и свидетельствам об авторских вечерах 1931–1933 гг. Известны следующие своды: стихи 1930–1932 гг. (ИМЛИ); «Ватиканский список», т. е. свод стихов 1930–1935 гг., записанный Н. Мандельштам, с авторскими пометами (Архив Мандельштама в Принстоне); «Наташина книга», т. е. стихи 1930–1937 гг., неавторизованный список (Архив Мандельштама в Принстоне); списки Маршака и Линецкой (частные архивы Б. Маршака и Э. Линецкой), сделанные с рукописи С. Рудакова, который работал над собранием стихов Мандельштама в Воронеже в 1935–1936 гг. (См. об этом подробнее: *Мец А.* Комментарии // Мандельштам О. Полн. собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 1. М., 2009. С. 589–591; *Мец А.* Осип Мандельштам и его время : Анализ текстов. СПб., 2005. С. 144–145). Судя по договорам с ГИХЛ 1932–1933 гг., Мандельштам планировал книги «Стихи» и «Избранное», а также двухтомное собрание сочинений. Известно о пяти вечерах поэта в 1932–1933 г. (См.: *Нерлер П.* Комментарии // Мандельштам О. Соч. : в 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 501–502). О некоторых вечерах см.: *Мандельштам О.* Письмо Э. В. Мандельштаму от декабря 1932 г. // Мандельштам О. Собр. соч. : в 4 т. Т. 4. М., 1997. С. 148; *Эйхенбаум Б.* Письмо Н. Харджиева Б. Эйхенбауму // Эйхенбаум Б. О литературе. Работы разных лет. М., 1987. С. 532; Устные воспоминания А. Цветаевой, записанные В. Дувакиным // Осип и Надежда Мандельштам в рассказах современников. М., 2002. С. 160; *Тагер Е.* О Мандельштаме // Осип Мандельштам и его время. М., 1995. С. 238–239.
- ² Армения. Двенадцать стихотворений // Новый мир. 1931. № 3. С. 62–63; Ленинград. «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...». К немецкой речи // Лит. газ. 1932. № 53 (23 ноября). С. 2; Батюшков. Рояль. Ламарк. «Там, где купальни, бумагопрядильни...» // Новый мир. 1932. № 6. С. 105–107; «Довольно кукситься! Бумаги в стол засунем...». «О, как мы любим лицемерить...» // Новый мир. 1932. № 4. С. 166. О несостоявшихся публикациях см.: *Мец А.* Комментарии. С. 589, 603.
- ³ *Мандельштам Н.* Воспоминания. М., 1999. С. 223. Слово сочетание «Первая московская тетрадь» в строгом смысле не является заглавием и поэтому условно.
- ⁴ По сложившейся текстологической традиции стихи 1930–1934 гг., в отличие от воронежских, публикуют в наиболее авторитетных российских изданиях без разделения на «тетради» (*Мандельштам О.* Полн. собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 1). Другие варианты: отсутствие разделения на тетради в обеих «книгах» (*Мандельштам О.* Соч. : в 2 т. Т. 1); применение хронологии как универсального

- принципа без всякой фрагментации (*Мандельштам О.* Собр. соч. : в 4 т. М., 1993–1997. Т. 4). Вариативность публикаций определяет вариативность восприятия и поддержана имманентными свойствами лирики Мандельштама, усугубившимися в поздний период.
- ⁵ *Мандельштам Н.* Воспоминания. С. 224.
  - ⁶ О хронологическом принципе композиции книг и тетрадей можно говорить именно как о тенденции, ибо датировка – понятие многослойное (дата начала работы, момента записи, завершения, переработки и т. д.). Кроме того, по признанию Н. Мандельштам, «в работе часто находится не одно стихотворение, а несколько» (*Мандельштам Н.* Воспоминания. С. 223).
  - ⁷ См.: *Лекманов О.* Русская поэзия в 1913 году. М., 2014. С. 122. Подробный анализ первой редакции «Камня» см.: *Лекманов О.* О трех акмеистических книгах : М. Зенкевич, В. Нарбут, О. Мандельштам. М., 2006. С. 73–116.
  - ⁸ Тексты Мандельштама, за исключением особо оговоренных случаев, цитируются по: *Мандельштам О.* Собр. соч. : в 4 т. М., 1993–1997. Т. 4. В скобках указан том римской цифрой и страница – арабской. Курсив везде наш.
  - ⁹ *Мандельштам Н.* Третья книга. М., 2006. С. 272.
  - ¹⁰ Об этих вариациях см.: *Минц З.* Блок и Гоголь // Минц З. Г. Блок и русские писатели. СПб., 2000. С. 61–63, 69.
  - ¹¹ «Кто же проберется навстречу летящей тройке тропами тайными и мудрыми, кротким словом остановит взмыленных коней, смелой рукою опрокинет демонского ямщика <...>» (*Блок А.* Записные книжки. М., 1965. С. 118).
  - ¹² Ср.: «Как кони медленно ступают, / Как мало в фонарях огня! / Чужие люди, верно, знают / Куда везут они меня» (1911) (I, 67); «Царевича везут, немеет страшно тело – / И рыжую солому подожгли» (1916) (I, 121).
  - ¹³ *Мандельштам Н.* Третья книга. С. 272.
  - ¹⁴ Ср. в примыкающем к «Армении» стихотворении: «Как люб мне натугой живущий, / Столетьем считающий год, / Рожаящий, спящий, орущий, / К земле пригвожденный народ» (III, 40).
  - ¹⁵ В девятом стихотворении «Армении» Мандельштам оригинально развивает коллизию «Медного всадника», контаминируя разные пушкинские образы и переворачивая лирическую ситуацию: «О порфирные цокая граниты, / Спотыкается крестьянская лошадка, / Забираясь на лысый цоколь / Государственного звонкого камня» (III, 39).
  - ¹⁶ См.: *Мусатов В.* Лирика Мандельштама. Киев, 2000. С. 329.
  - ¹⁷ Издатели по-разному решают проблему состава и композиции мандельштамовских «книг» 1930-х гг., и эта эдиционная вариативность определяет вариативность рецепций (читательских и исследовательских). Такая ситуация объясняется не только состоянием мандельштамовской текстологии, но и колебаниями самого поэта в данной сфере.
  - ¹⁸ *Мандельштам Н.* Воспоминания. С. 228.
  - ¹⁹ См.: ОР ГЛМ. Ф. 247. М. Зенкевич. Оп. 1. № 40. 8 лл. Несостоявшиеся публикации 1930-х гг. – предмет от-

- дельного изучения. Точные представления об отвергнутых издателями подборках стихов многое прояснили бы в вопросе о природе циклизации в поздней лирике Мандельштама.
- 20 На связующую роль мотива «пира» обратила внимание Л. Д. Гутрина (См.: *Гутрина Л.* «Но не волк я по крови своей...» (Лирика лирического героя в «волчьем» цикле О. Э. Мандельштама) // *Филологический класс*. 2014. № 11. С. 65).
- 21 Об эволюции мотива «пира» см.: *Магомедова Д.* Мотив «пира» в поэзии О. Мандельштама // *Смерть и бессмертие поэта: материалы междунар. конф., посвященной 60-летию со дня гибели О. Э. Мандельштама (Москва, 28–29 декабря 1998 г.)*. М., 2001. С. 134–144.
- 22 Мандельштам колебался, как расположить «волчий» цикл (См.: *Мандельштам Н.* Воспоминания. С. 223; *Она же*. Третья книга. С. 245). Порядок следования стихов менялся, что вполне соответствует имманентному качеству вариативности.
- 23 *Мандельштам Н.* Воспоминания. С. 228–229.
- 24 *Мандельштам Н.* Третья книга. С. 258.
- 25 Судя по компоновке «Первой московской тетради», принадлежавшей Н. Мандельштам, в «волчий» цикл входит стихотворение, написанное раньше «Волка», – «Колют ресницы. В груди прикипела слеза...» (См.: *Мандельштам Н.* Третья книга. С. 252). Возможно, оно, не став «маткой» цикла, все же послужило импульсом к кристаллизации «касторжной» темы и некоторых пластов образного строя цикла. Лирическим двойником «я» здесь становится «бушлатник» на нарастающей, встречающий зарю (время казни? время нового дня жизни?).
- 26 Н. Я. Мандельштам специально оговаривает, что стихотворение «Нет, не мигрень, но подай карандашик ментоловый...», записанное на одном из черновиков с «Сохрани мою речь...» и датированное Н. И. Харджиевым 23 апреля 1931 г., на самом деле не только не входит в «волчий» цикл, но вообще написано в Воронеже, и место его – в конце «Первой воронежской тетради» (См.: *Мандельштам Н.* Третья книга, С. 363–366). В. Швейцер и печатала стихотворение в соответствии с указанием Н. Я. Мандельштам (См.: *Мандельштам О.* Воронежские тетради / подг. текста В. Швейцер. СПб: АппАргот: Ардис, 1980. С. 30). Это решение оспаривается с опорой на датированный автограф (См.: *Нерлер П.* Указ. соч. С. 513), а само стихотворение предположительно отнесено к «волчьему» циклу (См.: *Морозов А.* Посвящается Осипу Мандельштаму // *Русская мысль*. Париж, 1991. 28 июля. № 3885. Лит. приложение № 12. С. IV). И состав «цикла», и последовательность текстов в силу проблем с датировкой – величины не устоявшиеся. В статье Л. Д. Гутриной, посвященной специально данному циклу, не названы стихотворения «Нет, не мигрень...» и «Рояль», а интересно, но безлому анализу подвергнуты лишь «Волк», «Неправда», «Ночь на дворе», «Нет, не спрятаться мне...», «Жил Александр Герцевич...» (См.: *Гутрина Л.* Указ. соч. С. 62–65).
- 27 См.: *Жолковский А.* Сохрани мою речь, – и я прииму тебя, как упряжь. Мандельштам и Пастернак в 1931 году // *Звезда*. 2012. № 4. С. 226–235.
- 28 См.: *Мусатов В.* Указ. соч. С. 369.
- 29 См.: *Семенко И.* Поэтика позднего Мандельштама. От черновых редакций – к окончательному тексту. М., 1997. С. 49–59.
- 30 *Мандельштам Н.* Воспоминания. С. 226.
- 31 См.: *Семенко И.* Указ. соч. С. 49–59.
- 32 См.: *Мандельштам О.* Полн. собр. соч. и писем: в 3 т. Т. 1. С. 475.
- 33 Там же. С. 474.
- 34 Там же. С. 475.
- 35 *Эткинд Е.* Осип Мандельштам – трилогия о веке // *Слово и судьба. Осип Мандельштам: исследования и материалы*. М., 1991. С. 261.
- 36 *Мандельштам О.* Полн. собр. соч. и писем: в 3 т. Т. 1. С. 475. Возможно, в строках о «безводном пророческом рве» – аллюзия на библейский сюжет о пророке Данииле, отразившийся в воронежском стихотворении «Я в львиный ров и в крепость погружен...» (1937).
- 37 Там же.
- 38 *Мандельштам Н.* Третья книга. С. 253.
- 39 *Семенко И.* Указ. соч. С. 56.
- 40 См.: *Гутрина Л.* Указ. соч. С. 64.
- 41 См.: *Гаспаров М.* Поэт и культура (три поэтики Осипа Мандельштама) // *Гаспаров М.* Избранные статьи. М., 1995. С. 356; *Видгоф Л.* Статьи о Мандельштаме. М., 2015. С. 68–69.
- 42 См.: *Эткинд Е.* Указ. соч. С. 262; *Сурат И.* Мандельштам и Пушкин. М., 2009. С. 179.
- 43 См.: *Панова Л.* «Друг Данте и Петрарки друг». Статья 1. Мандельштамовское освоение «Божественной комедии» и судьбы Данте // *Миры Осипа Мандельштама. IV Мандельштамовские чтения: материалы междунар. науч. семинара, 31 мая – 4 июня 2009 г. Пермь – Чердынь*. Пермь, 2009. С. 97.
- 44 *Жолковский А.* Указ. соч. С. 228.
- 45 См.: *Crone A.* Wood and Trees: Mandel'shtam's Use of Dante's *Inferno* in «Preserve My Speech» // *Studies in Russian Literature in Honor of Vsevolod Setchkaev*. Columbus, 1986. P. 87–102.
- 46 *Жолковский А.* Указ. соч. С. 233.
- 47 *Гаспаров М.* Комментарии // *Мандельштам О.* Стихотворения. Проза. М., 2001. С. 542.
- 48 См.: *Сурат И.* Указ. соч. С. 183–184. Ясные евангельские аллюзии с проецированием своей судьбы на судьбу Христа проходят неким пунктиром через позднюю лирику Мандельштама. Экспликация этой линии происходит, например, в стихотворениях 1937 г. «Как светотени мученик Рембрандт...» и «Небо вечера в стену влюбилось...».
- 49 См.: *Freidin G.* A coat of many colors. Osip Mandelstam and his mythologies of self-presentation. Berkley, 1987. P. 231.
- 50 См.: *Мандельштам Н.* Третья книга. С. 256.
- 51 В. Мусатов трактует моральный код этой трудной для толкования строфы в русле излюбленной мандельштамовской идеи о выпрямляющей силе смерти для художника (См.: *Мусатов В.* Указ. соч. С. 359–360). Именование пианиста «Мастер Генрих», а также строки «Нюрнбергская есть пружина, / Выпрямляющая

мертвецов» (III, 50) заставляют вспомнить романтическую поэтизацию средневекового ремесленного уклада города Нюрнберга в новелле Гофмана «Мастер Мартин-бочар». В этой новелле, кстати, развивается тема уверенности художника в своей внутренней правоте и неоднозначная оппозиция «ремесло – искусство».

⁵² *Мандельштам О.* Полн. собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 1. С. 476.

⁵³ О «Канцоне» см.: *Мандельштам Н.* Вторая книга. М., 1999. С. 557–562 ; *Амелин Г., Мордерер В.* Миры и столкновения Осипа Мандельштама. М. ; СПб., 2000. С. 36–64 ; *Кацис Л.* Осип Мандельштам : мускус иудейства. М. ; Иерусалим, 2002. С. 126–137 ; *Видгоф Л.* О «начальнике евреев» и «малиновой ласке». (Два шага на пути к пониманию «Канцоны» О. Мандельштама) // *Видгоф Л.* Статьи о Мандельштаме. С. 32–55.

УДК 821.111.09+929Акройд

ГОРОД И ФАНТАЗЕРЫ В РАБОТАХ П. АКРОЙДА

М. В. Дубкова

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
E-mail: pismo_nosec@gmail.com

В статье анализируется образ Лондона в произведениях художников-фантазеров, описанных П. Акройдом. Результатом становится демонстрация эволюции образа города в ходе развития английской литературы в период с XIV по XX в.

Ключевые слова: Лондон, фантазеры, биография, Акройд.

The City and the Visionaries in the Works by P. Ackroyd

M. V. Dubkova

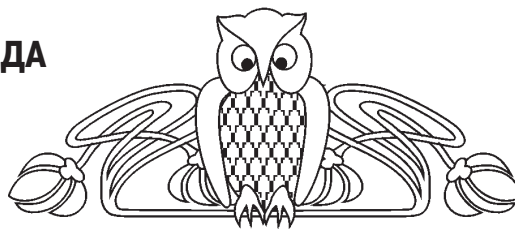
This article explores the image of London in the works of London artist-visionaries – the subjects of Peter Ackroyd's biographies. The goal is to trace the evolution of the city image in the course of the English literature development from XIVth to XXth centuries.

Key words: London, visionaries, biography, Ackroyd.

Фантазер в данном случае – один из вариантов перевода слова «visionary», которым Питер Акройд, известный британский писатель, называет героев своих биографий. Среди возможных переводов этого термина перечисляются провидец, прорицатель, мечтатель, выдумщик, фантазер. Мы выбрали «фантазер» как наименее коннотативно нагруженное понятие. «Я хочу описать тех художников, поэтов, драматургов, писателей и актеров, которые воссоздали все то разнообразие, всю ту энергию и зрелищность, которые город требует от своих жителей»¹. Движущей силой их дара служит энергия города. Согласно Акройду, их основной интерес – жизнь и движение толпы, «великая общая драма человеческого духа»². Для того чтобы быть фантазером, не обязательно быть художником или писателем. Одним из ярких фантазеров становится Дэн Лино, знаменитый комик

⁵⁴ *Амелин, Г., Мордерер В.* Указ. соч. С. 61.

⁵⁵ Дж. Бейнз одним из важнейших сюжетов первой московской тетради Мандельштама считает антитезу Армении и Палестины, с одной стороны, и «буддийской Москвы», с другой. Последняя отличается апатией, инертностью, отсутствием исторического движения, одним словом, азиатским элементом русского характера, который делает Террор практически неотвратимым (См.: *Baines J. Mandelstam : The Later Poetry.* Cambridge, 1976. P. 35). См. о «буддийских» мотивах в творчестве Мандельштама : *Мачерет Е.* О некоторых источниках «буддийской Москвы» Осипа Мандельштама // *Acta Slavica Iaponica.* 2007. Т. 24. P. 166–187 ; *Она же.* Буддизм // О. Э. Мандельштам, его предшественники и современники. Вып. 11. Сборник материалов к Мандельштамовской энциклопедии. М., 2007. С. 181–193.

первой половины XX в. и герой одноименного романа Акройда. На его похороны пришла половина города, скорбя об утрате своего любимого «кринового зеркала».

Общей очевидной чертой фантазеров становится интерес к Лондону – городу, который занимает воображение Акройда всю его творческую жизнь. В своих произведениях фантазеры, среди которых упоминаются Блейк, Диккенс, Элиот, Тернер и другие художники (см. об этом лекцию Акройда «Лондонские светила и фантазеры кофени»), часто изображают Лондон и его окрестности. Задача данной работы – наметить эволюцию образа города в творчестве фантазеров и то, как эта эволюция отобразена в биографиях Акройда.

Представляется целесообразным выделить три эпохи, интересующие Питера Акройда: раннего Лондона (или Лондона эпохи Проторенессанса и Ренессанса), Лондона XIX в. и Лондона XX в.

Лондон XIV–XVI вв. – бурлящий и кипящий город, что находит свое отражение в творчестве двух крупнейших творцов того времени: Джеффри Чосера (ок. 1340–1400) и Уильяма Шекспира (1564–1616).

Чосер родился в Лондоне, где и провел значительную часть своей жизни. Отличительная его черта – удивительная начитанность и книжность. Акройд говорит о растворении его личности в тексте: «Чосер стремится спрятаться за словами, а вернее, как личность раствориться в них»³. Как известно, Чосер был дипломатом; Акройд настаивает на том, что Чосер – дипломат в первую очередь, а поэзия была для него отдыхом и раз-

влечением. Уже первые поэтические творения Чосера несут на себе отпечаток глубокого знания поэтической традиции континентальной Европы и стремления развить ее. Французская лирика трубадуров становится образцом для стихотворения в память о герцогине Бланш Ланкастер, жене покровителя Чосера. Поездки Чосера в Италию познакомили его с творчеством великих итальянцев – Данте, Боккаччо и Петрарки. Все эти знакомые историкам литературы влияния Акройд упоминает в своей биографии Чосера, но одновременно подчеркивает его народные, чисто лондонские корни. Язык Чосера – язык самого Лондона: «Чосер хорошо усвоил язык улицы, густую колоритную смесь простонародной латыни с англо-нормандской фразеологией и местным английским говором. Это проявляется у него как в настойчивом обращении к столь свойственной лондонской речи гиперболичности, так и во вкравшихся в его стихи отдельных словечках и выражениях: “Постой-ка, парень, охоломи чуток”, “Рот на замок”, “Чего городишь-то”, “Поберегись-ка, дурень” и так далее»⁴.

Шекспир – уроженец провинциального Стратфорда-на-Эйвоне. Многие диалектные слова в его пьесах напоминают о происхождении драматурга: «honey-stalks» – клевер, «golden lad» и «chimney-sweeper» – одуванчик в разную пору цветения. В отличие от Чосера, стремившегося облагородить английский язык, Шекспир привносит в него просторечья и обороты разговорной речи. Успех его пьес, полагает Акройд, немало зависел от того, что его герои говорили с подмостков тем же языком, что их зрители, а не эвфуизмами, модными среди ученых поэтов. Он далек от ученой педантичности, некоторые его коллеги, например Бен Джонсон, упрекали его в неграмотности.

Как видно, определяя место объектов своих биографических описаний в английской литературе через их вклад в становление английского литературного языка, Акройд неизменно чуток к лондонским элементам в их индивидуальном стиле.

Кроме того, биографии содержат и прямые описания ренессансного Лондона: «Лондонцев можно было уподобить пчелиному рою, вечно занятому своим делом, но если тронуть – весьма опасному»⁵. Средний возраст людей того времени – 25–35 лет, сам Шекспир прожил 52 года. В его пьесах множество дуэлей, судов, споров и драк. Город-улей задает ритм жизни, характерный для многих фантазеров: все они отличаются редкой работоспособностью и упорством. Работа города производит постоянный неумолчный шум: «Каждое утро Чосер просыпался на своей верхотуре от шума повозок и телег, и этот шум служил постоянным аккомпанементом всем его домашним занятиям»⁶.

Ульем, как пишет Акройд, становится и театральная среда. В Елизаветинскую эпоху появляются первые стационарные театры на

том же южном берегу Темзы, где располагались разного рода низкопробные зрелища. Театрам приходится отвоевывать зрителей у петушиных и медвежьих боев; противостоять протестантскому осуждению театра как гнезда порока и разврата. В изображении елизаветинского театра-улья мы находим смысловые параллели с картинами «войны театров» у М. Морозова: «Бен Джонсон задумал написать для театра Блэкфрайерс полемическую пьесу под заглавием “Виршеплет”. В конце этой пьесы поэт Гораций (то есть Бен Джонсон) дает “виршеплету” (то есть Марстону) рвотное средство, чтобы заставить его извергнуть написанные им слова. В обозрении “Возвращение с Парнаса”, созданном студентами Кембриджского университета, комик Вильям Кемп говорит следующее: “Ах, этот Бен Джонсон – паршивый малый! Он вывел в своей пьесе Горация, который дает поэтам рвотное средство. Но наш коллега Шекспир дал ему такого слабительного, которое подорвало его репутацию”. На что трагик Ричард Бербедрж (который также показан в обозрении) замечает о Шекспире: “Да, острый малый”»⁷.

Все это отражает шекспировский Лондон: средоточие возможностей, энергии, того самого движения толпы, которое, по Акройду, привлекает фантазеров. И даже если в шекспировских пьесах не найти детального указания на конкретные улицы, то общая атмосфера города пронизывает все его творчество: «Шекспиру не было нужды каждый раз упоминать Лондон: это суровая колыбель всего его творчества»⁸.

Лондон XIX в. в биографиях Акройда во многом сохраняет черты предыдущего периода. Он все так же энергичен, загружен, шумен, густонаселен и вдохновляет фантазеров. Среди них Чарльз Диккенс (1812–1870) и Уилки Коллинз (1824–1899), друзья и коллеги. Их романы и статьи наполнены интересом к социальной жизни города, особенно его среднего и низшего классов.

Коллинз в изображении Акройда интересуется проблемой женской эмансипации, выступает за равноправие женщин. Примером служит «Шокирующе грубая статья», написанная от лица женщины. Замаскированный автор восклицает: «Как несправедливо, и, если мне будет позволено добавить, какая возмутительная ложь! Женщины так же плохи, если не хуже. <...> Почему не написать о них ваше следующее произведение?»⁹ В шуточной форме Коллинз упрекает современных ему авторов в отсутствии достойных женских образов в литературе. Своими романами он стремится восстановить равновесие: его героини смелее, сильнее и ярче, чем герои-мужчины. Его героини могут становиться мученицами или злодейками, но в любом случае они будут ярче героев и злодеев. Кроме того, Коллинз пишет юмористические статьи с зарисовками из жизни. Героями и героинями его статей становятся люди, так или иначе нарушающие правила приличия: прерывающие беседу на самом интересном месте,

рассказывающие незнакомым людям о личных делах и т. п. Конечно, социальная значимость творчества Коллинза не может сравниться с социальной проблематикой романов Диккенса, но он дает своеобразный срез нравов лондонского общества.

Диккенс же, настаивает Акройд, стремится показать не только комическое, но и трагическое в жизни города. В «Очерках Боза» можно найти виртуозные сочетания несочетаемого: очерк о соседях начинается рассказом о гуляке и шумной компании, а заканчивается смертью юноши, который так распоряжается о своих похоронах: «Мама, милая мама, похорони меня в открытом поле – где хочешь, только не в этом ужасном городе. Я хотел бы лежать там, где ты могла бы видеть мою могилу, но только не здесь, не в этом тесном, душном городе. Эти многолюдные улицы убили меня»¹⁰. Жестокость Лондона отчасти смягчается у Диккенса красотой города: «Проходит час; шпили церквей и крыши самых высоких зданий чуть озаряет свет восходящего солнца, и постепенно, почти нечувствительно, улицы начинают оживать. Потянулись на рынок подводы с товаром: вон сонный возница сердито понукает усталых лошадей или тщетно пытается разбудить мальчишку, который сладко спит, растянувшись на корзине с фруктами, и уже не помнит, как давно и страстно мечтал поглядеть на Лондон со всеми его чудесами»¹¹. Акройд вместе с Диккенсом внимательно рассматривает родной город, видит его красоту и уродство.

Отдельные очерки посвящены районам Лондона, например, «Сэвен-Дайелс» или «Гринвичская ярмарка». Автор рисует сценки из жизни перекрестка: «Лавки старьевщиков, скупающих всякую рухлядь, тряпки, кости, ржавую кухонную посуду, соперничают в чистоте с закусками кролиководов и продавцов птиц, напоминающими Ноев ковчег, с той только разницей, что ни одна здоровыслящая птица, будучи выпущена отсюда, разумеется, никогда уже не вернется назад. Лавки, где торгуют подержанными вещами (нечто вроде благотворительных заведений для бездомных клопов), чередуются с вывесками грошовых балаганов, объявлениями содержателей частных школ, владельцев катков для белья, составителей прошений и таперов, предлагающих свои услуги для свадеб и балов; и все это вместе составляет декоративный фон, который приятно оживляют фигуры грязных мужчин, неряшливых женщин и замурыжных ребятишек, табачный дым, мельканье волана, кучи гниющих овощей и более чем сомнительных устриц, тощие кошки, унылые псы и скелетообразные куры»¹².

В 1850-х гг. Диккенс впервые задумывается об автобиографии и возвращается к детским и юношеским воспоминаниям. Акройд пишет, что эти воспоминания поглощают писателя, становятся доминантой в «Тяжелых временах», хотя их отголоски можно найти и в других

поздних романах писателя. Хотя архитектура и топография столицы занимают значительное место в «Тяжелых временах», Диккенс создает образ города не только на сюжетном, но и на символическом уровне. Уроки Диккенса Акройд осваивает в своем первом романе «Великий Лондонский пожар», сюжет которого строится вокруг экранизации «Крошки Доррит»¹³.

Важным аспектом, привлекающим пристальное внимание Акройда, становится восприятие книг Диккенса самими лондонцами и взаимоотношения автора и читателей. Диккенс изначально пишет для среднего и низшего классов, подстраиваясь под их вкусы и интересы. Новым способом обратной связи с читателем становятся для него публичные чтения, на которых создается уютная и домашняя атмосфера: «Одним из секретов его гения была способность, несмотря на небезупречную семейную жизнь, служить воплощением домашнего уюта и семейного комфорта для своей публики»¹⁴. Читатели говорили, что он, как никто другой, смог отразить их в литературе, помог увидеть себя со стороны.

Точность отражения во многом зависит от необыкновенного внимания к деталям, характерного для творчества Диккенса и Коллинза. Акройд повествует, что последний в одном из писем просил уточнить расписание дилижансов, жалуясь, что в случае ошибки его завалят письмами читатели. Диккенс же был не настолько точен в деталях, касающихся непосредственно города, но его герои зачастую представляют очень узнаваемых городских персонажей, недаром Диккенсу несколько раз угрожали обвинением в клевете.

Совсем другим показан Лондон в поэзии Т. С. Элиота (1888–1965). В модернистской поэзии, порожденной опытом жизни в большом городе, центральной становится тема современного города как воплощения хаоса, разобщенности, непостижимости жизни. Соответственно, на первый план творчества Элиота, как показывает Акройд, выходит сам город. В нем царствуют туман («Туман своею желтой шерстью трется о стекло // Дым своей желтой мордой тычется в стекло»¹⁵) и дым, а утро не просыпается, а приходит в сознание от едкого пивного перегара улиц. Темза загрязнена пустыми бутылками, бумагой от бутербродов, а нимфы, которые жили здесь раньше, уехали. В конце поэмы «Бесплодная земля» встречается название народной песни «Лондонский мост падает», передающее ощущение элиотовского Лондона вообще: грязный, туманный, сонный, тревожный город, который скоро будет стерт с лица земли. Акройд в биографии Элиота подчеркивает, что поэт характеризует Лондон не как город, а как преисподнюю. В стихотворении «Путешествие волхвов» волхвы жалуются на враждебность городов. При этом Элиот – глубоко лондонский поэт и драматург. Джон Бетчмен в сборнике статей, опубликованном по результатам симпозиума в честь

семидесятилетия поэта, пишет о любви Элиота к этому городу: «Любовь к Лондону начинается с симпатии к Сити – сердцу Лондона и его старейшей части. Ни один поэт со времен Ленгленда и “Лондонского растратчика”¹⁶ не описывал шум и запахи Сити так живо, как Элиот»¹⁷.

Образ города, согласно биографиям Акройда, эволюционирует в произведениях фантазеров. Ранние авторы вдохновлялись энергией и движением города, черпали образы на его улицах, Шекспир в своих пьесах широко использовал фразы и выражения, услышанные на лондонских улицах.

Фантазеры XIX в. сделали город основой своих произведений. На страницах их романов господствует социальная проблематика. Акройд анализирует в их творчестве своеобразные «портреты в лондонских интерьерах»: женщина, пытающаяся добиться пересмотра вердикта, дети в приютах, долговая тюрьма и многое другое. Лондон заражает горожан своей суетливостью, тревогой, сеет в них мечты и надежды, иных наделяет желанием действовать вопреки всем преградам.

В XX в. город, как утверждает Акройд, вышел на первый план. Он стал полноценным героем поэзии такого наиболее чуткого к духу времени поэта, как Т. С. Элиот. Лондон окутан желтым туманом, люди спрятались по квартирам и пабам, отрекаясь от стремления к лучшей жизни. Рефреном звучит «Прошу поторопиться: время» («Бесплодная земля»), относящееся ко всему: и к конкретному пабу, и к тому, что время всего Лондона вышло. Такой образ обусловлен не только личностью фантазера, но и общей атмосферой XX в.: утратой веры в прогресс и человека.

Но Лондон, который позже станет героем главной книги Акройда «Лондон. Биография», со временем избавится от этой безнадежности. Он найдет в себе силы и энергию восстать из пепла и снова стать воплощением английскости, близкой Акройду.

УДК 821.512.154.09-3+929Айтматов

МОТИВ СУДЬБЫ В ПОЗДНЕЙ ПРОЗЕ Ч. Т. АЙТМАТОВА

Ю. О. Васильева

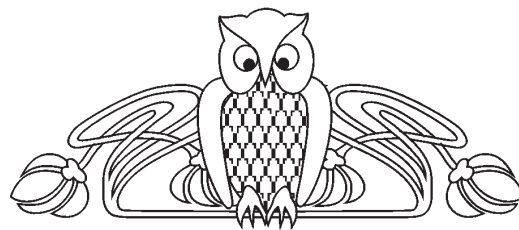
Саратовский государственный университет
E-mail: Julia5015@yandex.ru

В статье последовательно прослеживается реализация мотива судьбы в четырех романах Ч. Т. Айтматова, анализируются его семантические доминанты в каждом из произведений и выявляется эволюция этого элемента текста.

Ключевые слова: Айтматов, мотив, судьба, космизм, жертва, эсхатология, гуманистическая позиция.

Примечания

- ¹ *Ackroyd P.* The Collection : Journalism, Reviews, Essays, Short Stories, Lectures. L., 2002. P. 342.
- ² *Ibid.* P. 350.
- ³ *Акройд П.* Чосер. Биография / пер. с англ. Е. Осеневой. М., 2012, С. 20.
- ⁴ Там же. С. 7.
- ⁵ Там же. С. 6.
- ⁶ Там же. С. 54.
- ⁷ *Морозов М.* Шекспир. М., 1956. URL: http://az.lib.ru/m/morozow_m_m/text_0200.shtml (дата обращения: 10.12.2014).
- ⁸ *Акройд П.* Шекспир. Биография / пер. с англ. О. Кельберт. М., 2009. С. 177.
- ⁹ *Collins W.* A Shockingly Rude Article // *Collins W.* My Miscellanies. L., 1875. P. 19.
- ¹⁰ *Диккенс Ч.* Наш ближайший сосед // Диккенс Ч. Собр. соч. : в 30 т. Т. 1. М., 1957. С. 101.
- ¹¹ Там же. С. 103.
- ¹² Там же. С. 129.
- ¹³ О влиянии «Крошки Доррит» на «Великий Лондонский пожар» Акройда см.: *Липчанская И.* Образ Лондона в творчестве Питера Акройда : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2014. С. 9–11 ; *Она же.* Образ города в литературе постмодерна : к постановке вопроса // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2012. Т. 12, вып. 3. С. 79–83.
- ¹⁴ *Ackroyd P.* Dickens. L., 1990. P. 361.
- ¹⁵ *Элиот Т.* Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфрока // Элиот Т. С. Бесплодная земля / пер. с англ. А Сергеева. М., 1971. С. 20.
- ¹⁶ В «Петре-пахаре» Уильяма Ленгленда (1370–1390?) описывается лондонский район Корнхилл; в сатирической балладе «London Lyeckrennu» (XV в.) в истории о злочлочениях жителя кентской деревни, который приезжает в Лондон в поисках правосудия, Джон Лидгейт впервые дает живую картину уличной жизни в разных районах Лондона.
- ¹⁷ *Beijeman J.* T. S. Eliot the Londoner // T. S. Eliot. A Symposium for His Seventieth Birthday / ed. by N. Braybrooke. L., 1970. P. 193.

The Motive of Fate in the Late Prose by Ch. T. Aitmatov

Yu. O. Vasilyeva

The article consistently traces the actualization of the fate motive in four novels by Ch. T. Aitmatov; his semantic key points are

analyzed in each work and the evolution of this text element is revealed.

Key words: Aitmatov, motive, fate, cosmism, victim, eschatology, humanistic view.

Авторы эпических произведений, создавая автономный художественный мир, осмысленно или неосмысленно закладывают в него свое видение судьбы. В зависимости от мировоззрения художника оно может тяготеть к одной из философско-религиозных систем, а может быть авторским.

Уникальность творческой индивидуальности Ч. Т. Айтматова в том, что в его произведениях соседствуют образы и идеи разных культур. Этот писатель использует среднеазиатские мифы и создает собственные. Вместе с тем он обращается к мировым религиям. Чингиз Айтматов изображает мусульманскую молитву Буранного Едигея, почти всю жизнь прожившего в советское время, когда повсюду насаждался атеизм; пытается показать нравственные искания воспитанного в православной традиции изгнанного из семинарии за ересь Авдия Каллистратова; создает образ самопровозглашенного космического монаха, который обращается к папе римскому, однако автор в одном из интервью¹ назвал его «полирелигиозным», «политехническим». При этом в айтматовских произведениях постоянно дает о себе знать мотив судьбы. Г. Д. Гачев выделил его как основополагающий наряду с мотивом слова и мотивом любви².

Итак, попытаемся проследить реализацию мотива судьбы на разных уровнях текста в каждом из романов Чингиза Айтматова.

Мотив судьбы дает о себе знать уже в заглавии романа «И дольше века длится день». Оно наводит на размышления о трансформации времени. Целый век как бы «упакован» в один день. Из повествования мы узнаем, что основной пространственно-временной континуум (без малого двое суток на Буранном полуострове, что затерялся среди сарозекских степей) расширяется до вселенского хронотопа. Попытка показать связь между затерявшимся в степи полуостровом и Вселенной уже настраивает читателя на определенные мысли о судьбе. Чувствуется, что для автора одинаково важны события и на Общепуре, где решается будущее планеты, и в селении из восьми домов; между этими, малосвязанными на первый взгляд, хронотопами существует незыблемая связь.

Если рассматривать фабулу романа «И дольше века длится день», может показаться, что Ч. Т. Айтматов изображает судьбу исключительно в социальном ключе. В центре романа судьбы нескольких железнодорожных рабочих, на жизнь которых повлияли коллективизация (смерть отца Казангапа), война (контузия Едигея, плен, побег и партизанская деятельность Абуталипа), послевоенные репрессии (гибель Абуталипа), смерть И. В. Сталина, оттепель и наконец покорение космоса и вместе с тем забвение истории и мораль-

но-нравственных основ бытия. Для Айтматова важно, как он сообщает в предисловии, описать жизнь «человека трудолюбивой души» в контексте истории страны. «Рядовой человек испытывает социальные отношения, в которых он пребывает, как род длящегося фона, на котором выделяются лишь отдельные случаи. Он их испытывает, как испытывает вкус хлеба насущного <...> Он в них заключен. И эта заключенность в свою очередь воспринимается как власть, как гнет, как судьба»³. Подобное, несколько девальвированное понимание судьбы было характерно для официальной литературы конца 1970-х – начала 1980-х гг.

Однако айтматовская судьба не исчерпывается социальной детерминацией. Сильнее всего это чувствуется в «Белом облаке Чингисхана» – легенде, интегрированной в роман в 1990 г. С одной стороны, сотник Эрдене и его возлюбленная вышивальщица знамен Догуланг полностью находятся во власти хагана, который предстает здесь стоящим выше на социальной лестнице человеком. С другой стороны, Ч. Т. Айтматов пишет, что именно судьбе было угодно привести к власти Чингисхана. Покоривший немало племен правитель, что решил завоевать весь мир, подвластен воле высшей силы точно так же, как и его подчиненные. Скорее, Чингисхан просто на некоторое время призван быть проводником судьбы. Айтматов замечает, что «жизнь могла бы уготовить отчаянному сироте судьбу лихого налетчика-конокрада, кем он был поначалу»⁴. Обратим внимание на еще одну деталь: в легенде благополучие властителя олицетворяет облако – эта деталь подчеркивает, что и его жизнь зависит от Неба. Получается, что социальная детерминация – по сути, сценарий Судьбы.

Активно функционирует мотив судьбы на уровне архитектоники романа. Признак его реализации мы усматриваем в «поэтике взаимно прорастающих сюжетов»⁵. Прежде всего критики относят к взаимопроникающим сюжетам легенду о манкурте и ситуацию перед космодромом, когда похоронной процессии не разрешают проехать к кладбищу. Мотив запретной любви объединяет подобным образом легенду о Раймалы-Аге, чувство Едигея к Зарипе и буйство Каранара как в какой-то степени двойника Едигея. Третий взаимно прорастающий сюжет – кара, настигшая старшего дозорного Эрдене и его возлюбленную, вышивальщицу Дауланг. В начале 2000-х гг. Айтматов считает необходимым эксплицитно обозначить связь сюжета, относящегося к Средневековью, со сталинскими репрессиями. Он пишет в новелле «Препоручение Богу»: «И теперь он [Абуталип] понимал, что та же сарозекская история приключилась, по сути дела повторилась, и у них на веку, теперь уже в двадцатом веке, в послевоенную пору. Он знал об одной женщине, что не отрелась от своего мужа («империалистического агента»!) и родила дочь уже в ГУЛАГе...»⁶

Взаимно прорастающие сюжеты, как особенность романной архитектоники, указывают на то, что жизнь всего сущего (людей разных времен и животных) развивается по одним и тем же законам. Повторяющиеся сценарии развития событий подтверждают наличие определяющей многое силы. Условно эту силу и можно назвать судьбой.

При этом в картине мира Айтматова нет иерархических связей между человеком и человечеством, между затерявшимся в степи полустанком и всей земной цивилизацией. Более того, на судьбу человека и большое, и малое способно оказать одинаково сильное влияние. Об этой особенности мировосприятия киргизского автора писала Л. Е. Герасимова: «Судьбу Едигея определяют в романе и война, и послевоенные испытания, и решение на “Конвенции”, но определяют ее и встречи с Казангапом, Елизаровым, Абуталипом и Зарипой, собственная совесть, постоянная духовная работа. <...> Судьба человека и человечества связаны прямо, а не только опосредованно. Так же неразрывно смысл жизни человека и человечества – и в большом, и в малом»⁷. Такая тесная связь между разноуровневыми пластами бытия, судьбами людей и животных, отдаленными друг от друга пространством и временем, на наш взгляд, является доминантой судьбы в первом романе Айтматова.

Эта составляющая концепции айтматовской судьбы характерна и для следующих произведений автора, однако она развернется несколько иными гранями. В «Плахе», во-первых, Авдий в словесной схватке с главой хунты Гришаном заявляет, что «не бывает изолированных судеб, нет отделяющей судьбу от судьбы грани, кроме рождения и смерти. А между рождением и смертью мы все переплетены, как нити в пряже»⁸. Во-вторых, в следующем романе Чингиза Айтматова, как и в «И дольше века длится день», мир людей и мир животных изображаются как два единства. Если представитель одного единства причиняет зло представителю другого единства, это зло обязательно вернется, но, скорее всего, не непосредственно к злодею, а к его сородичу (трагедия Акбары и Бостона).

В «Тавро Кассандры» подобное противопоставления мира животных и мира людей почти полностью снято. Образы выбрасывающихся на сушу китов показывают, что все существа, населяющие нашу планету, равны перед опасностью. Более того, появление тавра словно приравнивает человека к животному перед лицом судьбы: ведь это знак, который обычно ставят на скотине.

Личная судьба человека в «Тавре Кассандры» органично вписана в судьбу всей человеческой цивилизации. Суть фантастического предположения писателя в том, что «... зло, совершенное субъектом, не уходит физически вместе с ним, с кончиной его века, а остается в генетическом лесу фатальным семенем, ожидая вероятного часа икс, когда оно даст о себе знать подобно мине

замедленного действия»⁹. Таким образом, изменяется весь генофонд человечества. В нарочито заостренной, во многом публицистичной форме писатель хочет указать на антропологический кризис, выйти из которого люди смогут лишь все вместе. Сильно звучит и идея «включенности человека в цепочку поколений»¹⁰, говоря словами В. И. Вернадского.

Судьба главного героя, Роберта Борка, здесь параллельна судьбе китов, бороздящих тихий океан, однако самобытности анималистической линии уделено несколько меньше внимания, нежели в других произведениях: киты и кремлевская сова даны схематично.

Зато в последнем романе Чингиза Айтматова («Когда падают горы (Вечная невеста)») сюжет построен как раз на параллели судьбы человека, Арсена Саманчина, и обитателя заснеженных гор Жаабарса. С самого начала Айтматов пишет об «астрологической взаимосвязи двух существ», об их «космическом родстве, в том смысле, что могли они родиться волею тех же судеб под одним знаком зодиака»¹¹. К размышлениям о взаимосвязи всего на планете здесь подталкивает и восприятие гибели человека как падения горы, т. е. конца истории.

Правда, в сочетании с другими семантическими составляющими доминанта мотива судьбы в каждом из произведений заметна изменяется.

В «Плахе» ее вытесняет восприятие судьбы как жертвы. Подобное значение обнаруживает себя уже в заглавии. Плаха – место казни, насильственного прерывания жизненного пути. Смерть очень тесно связана с судьбой. В произведении киргизского писателя эта связь усиливается еще и тем, что главные герои сами жертвуют собой во имя нравственных идеалов. В одном из первых интервью Айтматов пояснял: «Плаха – это не только помост, где совершают казнь, лобное место. Человек в течение всей своей жизни так или иначе оказывается перед плахой. Иногда он восходит на эту плаху, естественно, физически оставаясь живым, иногда не восходит»¹².

В романе Авдий как будто ищет судьбу, однако писатель прямо говорит о тщетности подобного поиска: «Люди ищут судьбу, а судьба – людей... И катится жизнь по тому кругу... И если верно, что судьба всегда норовит попасть в свою цель, то так оно и случилось на этот раз»¹³. Создается впечатление, что Авдия направляет некая-то высшая сила, а собственная идея. Герой идет на страдания, чтобы предотвратить преступления других людей – он верит, что именно в этом его предназначение. Один раз, когда гонцы за анашой сбросили героя романа с поезда, чудо, а возможно, сама судьба, уберегли его. Но Авдий, ни в чем не сомневаясь, восходит на плаху второй раз и погибает.

Идея судьбы как жертвы кажется родственной христианской, однако такое сходство в большой степени формально. Для писателя важно показать не человека, что стремится разгадать замысел

Божий, а готового на все ради ближних героя. Позже в интервью¹⁴ Чингиз Айтматов скажет, что он создавал образ Авдия Каллистратова как вызов инертности молодых людей. Человек, по Айтматову, должен постоянно чувствовать свою ответственность за то, что творится во всем мире. В то же время он привязан именно к земной жизни, к обществу, а не пытается обратиться к Небу, хотя и говорит анашистам именно о Боге. В этом, на наш взгляд, гуманистическая, внерелигиозная основа айтматовской судьбы.

Идеи жертвенности не было в романе «И дольше века длится день», однако с «Плахи» она становится постоянной в творчестве писателя. Пытаясь раскрыть людям глаза, заставить их задуматься над открытием русского генетика, гибнет Роберт Борк. На орбите сводит счеты с жизнью и сам Андрей Крыльцов, объявивший себя монахом Филофеем: «...какой-то высший замысел был в том, чтобы его судьба послужила уроком. Да. Но какой ценой?! Но цена на таком пути всегда велика. Был ведь однажды великий Урок на все времена. Цена была – Голгофа. У каждого своя цена. Этот заплатил свою цену в космосе»¹⁵.

В жертву приносит себя и Арсен Саманчин, герой последнего романа Чингиза Айтматова. В финале «Вечной невесты» опять-таки звучат слова об искуплении чужой вины: «Пусть буду я жертвой, тобой принесенной, и никто не узнает о том, на что ты готов был в преступном озверении своем. Я сам повинен – перед собой, не перед тобой. Так пусть стану я твоей жертвой и твоим искуплением, бог с тобой»¹⁶.

Только идея плахи, жертвы в прозе 1990–2000-х гг. тесно переплетается у Айтматова с эсхатологическим восприятием судьбы. В «Тавре Кассандры» писатель рационализирует судьбу, смешивая непознаваемое в принципе и предсказуемое, изучаемое в рамках науки о будущем футурологии. Завязка романа в том, что ученый, бывший советский генетик получает возможность распознавать человеческие эмбрионы, которые в утробе матери сигнализируют о своем нежелании родиться на свет, предчувствуя свою горькую участь. «Открытие Филофея свидетельствует о том, что наше самосознание деформировано на генетическом уровне, деформировано по вине самого человека, из поколения в поколение живущего вопреки идеалам Мировой души. <...> Это и будет концом света. Иначе говоря, конец света заключен в нас самих»¹⁷.

На фабульном уровне читатель почти не чувствует писательской веры в то, что катастрофы, вырождения человеческого рода возможно избежать. Открывшаяся истина, знание об угрозе конца света лишь провоцирует агрессию; задумаются над глубинными причинами предрекаемой катастрофы только Роберт Борк да Энтони Юнгер. Однако разъяренная толпа избивает до смерти футуролога, который попытался объяснить суть открытия кассандро-эмбрионов. Наблюдающий за

расправой над своим последователем и беспорядками на пяти континентах Филофей уничтожает оборудование, которое выявляло тот сигнализирующий о приближающейся катастрофе знак на лбу рожениц, и сводит счеты с жизнью в космосе.

Однако на композиционном уровне трансформируется идея о том, что преобразование человека, его самосовершенствование еще возможно. Уже после развязки основной сюжетной линии читатель узнает о перерождении Андрея Крыльцова, который превратился из «Мефистофеля биологической науки» в готового отдать жизнь за человечество космического монаха. Так же преобразиться может любой – эта мысль все-таки, на наш взгляд, преодолевает эсхатологические настроения.

В романе «Когда падают горы (Вечная невеста)» идея рукотворного конца истории звучит еще пронзительнее – эсхатологический мотив появляется уже в заглавии произведения. Правда, идея падения гор как конца истории сразу уравновешивается обращением к вечности в подзаголовке книги. Весь сюжет растягивается между концом истории и вечностью, словно между двумя полюсами. Будущее человечества представляется зависимым от того, как каждый из живущих на Земле решит дилемму, совпадающую с названием вставного текста – рукописи Арсена Саманчина «Убить – не убить».

Главные герои последнего романа (Арсен Саманчин и барс, Ташафган и отправляющийся на войну Сергей) находятся в пороговой ситуации: всем им предстоит сделать выбор между убийством, как крайним проявлением зла, и смирением.

Отношения между судьбой и человеческим выбором у Айтматова построены неоднозначно. Не однажды в тексте упоминается о том, что у человека есть выбор, пока он не переступит за какую-то черту, не войдет в ту дверь, за которой уже стоит судьба, как проводник, от которого никак не отделаешься. Такой образ создается в эссе Саманчина «Незримые двери, или Формула обреченности». В этом ключе судьбу понимает Г. Д. Гачев: «Судьба по сценарию писателя-мастера вгоняет человека в капкан последнего и единственного решения, поступка, в котором должен полностью сказаться состав его личности, каким она выпестовалась за долгую жизнь. Концентрическими кругами, как на гарроле, сжимается пространство свободы выбора»¹⁸.

Мы помним, что герои предыдущих романов – Авдий Каллистратов, Роберт Борк, Андрей Крыльцов – делали его сознательно, жертвуя при этом собой. Однако и в тех романах Айтматов указывает на порог, переступив который, изменить судьбу нельзя. В «Плахе» есть эпизод, когда Базарбай вместе с провожатыми увозит из дома Бостона волчат. Автор замечает, что «в тот час ночь накрыла своим звездным покровом все – и горы, и небо, и озеро вдали, чья могучая горбатая»

щаяся спина еле угадывалась в темноте. И трое всадников, балагурия, ехали к Таману и не подозревали, что той ночью завязались крепким – не распутаетесь – узлом тяжкие судьбы...»¹⁹

В «Тавре Кассандры» таким определяющим все моментом становится разговор Роберта Борка и Ордока, когда футуролог высказал свое отношение к Филофею: «С этого часа судьба его оказалась зависимой от судьбы Ордока. А, с другой стороны, также совершенно немыслимым образом оказалась увязана с судьбой Филофея, находившегося в тот час на орбите»²⁰.

Тут, на наш взгляд, в прозе писателя выявляется противоречие между человеческим выбором и влиянием судьбы. В некоторых концепциях непосредственно выбор рассматривают как инструмент высшей силы, однако все же это не соответствует пафосу произведений Айтматова.

В последнем романе выбор есть у Арсена, даже в школе, когда озлобленный Ташафган рассказывает ему план захвата заложников и угрожает расправой. Однако морально-нравственная высота не позволяет герою участвовать в теракте, а уважение к однокласснику не дают предупредить об опасных замыслах остальных односельчан. При этом пример Ташафгана помогает Арсену укрепиться в своем стремлении к добру, переоценить собственное отношение к возможности прервать жизнь другого, пусть и безнравственного, человека (за несколько дней до встречи с одноклассником Арсен был готов на убийство Эргаша Курчалова).

Еще острее дилемма «Убить – не убить» звучит в эпилоге «Вечной невесты». Фаталистический взгляд на историю в этом повествовании усиливается. Так, в экспозиции вставного рассказа говорится, что «к этому великому действу (речь о сражениях Великой Отечественной войны. – Ю. В.), когда из всего сущего только солнце останется не забрызганным кровью, в края, покинутые птицами, судьба сгоняла в ту пору многих людей, быть может, родившихся на свет именно для этого рокового события»²¹.

После встречи с цыганкой о войне размышляет Сергей, серьезный, начитанный, но еще совсем не знающий жизни юноша. «И опять подумалось ему, что есть какая-то сила над всеми и над каждым, которая называется судьбой. И никто не властен остановить ее или объяснить. Наверное, от судьбы – война, от судьбы – жить или не жить, победить или не победить»²².

Однако в ситуации этой предопределенности у человека есть выбор между Добром и Злом. Чингиз Айтматов до предела заостряет мысль. Сергей отправляется на фронт, а мать напутствует его словами о том, что убивать недопустимо. Здесь бессмысленно обвинять писателя в пацифизме. Он понимал, что для защиты родины можно и нужно взять в руки оружие. Нам видится в этих словах не столько напутствие матери, сколько художественный прием, позволяющий усилить морально-нравственный посыл романа.

Заметим, что это лишь одна, умозрительная, если можно так выразиться, сторона концепции судьбы в позднем творчестве Айтматова. На наш взгляд, чем больше внимания киргизский писатель уделяет образу судьбы, тем неоднороднее и противоречивее становится его семантика.

Вспомним, что в «Плахе» есть еще одно весьма опосредованно связанное с идеей жертвы понимание судьбы. Ее воля чувствуется в смерти Эрناзара, кончине Арзыгуль, любви Бостона и Гулюмкан, гибели Кенжедеша, трагедии синеглазой волчицы Акбары.

Отметим, что первое упоминание судьбы в романе появляется при описании поведения Акбары. Волчица, испуганная вертолетами, «продолжала скулить, жалобно взывая то ли к несправедливому небу, то ли неизвестно к кому, то ли к судьбе своей несчастной, и долго еще дрожала всем телом <...>»²³. Животное здесь антропоморфно – оно чувствует и даже, возможно, просит о чем-то судьбу, как это обычно делает человек.

Линия Акбары и Ташчайнара в «Плахе» является сквозной с точки зрения архитектоники. Гибель трех выводков волчат нельзя считать случайной. Конечно, в том, что случилось с детенышами Акбары, чувствуется воля автора-публициста, желающего заострить внимание читателей на экологической проблематике. Но все же в предельно драматичном финале ощущается воля непознанной до конца автором судьбы, чем-то схожей с Роком античных трагедий.

Еще больше выбивается из общей концепции сюжет, связанный с Эрназаром. В тексте не однажды возникают указания на то, что его гибель не случайна. Напомним, этот герой провалился в расщелину в горах. Согласно многим верованиям, подобная катастрофа происходит по воле судьбы. В романе она представлена как крайне неожиданная. В первую секунду Бостон даже не может понять, что произошло. Сам Уркунчиев дважды был на волосок от гибели: сначала он чудом обошел расщелину, поглотившую его друга, а потом в тот момент, когда «кинулся к тому месту, где клубился снег, и лишь чудом остановился, отпрянул – перед ним зияла пропасть. Черным мраком и мерзлотной стужей веяло из того провала»²⁴. Но в тот момент судьба уберегла одного из главных героев от смерти.

Направляющая сила судьбы чувствуется и в том, что Бостон женится на вдове своего друга. «Ведь никогда не думали они – ни он, ни она, – что доведется им стать мужем и женой и что народится у них сын: ведь если б не погиб ее прежний муж Эрназар на перевале и если б не умерла вслед затем первая жена Бостона Арзыгуль, никогда бы этому не бывать»²⁵. Судьба словно намеренно сводит этих героев вместе. Перед смертью, в больнице, Арзыгуль сама подталкивает их друг другу.

На наш взгляд, в этой сюжетной линии проявляется воля непознанной до конца самим автором судьбы. Со времен написания «Плахи» она стано-

вится постоянной в айтматовском творчестве. На борту самолета Роберт Борк (с ним, на наш взгляд, здесь солидаризируется автор) думал о том, что судьба «никогда никому не откроется ни сегодня, ни завтра, ни через тысячу лет»²⁵. Еще отчетливее такое понимание судьбы прослеживается в «Вечной невесте». В самом начале романа читаем: «Никто не волен знать наперед, что написано ему на роду»²⁶. И еще во втором абзаце произведения: «...кто бы мог вообразить себе событие, которое оказалось за пределами человеческого разумения и если на то пошло, то, пожалуй, и за пределами божественного промысла»²⁷.

В последнем романе Чингиза Айтматова «Когда падают горы (Вечная невеста)» мотив судьбы отчетливее, чем во всех других, проявляется на образном уровне. При описании силы, что управляет жизнями людей и животных, активен прием олицетворения. Это можно заметить рассматривая предикативный ряд, относящийся к судьбе. Итак, айтматовская судьба «поспешает, спохватившись в дозоре», «хватается за дела свои неотложные», «дарует», «избавляет от назойливости», «уготавливает», «предопределяет», «приводит» героев в хайдебергский парк, «точно и недвусмысленно дает понять» и т. д. В романе упоминается о «прихотях судьбы». Создается впечатление о какой-то самодержавной и отчасти склонной к спонтанным поступкам госпоже. Далеко не все у нее предопределено заранее.

Все эти цитаты, на наш взгляд, указывают на неполноту представленной нами концепции айтматовской судьбы. Мы склонны объяснять несоответствие самой природой романного повествования. В произведениях Айтматова, с одной стороны, Судьба не постигнута до конца автором произведения, а с другой, писатель пытается вывести метафорический, мощно воздействующий на читателя образ судьбы, который заставит человека оглянуться, вспомнить о совести, задуматься о вечном.

Примечания

- ¹ См.: Айтматов Ч. «Сокровенное слово рождается во внутренней полемике»: Беседа с обозревателем «ЛГ» Борисом Евсеевым // Лит. газ. 1994. № 26 (5506).
- ² См.: Гачев Г. О том, как жить и умирать // Айтматов Ч. Когда падают горы (Вечная невеста) : Роман, повесть, новелла. СПб., 2006. С. 5–16.
- ³ Гартман Н. К основоположению онтологии. СПб., 2003. С. 206.

- ⁴ Айтматов Ч. Белый пароход. И дольше века длится день. Плаха. М., 2013. С. 307.
- ⁵ Левченко В. Чингиз Айтматов : Проблемы поэтики, жанра, стиля. М., 1983. С. 204.
- ⁶ Айтматов Ч. Белый пароход. И дольше века длится день. Плаха. С. 483.
- ⁷ Герасимова Л. Прогностическое начало в романе как новая мера его эпичности («Последняя прогулка» Л. Леонова, «И дольше века длится день» Ч. Айтматова) // Проблемы истории культуры, литературы, социально-экономической мысли : межвуз. науч. сб. Саратов, 1984. С. 16–25.
- ⁸ Айтматов Ч. Белый пароход. И дольше века длится день. Плаха. С. 591.
- ⁹ Айтматов Ч. Тавро Кассандры : Роман, повести. СПб., 2007. С. 41.
- ¹⁰ Цит. по: Семёнова С. «Конец света заключен в нас самих...» // Айтматов Ч. Тавро Кассандры: Роман, повести. С. 5–19.
- ¹¹ Айтматов Ч. Когда падают горы (Вечная невеста). СПб., 2008. С. 19.
- ¹² Цена – жизнь : Беседа с И. Ришиной // Айтматов Ч. Статьи, выступления, диалоги, интервью. М., 1989. С. 304.
- ¹³ Айтматов Ч. Белый пароход. И дольше века длится день. Плаха. С. 677.
- ¹⁴ Как слово наше отзовется : Диалог с Н. Анастасьевым // Айтматов Ч. Статьи, выступления, диалоги, интервью. С. 304.
- ¹⁵ Айтматов Ч. Тавро Кассандры : Роман, повести. С. 272.
- ¹⁶ Айтматов Ч. Когда падают горы (Вечная невеста). С. 233–234.
- ¹⁷ Айтматов Ч. Тавро Кассандры : Роман, повести. 140.
- ¹⁸ Гачев Г. Указ. соч. С. 9.
- ¹⁹ Айтматов Ч. Белый пароход. И дольше века длится день. Плаха. С. 698.
- ²⁰ Айтматов Ч. Тавро Кассандры : Роман, повести. С. 89–90.
- ²¹ Айтматов Ч. Когда падают горы (Вечная невеста). С. 243.
- ²² Там же. С. 258.
- ²³ Айтматов Ч. Белый пароход. И дольше века длится день. Плаха. С. 489.
- ²⁴ Там же. С. 729.
- ²⁵ Там же. С. 699.
- ²⁶ Айтматов Ч. Тавро Кассандры : Роман, повести. С. 25.
- ²⁷ Айтматов Ч. Когда падают горы (Вечная невеста). С. 19.
- ²⁸ Там же.

УДК 821.161.1.09-1+929[Амелин+Гораций]

АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ В «ХОЛОДНЫХ ОДАХ» М. АМЕЛИНА

Е. А. Разумовская

Саратовский государственный университет
E-mail: razumovskaja@mail.ru

В статье рассматривается античность как одна из важнейших составляющих творчества современного российского поэта Максима Амелина. Максим Амелин, переводчик Пиндара и Катулла, известен своим пристрастным отношением к античной культуре, которая, наравне с отечественной стиховой традицией XVIII столетия, является опорой его творчества. Автор статьи анализирует специфику существования античной традиции и, в частности, поэтической теории и практики римского поэта Квинта Горация Флакка в первом поэтическом сборнике Амелина «Холодные оды».

Ключевые слова: Гораций, Амелин, интертекстуальность, лирический герой, традиция.

Antique Tradition in the «Cold Odes» by M. Amelin

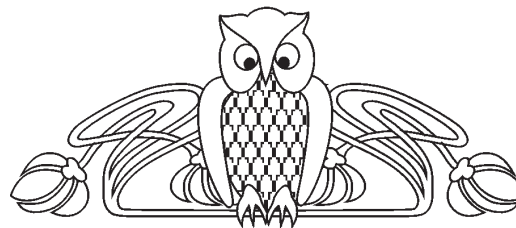
E. A. Razumovskaya

The article dwells upon the antiquity as one of the most important components M. Amelin's poetry. The Russian contemporary poet and well-known interpreter of Pindar's and Catullus's poems, Maxim Amelin is known for his passion for the classical culture which as well as the Russian verse tradition of the XVIII century is a basis of his creative work. The article analyses the specifics of the poetic theory and practice of Horace in the first Amelin's book «Cold Odes».

Key words: Horatius (Horace), Amelin, intertextuality, persona, tradition.

В первом авторском сборнике «Холодные оды» (1996), получившем прекрасные отзывы в печати, Максим Амелин в полный голос заявил свое поэтическое кредо. В первую очередь, это ориентация на отечественную поэзию допушкинской поры и на классическую античность. Тематика сборника обширна: пошлая рекламная современность и героический век, поэзия (поэтический язык) и быт. Дихотомия сборника очевидна: поэтический мир М. Амелина словно сконструирован из двух: ощущение себя в одном мире и тяга к другому, недоступному, составляют, пожалуй, основную черту сборника.

Ориентация на старые образцы в «Холодных одах» задана уже заглавием. Что касается эпитета – а эпитеты, как мы далее увидим, в поэтике «Холодных од» весьма значимы и точны, – то «Малый академический словарь» (М., 1957–1984) приводит к слову «холодный» 11 значений, из которых нас интересуют: «7. только полн. ф. Находящийся, лежащий и т. п. за пределами умеренного пояса в направлении к полюсу. Северный. 8. перен. Лишенный пылкости, страстности. Лишенный живого чувства, рассудочный. 9. перен. Хладнокровный, крайне сдержанный в проявлении чувств. Основанный на доводах рассудка. Лишенный душевной

теплоты, суровый, строгий, недоброжелательный». Таким образом, заглавие сборника может быть прочитано как «северные» или же «рассудочные» песни. Держа в уме античную ниточку, которая связывает амелинский первый сборник с традицией жанра, легко ассоциативным путем¹ выйти на «Скорбные элегии» и «Понтийские послания» Овидия, а также на «петербургский текст» («Вздорные оды» А. Сумарокова, ахматовские «Северные элегии» и др.).

Для понимания отдельных стихотворений и сборника в целом важно помнить, что М. Амелин ориентируется не на известную по образцам поэзии Тредиаковского, Ломоносова, Петрова, Державина торжественную пиндаровскую оду, но на забытую и стертую из истории отечественной поэзии горацанскую одическую традицию. Поскольку сам Амелин говорит о своей ориентированности на отечественную версию классицизма (конец XVII–XVIII вв.), то одические мотивы в его творчестве, по меньшей мере, ожидаемы. Но горацанская ода пришла на отечественную почву прежде пиндаровской – вместе с польской неолатинской силлабикой².

Следуя своему стремлению заполнять «белые места» отечественной поэтической традиции³, М. Амелин обращается именно к этой ее странице, вычеркнутой напрочь позднейшей пиндаровской традицией благодаря не только историческим, но и социальным предпосылкам: «...отрицательные коннотации горацанской оды указывали на духовную школьную среду... во второй половине XVIII в. литературная деятельность становится по преимуществу дворянским занятием. Эта дворянская литература противостояла культурному миру духовенства, которое <...> состояло из лиц недворянского происхождения, т. е. представителей духовного сословия, на которое дворянство смотрело как на плебеев; соответствующим образом оценивалась и их литературная продукция»⁴.

В «Холодных одах» Максим Амелин следует в главных чертах поэтике Горация, избирая его своим поэтическим ориентиром. Прежде всего, это касается особой затрудненности стиха и языка. Причину этому мы видим в том, что в своих «Холодных одах» Амелин, на наш взгляд, старается следовать «сложнейшей, изощреннейшей поэтической технике античного искусства... от которой современный читатель давно отвык»⁵, но которой в совершенстве владел Гораций: чтобы читать амелинские «Холодные оды», ориентированные

на образцы Горация, «читатель должен прежде всего освоиться с приемами его поэтической техники, с тем, что античность называла “наука поэзии”. Только тогда перестанут нас смущать трудные ритмы, необычные расстановки слов, звучные имена, прихотливые изгибы мысли. Они станут не препятствиями на пути к смыслу поэзии Горация, а подспорьями на этом пути...»⁶

В метрическом разнообразии современный поэт не может угнаться за «обильным размерами» древним мастером, как называли Горация современники. Но «искусное “косноязычие”» (Т. Бек), «амелинский “вьющийся синтаксис” ... наряду с чудовищными инверсиями», который «выращен из “корявых” стихов – что там допушкинской! – дожуковской, докарамзинской поры» (И. Роднянская), «лексика, некоторым резавшая слух похлеще обценной» (Д. Бак), а также множественные переносы и аллюзии – все это затрудняет чтение не хуже, чем у Горация.

Такую принципиальную затрудненность поэтического языка М. Л. Гаспаров называет созданием напряженности: «Что же дает поэтическому языку такая затрудненная расстановка слов? На этот вопрос можно ответить одним словом: напряженность... пока в нас живо это ожидание, это напряжение, мы с особенным, обостренным вниманием вслушиваемся в каждое промежуточное слово: не оно ли наконец замкнет оборванное словосочетание и утолит наше чувство языковой гармонии? <...> Гораций умеет поддержать в нас это напряжение от начала до конца стихотворения...»⁷. Сложный порядок слов и многочисленные переносы, когда «Гораций разбирает словосочетание паузой между двумя стихами, и читатель опять в ожидании»⁸, – визитная карточка амелинской поэтики.

Стихотворение «Циклопов язык» рисует язык, напряженность в котором задана искони. Между «циклоповым языком» и «древлезвонкопрекрасным» языком людей, возможно, той самой «умолкнувшей эллинской речи», для которой, кстати, характерно, напротив, обилие гласных и которую в переводе Гнедича услышал некогда Пушкин, – резкое противопоставление:

Циклопов язык из одних согласных:
шипящих, сопящих, небных, губных,
гортанных, – меж древлезвонкопрекрасных
ему не затеряться...
<...> язык циклопов суров и свят!

На фоне звуков людской речи, которыми

... восславить лепо серебро потока,
волос любимой ношную ткань,
пропеть про грустно и одиноко...

язык циклопов выпирает, как «око на голом лбу», им

сродни изрыгать проклятья столетьям
и всей вселенной трубить судьбу.

Нет равных ему в наречиях дольных,
безгласному...⁹

В стихотворении слышно откровенное восхищение «безгласным», нечеловеческим языком циклопов, даже в ущерб самому себе и своей песне: «Заткнись и ты, мой болтливый дольник...»

Критика о поэзии Амелина, особенно ранней, писала, что она сознательно осложнена устаревшей лексикой, заимствованной у поэтов XVIII столетия. Подобное усложнение поэтического языка не новинка. Примеры тому мы найдем в любой эпохе от Античности до недавнего времени. И цели, которые преследует использование данного приема, в конечном итоге сводятся к одному: к желанию показать, что поэзия – дело не для профанов; она открыта и понятна лишь посвященным. Подобное ограничение «доступа» позволяет, с одной стороны, сформировать целевую аудиторию, если так можно выразиться, с другой – приобрести статус поэта оригинального в глазах читающей публики. Нарочитое, сознательное усложнение поэтической формы редко несет в себе какое-либо сообщение, кроме указанных, если речь не идет о неких сакральных текстах. Это своеобразная манера установления контакта с читателем, когда поэт сразу расставляет акценты, демонстрируя читателю собственную табель о рангах, показывая, где его место, а где место читателя в этой системе ценностей.

Однако есть и еще одна цель, которую преследуют поэты «темного стиля»: привлечь внимание читателя к сообщению, несомому текстом. В таком случае способы и приемы усложнения текста играют роль своего рода ретардаторов, иначе – замедлителей чтения. Пожалуй, в нынешний информационный век это необходимо: из-за обилия информации, которая поступает в мозг потенциального читателя непрерывно, мозг вырабатывает механизмы защиты, учится закрываться от потока этой информации. Яркость и необычность формы привлекает внимание к образной системе стихотворения и стоящему за нею содержанию.

Но вернемся к стихотворению «Язык циклопов». В нем представлена, думается, модель идеального поэтического языка: «безгласный» язык, т. е. язык, лишенный не только гласных, но и голоса вообще, – это язык исключительно затрудненный, не воспроизводимый человеческим речевым аппаратом («люди на нем молчат») и не воспринимаемый человеческими органами слуха и мышления. Он являет собой модель языка, отражающего суровость бытия: согласные звуки – это звуки, произнесение которых связано с преодолением воздухом преград.

Таким образом, речь в стихотворении идет не только о разных языках, но и о различиях в физиологии, что влечет за собой, соответственно, различия в миропонимании, в том, что считать нормой и отклонением от нее. Нормой для человеческого языка является «древлезвонкопрекрасное» пение, гармония согласных и гласных звуков, восслав-

ляющих «...лепо серебро потока / волос любимых
нощную ткань». Это позиция сторонняя, позиция
наблюдателя. При этом позиция не уникальная, а
множественная и дающая, как следствие, множество
тем для толкования одной и той же картины мира.

Нормой для языка циклопов, детей Геи и
Урана, является «тесное сближение органов речи
между собой», и, таким образом, внутреннее
единство, цельность и неразрывность, в том числе,
и с бытием мироздания – единство телесное
и единство судьбы, а потому «языком циклопов»

сродни изрыгать проклятья столетьям
и всей вселенной трубить судьбу.

Язык циклопов – это уникальность позиции,
истинная, поскольку единственная, точка зрения.
Интересно в стихотворении разное управление
глаголов говорения, в котором отражается сущ-
ность языка циклопов, да и сам подбор этих глаго-
лов как характеристика различных языков: с одной
стороны, *на* множестве человеческих языков мож-
но «восславить лепо», «пропеть, звенеть»; с другой
стороны, языком циклопов («этим») – «сродни
изрыгать», «трубить». Подбор глаголов говорит
сам за себя. В случае с управлением использованы
предложная и беспредложная конструкции с
творительным падежом, выражая таким образом
опосредованное и непосредственно, прямое
владение языком-инструментом. Известно, что
сторонний посредник уменьшает силу орудия,
вводя на пользование им ограничения, зависящие
от собственных возможностей. Иными словами,
язык циклопов – поэтическое, т. е. творящее на-
чало, которому «нет равных в наречиях дольних».

Кстати говоря, на память приходит имя
«Яхве», что в общем контексте сборника звучит
вполне уместно: «В соответствии с запретом в
практике иудаизма (фиксированным десятью запо-
ведями) на произнесение имени бога «всуе» (Исх.
20, 7; Втор. 5, 11), имя Яхве, пишущееся по законам
еврейской письменности четырьмя согласными
буквами – YHWH (т. н. тетраграмматон), долгое
время, по преданию, произносилось вслух неслыш-
но для окружающих раз в году (в День очищения)
первосвященником, причем тайна его звучания
устно передавалась по старшей линии первосвя-
щеннического рода. С III в. до н. э. произнесение
этого имени было полностью табуировано...»¹⁰ Та-
ким образом, истинное произношение имени бога,
сакральное знание, было утрачено, а людям стали
доступны лишь различные его интерпретации.

Однако любой человеческий язык содержит в
себе зерна сакрального знания, «языка циклопов»,
и позволяет интерпретацию утраченного. Интер-
претация, толкование – одна из центральных тем
«Холодных од», как и проблема чужого/своего,
пасынка/родного и пр., которая имеет отношение
к теме двоимирия лирического героя: очень ча-
сто лирический герой выступает посредником и
толкователем сообщений между двумя мирами,

которые со-существуют в нем и для каждого из
которых он – не родной.

Привлечение внимания читателя к отдельным
словам и сочетаниям влечет за собой, как уже гово-
рилось, столь же повышенное внимание к образной
системе стихотворения: «...если напряженность
фразы нужна поэту для того, чтобы добиться об-
остренного внимания читателя к слову, то обострен-
ное внимание к слову нужно читателю для того,
чтобы ярче и осязательнее представить себе образы
читаемого произведения. Ибо слово лепит образ, а
из образов складывается внутренний мир поэзии»¹¹.

В образной системе «Холодных од» налицо та
же «удивительная вещественность, конкретность,
наглядность» образов, которую М. Л. Гаспаров
отмечает в стихах Горация. Например, в описании
менее чем реалистичной встречи с Катуллом:

На, кури <...>
Не видение, не морок –
мы с тобой, если хочешь, если надо,
чай заварим из трав, лимонных корок
и съедем по полплитки шоколада (27).

То же – в послании «Гектор – Андромахе», где
за счет весьма вещественных и бытовых деталей
Амелин оживляет для современного читателя и
приближает к его представлениям одну из самых
трогательных сцен в мировой классике (прощание
Гектора с Андромахой), создавая, быть может,
таким образом «современного Гомера»:

... поспешно пишу на обломке чьего-то щита,
Андромаха, тебе, – извини мне мой почерк
корявый.
У того, с кем придется мне драться, болтают, пята
уязвима на левой ноге, – у меня же на правой
есть мозоль роговая... (51).

Многие стихотворения «Од» имеют прямые и
косвенные отсылки к Горацию. Так, строки о чело-
веке с «седеющей головой», точно «исполнившем
свой замысел», могут напомнить строки горациева
«Памятника» (так же, как и «ряд за рядом» дней,
вполне возможно, отсылают к горациевым обра-
зам «череды лет и бега времен»):

Счастлив исполнивший точно свой
замысел (видел его во сне я), –
никнуть седеющей головой,
нет, не придется ему краснеть:
кто бы не выступил, от ворот
гостю незваному – поворот
(«Из Псалма 126», 39).

Впрочем, это лишь одна из возможных и
уместных здесь ассоциаций.

Точность исполнения творческого, точнее,
поэтического замысла понимается здесь под свер-
шением. «Острые строки», «наследство Господ-
не», выкованные и закаленные «не для битвы», без
труда закроют ворота пред «гостем незваным». По-
этическое творение – замкнутый вратами город,
на страже которого стоят «острые строки» слов,

подсказанных божеством. Вновь стихотворение возвращает нас в нашем поступательном чтении назад, к затемненному языку поэзии, закрывающему смысл пред непосвященными: «“Procul este, profani” – начертано сегодня на вратах поэзии, и нет сюда входа ни профанам-рифмоплетам, ни профанам-читателям, не желающим “расти над собой” <...> поэзия так сопротивляется духу стандартизации и “раскультивирования”»¹².

О принципе «центонности», иначе – «лоскутности» современной «профессиональной» поэзии, где «на смену искусственному засилью стихотворцев-невежд пришло закономерное преобладание стихотворцев-грамотеев» и в которой «важен сам факт угадывания-неугадывания»: «Как кроссворд заполняешь – все так легко пересекается»¹³, пишет В. Новиков, упоминая в связи с нею и имя Максима Амелина. Поэзия-кроссворд, поэзия-загадка, открытая далеко не всем, и в которой принцип лоскутного одеяла становится если не самодостаточным, то необходимым условием создания собственного лирического целого, – такое определение нам кажется вполне применимым к «Холодным одам» М. Амелина, где «от ворот / гостю незваному – поворот».

Мотив старых песен на новый лад, новых путей в поэзии:

Старую, Господи! не на лире,
песню по-новому, на псалтири
десятиструнной, воспев, свою
новую песню Тебе, под сенью
крыл венценосных рабам спасенье
предоставляющему, пою

(«Из Псалма 143», 39)

возвращает нас к творчеству Горация, который древние «эолийские напевы» перепел на италийский лад и ищет новые, нехоженые еще тропы в поэзии (19).

Анализ стихотворений, предворяющих первый в «Холодных одах» псалом, показал слияние античных и прочих образов, некое развитие их в амелинской поэзии, что вновь возвращает нас к Горацию и, шире, к античной традиции. Образ божества («Из Псалма 143»), силе которого покоряется природа, в сочетании с образом бога, дарующего поэту слова и вдохновение, мы встречаем у античных авторов и у Горация в оде к Вакху, что «кажет путь потокам и морю грань»¹⁴ и царит в суровых горах, которые «попирала лишь варварская стопа» (167), а также в обращениях к Меркурию, «светлому богу», «смягчившему нравы первобытных людей речью» (56), способному даровать поэту ласковые слова, которые смягчат сердце суровой Лидии, не отвечающей поэту на его любовь: «Тигров ты, леса за тобой умеешь / Влечь и быстрых рек замедлить течение; / Ласкам ведь твоим уступил и грозный / <...> Цербер-пес» (147).

Анализируя сборник «Холодные оды», необходимо отметить продуманную позицию

каждого из стихотворений, когда они помогают толкованию друг друга, уточняя смысл отдельных образов и деталей: первые пять стихотворений сборника встраивают сложную ассоциативную сеть образов всего сборника, вводя важнейшие темы «Холодных од»; от них тянутся связи к остальным стихотворениям. Нельзя не вспомнить о подобной же «искусной компоновке» горацевых «Од», о чем читаем, например, у знатока поэзии Горация Н. В. Моревой-Вулих: «Сегодня можно считать установленным, что оды Горация <...> были искусно скомпонованы, и автор рассчитывал, что читатель пойдет по тому пути, который был указан ему автором. Начальные оды трех книг образуют известное единство...»¹⁵

Композиционные особенности отдельных стихотворений, найденные исследователями в «Одах» Горация, можно, хотя и отчасти, обнаружить и в «Одах» М. Амелина. Нельзя сказать, что напряжение от начала к концу стихотворения падает, как это, по словам М. Л. Гаспарова, свойственно Горацию, однако же другое его замечание о том, что «в стихах Горация... самое энергичное, самое запоминающееся место в стихотворении – начало»¹⁶, можно отнести и к амелинским «Одам». Хотя для композиции стихотворений последнего скорее характерно несколько иное расположение смыслового напряжения: стихотворение «натянута» между двумя важнейшими смысловыми точками – началом и концом. Строфы внутри оказываются наполнением, развитием темы. При этом очень часто логика строфического порядка неочевидна: строфы можно переставлять внутри, выстраивая вариации смысла, но без явной его потери, тогда как первая и последняя строфы (иногда – полустрофы или даже отдельные стихи) связаны нармертво. Отсюда очень частотна рамочная, кольцевая композиция. В качестве примера приведем стихотворения «Рассказывай, рассказывай...», «Мне в Петербурге холодно» и «На смерть Тишинского». В первом случае неочевидность логики развития внутреннего повествования, с одной стороны, объясняется жанром разговора «обо всем на свете»:

Рассказывай, рассказывай, храня неопасения
по поводу, по поводу про все, что ни <...>
... о каждом чтожном случае
рассказывай, рассказывай (33).

С другой стороны, вписывается строго в кольцевую конструкцию, образованную точкой лирического «я», которая обозначена лишь частями первого и последнего стиха (повелительное наклонение в самом начале и безглагольное «Я выслушать готов» в конце), но значительно расширяется в пространстве и времени за счет внешних бытовых явлений или «чтожных случаев», данных в перечислительном порядке и словно бы от имени собеседницы.

В стихотворении «Мне в Петербурге холодно» строфы, говорящие о неприятии лирическим героем города-личности Петербурга, градуированы, расположены по возрастающей и от телесных ощущений к эмоциональным переживаниям: холодно/тесно/страшно/душно. Однако, во-первых, начальная полустрофа связана со второй полустрофой последней строфы ассонансом:

Мне в Петербурге холодно, – прости:
блестят надгробья буквами златыми
над мертвыми, рожденными расти,
впивая чай, настоянный на дыме
<...>
Пусти меня, Петрополь, не тяни, –
моя душа с твоей, увя, в раздоре:
пускай горят и предвещают горе
другим твои прогорклые огни (30, 31).

Во-вторых, в последней строфе возвращаются в стихотворение телесные ощущения («холодно» и «душно»), вырастая, однако, до уровня метафоры и замыкая композиционное кольцо.

Наконец, в стихотворении «На смерть Тишинского» композиционное кольцо связывает первую и последнюю строфы полным повтором («Здесь жил Тишинский рынок») и лирическим «я»:

... Я сюда
захаживал частенько <...>
мне представлялось... (46, 47).

Как и в стихотворении «Рассказывай, рассказывай», точка лирического «я» здесь, объединяя настоящий момент и прошлое, расширяется в пространстве и во времени за счет череды воспоминаний о себе прежнем, о реальности, близкой и дорогой тому, прежнему, и ныне изменившемуся.

Тишинский рынок, сотканный в воспоминаниях поэта из «торгующих», «разлученных пар калош», и:

Чего тут только не было! – Что было? –
Какая-то немыслимая смесь
пластинок и хозяйственного мыла,

игральных карт и контурных, ремней
армейских с «бляхой-мухой» и без бляхи,
лихих коньков и шахматных коней,
улыбчивого черепа в папахе

и от зубного порошка «Тэ-Жэ»
коробочек, и папиросных – «Ира», –
всего, что только выгодно душе
во всех концах скудеющего мира,

и вся, чего – быть может – никогда
и не бывало: лунная посуда... (47)

– это метафора времени, в котором слились напластования эпох и периодов, – «время, зримое в разрезе» (М. Амелин), и метафора человека, поскольку «вся человеческая жизнь в значительной мере откладывается в вещах как в своеобразных геологических напластованиях, по которым можно проследить смену возрастов, вкусов, привязанностей, увлечений... С каждой вещью связаны определенное воспоминание, переживание, привычка, утрата или приобретение, раздвинувшийся жизненный горизонт»¹⁷.

Такие ассоциативные связи между отдельными строфами и стихотворениями в сборнике отражают ««маятник» мысли, ее зигзагообразность, а не прямолинейность», характерный и для Горация: «Мысль поэта движется, как качающийся маятник, <...> и качания эти понемногу затихают, движение успокаивается... Гораций обладал парадоксальным искусством развивать одну тему, говоря, казалось бы, о другой»¹⁸.

В «Холодных одах» есть и прямая отсылка к Горацию: переложение «Из К. Горация Флакка», 14-й оды первой книги. О важности этой отсылки говорит место стихотворения среди прочих: в первом издании сборника оно располагалось на 11-й позиции (из 24), после второго из переложений псалмов и перед группой из трех стихотворений, которые отчетливый образовывали композиционный центр сборника.

Это одна из самых популярных среди переводчиков од Горация (в разное время были сделаны 12 переводов оды). Среди комментариев к «Оде» находим, что ее «приводит ритор Квинтилиан (I век н.э.) как образец аллегии, в которой под кораблем разумеется римское государство... В этой оде... содержится страстный призыв к миру ради спасения отечества»¹⁹. У А. Фета читаем, что аллегория эта не нова: «Уже Алкей сравнивает государство с кораблем»²⁰. Такое прочтение аллегии с перенесением ее на отечественную почву мы находим и у некоторых переводчиков. Так, у П. А. Вяземского (1819) читаем:

Куда летишь? К каким пристанешь берегам,
Корабль, несущий по волнам
Судьбы великого народа?
<...> Погибнешь иль преидеши со славою к векам,
Потомок древних сосн, Петра рукою мощной
Во прах низверженных <...>
Шести морей державный властелин <...>
Давно посол небес, твой страж, орел двуглавый
На гордом флаге свил гнездо побед и славы.
Пускай почует днесь он в грозной тишине,
Приосенив тебя своим крылом обширным! <...>²¹.

Толкование аллегорического образа корабля как российского государства мы находим и в переложении М. Амелина; оно помогает прояснить «корму трехцветную» и «животный страх, священный ужас», что «ты внушала прежде»:

...корме трехцветной осторожный моряк ничуть не верит ...

И:

...ты, что внушала прежде животный страх, священный трепет...

(«Ладья. Из Квинта Горация Флакка», 59).

В случае с переводом 14-й оды Горация мы имеем дело с частичной адаптацией, так как реалии, непонятные читателю, заменены на соответствующие им по смыслу, но известные отечественному читателю аналогии: так, Циклады, «острова Греческого архипелага, морской путь между которыми в бурное время считался очень опасным» (ср. у А. Фета: «Циклады – группа островов близ Делоса; по причине бурных прибоев у берегов их, они выставлены Горацием в пример опасности»)²², заменены в переводе Бермудами: «...будь от Бермуд подальше, – хватит с тебя потерь».

Для поэтики Амелина, начиная с «Холодных од», характерно обильное использование географических названий и прочих имен собственных; это легко подтверждается простым перечислением заглавий, взятым из сборника «Гнутая речь»: из 156 названий (включая и названия циклов) больше трети (58) содержат имена собственные или географические названия. К этой особенности амелинской поэзии можно отнести также и постоянное обозначение примет времени, личного, исторического или же календарного: «черемухой окутанный и вишней», «уныло накануне ноября», «лето в лимонном летит лимузине», «четыре раза снег ложился, таял», «полшестого на проржавелом», «эти бездонные ночи в июле», «сирень отцвела, распустился жасмин» и т. д. Перечисление можно продолжать. И здесь мы видим сходство с горациевской поэтикой: «Как географические образы придают горациевскому миру перспективу в пространстве, так мифологические образы придают ему перспективу во времени...»²³ Интересно, однако, что примет времени у Амелина больше, пусть даже и обозначенных вещественными образами, чем географических координат. Поэтому амелинскому миру временную перспективу придают не только имена собственные, в том числе и мифологические, но и достаточно точное указание на время.

Таким образом, в раннем сборнике стихов Максима Амелина «Холодные оды» складываются особенности его поэтического мировоззрения, которые позднее найдут отражение и углубление в других авторских сборниках. Среди особенностей, характерных для поэтики М. Амелина, прежде всего, следует выделить сознательную и настойчивую ориентацию на старые поэтические образцы. В сборнике «Холодные оды» образцом для построения собственного лирического пространства служит Квинт Гораций Флакк, особен-

но, как нам представляется, его интерпретация отечественными учеными (М. Гаспаровым, Н. Моревой-Вулих) и переводчиками (П. Вяземским, А. Фетом и пр.). Ориентация на Горация видна в затрудненности поэтического языка, привлекающего внимание читателя к весьма материальным образам сборника; в его общей композиции и композиции отдельных стихотворений; в обильном использовании имен собственных и названий, в том числе и мифологических, расширяющих пространственно-временной контекст «Холодных од».

Обращение к Горацию как к образцу называется и на формировании лирического героя Максима Амелина: в мире, ему неблизком, амелинский лирический герой, как и лирический герой Горация Флакка, «выгораживает для себя кусочек бытия, <...> и начинает спорить с миром, подчинять его себе, укладывать его бескрайний противоречивый хаос в гармоническую размеренность и уравновешенность своих од»²⁴. Таким обособленным «кусочком бытия», куда нет входа «гостю незваному», для Максима Амелина является, на наш взгляд, мировая поэтическая традиция, в русле которой растет и развивается его собственная «гнутая речь».

Примечания

- 1 О «прихотливых изгибах мысли» в одах Горация см., например: *Гаспаров М.* Поэзия Горация (Гораций, или Золото середины) // Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М., 1970. С. 5–38.
- 2 См., например: *Панченко А.* Русская стихотворная культура XVII века. М., 1973; *Гаспаров М.* Очерк истории европейского стиха. М., 1989; *Алексеева Н.* Русская ода. СПб., 2005.
- 3 Ср.: «Карта русской поэзии еще до сих пор неясна, историю стихотворчества нужно переписывать. Например, я нашел верлибр 1738 года, то есть написанный еще до четырехстопного ямба Ломоносова. Явления оказываются сложнее, чем они описаны в учебниках. Конечно, нельзя какие-то вещи совсем разрушать, но нужно трезво на них смотреть» (*Амелин М.* «Может, когда выйду на пенсию, закончу перевод “Одиссеи”...» // Изв. 2013. 24 февр. URL: <http://izvestia.ru/news/545568> (дата обращения: 21.08.2014).
- 4 *Клейн Й., Живов В.* Русская ода: история жанра [рецензия: Алексеева Н. Ю. Русская ода. СПб., 2005] // Новое лит. обозрение. 2007. № 87. С. 406–413. С. 408.
- 5 *Гаспаров М.* Поэзия Горация... С. 6.
- 6 Там же. С. 6–7.
- 7 Там же. С. 12.
- 8 Там же.
- 9 *Амелин М.* Гнутая речь. М., 2011. С. 22. Далее стихотворения приводятся в тексте по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- 10 *Мейлах М.* Яхве // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 687.
- 11 *Гаспаров М.* Поэзия Горация... С. 13.

- ¹² Новиков Вл. Nos habebit humus. Реквием по филологической поэзии // Новый мир. 2001. № 6. С. 167–178. С. 171.
- ¹³ Там же. С. 174.
- ¹⁴ Квинт Гораций Флакк. Оды. Эпизоды. Сатиры. Послания. М., 1970. С. 121. Далее стихотворения приводятся в тексте по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- ¹⁵ Морева-Вулих Н. Римский классицизм: творчество Вергилия, лирика Горация. СПб., 2000. С. 225.
- ¹⁶ Гаспаров М. Поэзия Горация... С. 18.
- ¹⁷ Эпштейн М. Реалогия – наука о вещах // Декоративное искусство. 1985. № 6. С. 21.
- ¹⁸ Гаспаров М. Поэзия Горация... С. 19.
- ¹⁹ Семенов-Тянь-Шанский А. [Комментарии к переводу] // Квинт Гораций Флакк: переводы и материалы. URL: <http://www.horatius.ru/index.xps?3.114>. Загл. с экр. (дата обращения: 12.09.2014).
- ²⁰ Фет А. [Комментарии к переводу] // Там же.
- ²¹ Вяземский П. Стихотворения. Книга первая. М., 2012. С. 119–120.
- ²² Семенов-Тянь-Шанский А., Фет А. [Комментарии к переводу] // Квинт Гораций Флакк: переводы и материалы.
- ²³ Гаспаров М. Поэзия Горация... С. 16.
- ²⁴ Там же. С. 29–30.

УДК 821.161.1.09-31+929Буйда

РОМАН ЮРИЯ БУЙДЫ «ВОР, ШПИОН И УБИЙЦА»: МЕЖДУ АВТОБИОГРАФИЕЙ И ВЫМЫСЛОМ

Т. Г. Прохорова

Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: tatprohorova@yandex.ru

В статье выявляется своеобразие автобиографической прозы Ю. Буйды. Делается вывод, что жанровая природа романа «Вор, шпион и убийца» синтетична: это и автобиографический роман, и мемуары, и своеобразный творческий автокомментарий, и своего рода призма, в которой преломляются законы существования художественного мира Буйды.

Ключевые слова: Ю. Буйда, автобиографический роман, мемуары, автокомментарий, метапроза, вымысел, реальность.

Yury Buida's novel «Thief, Spy, and Murderer»: Between an Autobiography and Fiction

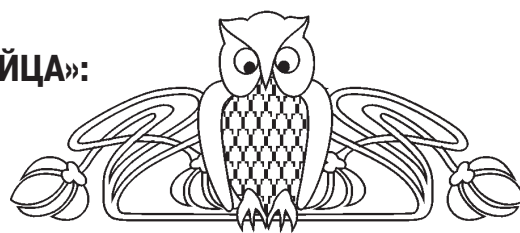
T. G. Prokhorova

The article addresses the peculiarities of Yu. Buida's autobiographical novel «Thief, Spy, and Murderer». The author arrives at the conclusion that the genre of this novel synthesizes the features of an autobiography, memoirs, artistic commentaries, thus becoming a kind of an artistic prism through which the main regularities of Buida's artistic world are refracted.

Key words: Yu. Buida, autobiographic novel, memoirs, self commentary, meta-prose, fiction, reality.

Автобиографизм современные исследователи называют характерной особенностью литературного процесса рубежа XX–XXI вв. Данная тенденция обнаруживает себя в творчестве самых разных по своей художественной индивидуальности писателей, поэтому важно проследить, в каких формах она проявляется. Обратимся к прозе Юрия Буйды – писателя, в художественном мире которого сложно переплетаются автобиографическое и мифологическое, барочная избыточность и натурализм, романтическая двуплановость и реалистическая достоверность в создании образа времени.

Материалом анализа в данной статье является автобиографический роман Ю. Буйды «Вор,

шпион и убийца», ставший финалистом премии «Большая книга» в 2013 г. и пока еще не получивший глубокого осмысления в критике и литературоведении. В этом произведении писатель осмысляет свою жизнь начиная с детских лет и заканчивая тем временем, когда началась его литературная карьера. Читатель получает возможность проследить путь его становления, проникнуть в творческую лабораторию автора, понять истоки формирования его художественного мира, узнать, как рождались те или иные произведения.

Цель нашего исследования – выявить жанровое своеобразие этого произведения, особенности его художественной структуры, определить его место в творчестве Ю. Буйды.

При первой публикации в журнале «Знамя» автор дал роману «Вор, шпион и убийца» определение «авторская фантазия». В интервью «Российской газете» он признался: «У меня никогда не было желания писать автобиографию. Жизнь писателя растворена в его рассказах или романах <...>. Но меня попросили (заказ журнала «Знамя» – Т. П.), чтобы это была автобиография. Когда начал писать, включилась привычка к “высокохудожественному вранью” – появились события и персонажи, которых в действительности никогда не было, но без них повествование было бы “не моим”. Вот и пришлось срочно придумывать жанровое определение – “фантазия”. По моим ощущениям, все персонажи – и вымышленные, и невымышленные – вышли вполне живыми, а значит, слово «автобиографическая» оказалось уместным. Важнее было передать дух времени, атмосферу, чем следовать беспримесным фактам»¹.

Жанр автобиографии, как неоднократно было отмечено исследователями, связан с самопознанием, постепенным открытием своего «Я».

Предметом изображения в автобиографической прозе, по словам Л. А. Николиной, становится «не былое само по себе, а “былое” в связи со становлением внутреннего мира автора текста»². Эта жанровая установка присутствует и в романе Буйды, определяя его сюжетную основу. Эпиграф «Лишь потому, что я такой, я буду жить» из пьесы Шекспира «Все хорошо, что хорошо кончается» задает основную тему произведения – неповторимость, своеобразие личности как условие жизни.

По наблюдению Л. А. Николиной, в автобиографическом произведении «устанавливаются два временных плана: план настоящего повествователя, создающего текст, и план прошлого, о котором он вспоминает»³. В романе «Вор, шпион и убийца» план прошлого включает в себя примерно сорок лет, с начала 1950-х до начала 1990-х гг. Однако особенности сюжетно-композиционной структуры книги определяются не только изображением процесса взросления героя, но также процессом рождения и становления писателя. С этим связано и название романа – «Вор, шпион и убийца». Одна из героинь так поясняет, в чем суть писательского ремесла: «Писатель подглядывает, подслушивает, крадет чужие черты и слова, а потом переносит – все это на бумагу, <...> то есть убивает живое ради прекрасного...»⁴

Заглавие романа в метафорической форме выражает главный вопрос метапрозы – соотношение вымысла и реальности. Надо заметить, что метаповествовательность в той или иной степени присуща всей прозе Ю. Буйды, тем более что и сам термин «метапроза» имеет разные трактовки⁵. В нашем случае разрушается граница между романом «Вор, шпион и убийца», в основе которого лежат факты биографии автора, и книгами новелл Буйды «Прусская невеста» и «Все проплывающие», где конкретно-историческое и биографическое тесно переплетено с фантазмагорическим, саморефлексия – с литературной рефлексией. В романе звучит показательное авторское признание: «Сначала безотчетно, а потом и сознательно я вытеснял свою личность в рассказы, повести, романы» (305).

В первых четырех главах, так же как и в новеллах Буйды, действие происходит в маленьком городке Знаменске, бывшем немецком Велау, где прошло детство писателя. Мы видим ту же топографию, те же обозначения заповедных мест (Семерка, Красная столовая, немецкое кладбище, водонапорная башня, стадион, клуб), встречаем знакомых героев: городских сумасшедших Виту Маленькая Головка, Общую Лизу, Веселую Гертруду, «беспричинных людей», короля Семерки Ируса, бабу Буяниху и др. При создании образов героев в романе, как и в рассказах писателя, активно используется прием гротеска. Достаточно вспомнить двухметрового толстяка по прозвищу Гусь, который мог на спор проглотить целое ведро вареных яиц прямо в скорлупе, а заодно и камень, который подсунули ему. Здесь, как и в рассказах,

маргинальность является характеристикой образа жизни и самих героев Буйды. Вновь среди этих маргиналов мы встречаем мудрецов, метафорически и афористично изрекающих истины жизни. В романе звучат те же сквозные мотивы, что и в других произведениях писателя: искажения жизни, уродства, скотства, беспамястства и – одновременно – красоты, тоски по идеалу Целого⁶.

Вместе с тем «Вор, шпион и убийца» представляет собой новый виток авторской рефлексии и саморефлексии. Здесь мы обнаруживаем «ключи», открывающие «двери» в мир Ю. Буйды, метафорические «формулы», позволяющие понять законы организации этого мира. В основном они сосредоточены в первых пяти главах романа. Вообще Ю. Буйду можно назвать «гением места»: как только действие переносится за границы заповедного пространства, характер повествования меняется, оно почти утрачивает то, что составляет его «лица необщее выраженье». Недаром в одном из интервью в ответ на замечание и вопрос журналистки: «...книгу писали как будто два разных человека <...> Связное, цельное письмо в какой-то момент сменяется таким... клиповым, что ли... Чем Вы это можете объяснить?» – Буйда признал: «Поэзия детства и юности осталась в прошлом, и автор решил, что можно перейти к прозе. А что переход вышел не очень органичным, в этом никто, кроме автора, не виноват»⁷.

В первой части романа повествование организовано, как это нередко бывает у Буйды, точкой зрения взрослеющего ребенка, которому свойственно видеть мир в деталях, в подробностях, это взгляд первооткрывателя, воссоздающего и вместе с тем пересоздающего мир, стремящегося разглядеть чудесное за гранью повседневного. Затем ее сменяет точка зрения юноши, наделенного творческим воображением и пытливым умом. Одновременно «план настоящего» позволяет ввести точку зрения человека культуры, который смотрит на происходящее сквозь призму философии и литературы.

Первая глава-новелла называется «5040». Эта цифра, по мысли Платона, обозначает идеальное число жителей в идеальном городе. И когда родился автобиографический герой, в его городе тоже стало 5040 жителей. Столько их и осталось в его памяти навсегда. Именно образ родного города является первым «ключом» в мир Юрия Буйды. Картины города пронизывают и окольцовывают роман. Уже в начале жизни автобиографическому герою «было явлено чудо»: он увидел «город на высокой золотой горе, столбашенный город великий и белый, и над его башнями и куполами ослепительно вспыхнуло солнце <...>» (15). Патетичность лексики, ритмизация, инверсии – все это уже говорит о том, что мальчик видит перед собой не реальный город, а мифологизированный. При этом он сам выступает в роли мифотворца.

Затем, буквально через несколько страниц, возникает реальный образ города, в котором со-

вмещаются две точки зрения (взгляд ребенка и взгляд взрослого человека, умудренного жизненным опытом и опытом культуры). Автобиографический герой-повествователь вновь вспоминает тот волшебный миг детства, когда отец впервые разрешил ему подняться на водонапорную башню и перед ним открылся вид на город: «Я увидел весь город, целиком. Многие уголки его были скрыты деревьями, многие детали неразличимы, но именно тогда, именно в этот миг образ города сложился в моем сознании, в моей памяти, в моем сердце раз и навсегда. <...> Другой жизни у меня не было, как у греков не было ничего, кроме Трои, которую они проклинали. У меня достаточно причин для того, чтобы вспоминать о родном городе без радости: жизнь наша была скудной, унылой, иногда – непристойной, подчас жестокой и унижительной, почти всегда – невыносимой. Но я снова и снова поднимаюсь по той винтовой лестнице, заляпанной голубиным пометом, и с замирающим сердцем вглядываюсь в окно» (15).

Наконец, в финале он вновь видит «город на высокой горе, столбашенный город, великий и белый». Но в памяти ставшего взрослым героя всплывают слова из Откровения Иоанна Богослова, обозначающие новый этап его жизни: «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет...» (321).

Важную структурообразующую функцию выполняет в романе Буйды и ряд сквозных мотивов. Прежде всего, это мотив Целого, с которым связана авторская концепция жизни и творчества. Уже в первой главе Буйда поясняет, что при обращении памятью к детству им движет не руссоистская идея, а «стремление ... к восстановлению собственной целостности» (24). И далее он подкрепляет свою мысль ссылкой на Хильдегарду Бингенскую, «великую святую и пророчицу, жившую в XII веке», утверждавшую, что «исцеление человека достижимо лишь на пути к целостности, в конце которой человек обретает смысл и цель жизни» (24).

Идея Целого также определяет у Буйды концепцию времени и пространства, вмещающих в себя вечное и сиюминутное, древность и современность⁸. Подобно автобиографическому герою его новелл, мальчик из романа «Вор, шпион и убийца» видит вокруг не только убожество жизни городка, который «жил по Трубе бумажной фабрики». Он сознает, что в этом бывшем когда-то немецким городе «сохранилась матрица, напоминание о другой жизни, об ином порядке и культуре» (71). От нее героя отделяла стена, которую ему хотелось преодолеть.

Однажды отец показал ему «другую войну»: это было место за городом, где проходило первое крупное сражение Семисотлетней войны, в котором возле деревушки Грос-Егерсдорф в августе 1757 г. столкнулись пятьдесят пять тысяч русских солдат под командованием фельдмаршала Апрак-

сина и двадцать тысяч пруссаков под началом фельдмаршала Левальда. Отец рассказывал эту историю под шум грозы, не обращая внимания на молнии, полыхавшие у него над головой. И далекое прошлое вдруг оживило, мальчик «на мгновение почувствовал ярость пруссаков и неукротимую стойкость русских, вкус медного нательного крестика во рту, запахи горелого пороха, конского пота и людской крови...» (77).

Постепенно прошлое становится для героя частью его сегодняшнего опыта. Причем в этом новом опыте нет границ, а потому ему ведомо и то, что чувствовали пруссаки, и что переживали русские. Что же касается событий современности, то они зачастую таили в себе не меньше загадок, чем далекое прошлое.

В «детских» главах большое место занимает память о Второй мировой войне. Рассказывая о соседях или о собственных родителях, Буйда непременно сообщает, кем каждый из них был во время войны, какие награды получил. Сами же бывшие фронтовики не любили вспоминать о военном прошлом. И все же порою в их рассказах прорывались настоящая боль и потрясенность пережитым, проявлялся подлинный героизм самых обыкновенных людей. Так, фильм «Бессмертный гарнизон» о защитниках Брестской крепости, который однажды показали в фабричном клубе, заставил Колю по прозвищу Полуторка рассказать о том, что он был среди тех, «кто утром 22 июня 1941 года вступил в бой с немцами и держался до последнего. На стене казармы этого батальона была сделана знаменитая надпись: «Я умираю, но не сдаюсь». Коля выжил и даже не попал в плен» (58). После Бреста он сражался в Сталинграде, оборонял Тракторный и высоту 102 – Мамаев курган.

Но в этой истории интересны не факты сами по себе: рассказ у Буйды непременно создает живой образ человека, это именно живая память, где нет места ничему общепринятому, поэтому сюжет о Коле Полуторке имеет такое примечательное завершение:

«Помню, как-то я его спросил насчет надписи на стене в брестской казарме 132-го батальона, была ли она на самом деле, и он вытаращился и заорал:

– Надпись была, а запятой не было! Понял? Умираю но не сдаюсь – на хера там запятая? “Умираю но не сдаюсь” пишется без запятой!» (59).

Среди эпизодов романа, в которых удивительно емко выражена атмосфера и передан образ времени, следует особо выделить историю, связанную с завершением сталинской эпохи. Этот случай произошел на Свалке, куда со всего северо-запада Союза днем и ночью шли вагоны с макулатурой для переработки и затем последующего вторичного использования на бумажной фабрике. Однажды сюда пригнали вагоны, в каждом из которых было «по шестьдесят тонн Сталина»:

«Передо мною была стена из книг, на корешках которых золотом было вытеснено одно и то же

имя – “И. В. Сталин”. Не знаю, была ли это биография Сталина, выпущенная каким-то невероятным тиражом (кажется, 14 миллионов экземпляров), или собрание его сочинений. Помню только золотые буквы на корешках – “И. В. Сталин” – от пола до потолка, во весь дверной проем. Шестьдесят тонн Сталина в каждом вагоне, двести сорок тонн – в этих четырех, что стояли у дебаркадера. И на станции дожидались своей очереди еще пятьдесят вагонов. И на подходе к станции – сотни вагонов. На пути к Смоленску, Минску, Вильнюсу, Черняховску. Тысячи вагонов, сотни паровозов. Они шли из Москвы, Ленинграда, Пскова, Новгорода, Таллина, Риги, Клайпеды, Каунаса. Тысячи тонн Сталина. Тысячи кубометров» (51).

Мальчик вглядывался в лица рабочих, которым предстояло разгрузить эти вагоны и сжечь книги, и понимал, что происходит что-то важное, до чего он пока не дорос. Он не понимал этих мужчин, и даже своего отца. Эти минуты на дебаркадере «были их чудом и их тайной» (53).

Вскоре после этого мальчик вместе с отцом зашел в громадный пустой ангар на окраине городка. Посреди пустого помещения перед огромным портретом Сталина они увидели «легендарного человека» Колю Полторку, который произнес:

«<...> в нашей стране никому нельзя ставить памятники из бронзы – только из пластилина» (55).

Современность далека от идеала Целого. Менялись люди, стоящие у власти, менялись времена; они несли с собой разобщенность, отчужденность, опустошение, поэтому путь постижения идеала Целого для героя проходит, прежде всего, через мир литературы. Мы видим, как расширяется круг его чтения, как он болеет Гоголем, как поглощает Достоевского, открывает для себя Аввакума, Шекспира, Кафку, Платона... Книги измеряют этапы взросления героя. Роман наполняют цитаты, высказывания философов, писателей, деятелей культуры, авторские размышления о литературе. Одновременно в нем содержатся и автореминисценции, отсылающие к произведениям самого Буйды.

Идеал Целого особенно ярко и драматично воплотился в его новелле «Веселая Гертруда» из книги «Прусская невеста», в которой содержится историческая предыстория событий, свидетелем и участником которых является автобиографический герой. В романе «Вор, шпион и убийца» Веселая Гертруда – эта сумасшедшая немка, вечно бормочущая строки Шиллера из оды «К радости», в которой выражена «светлая мечта о всеобщей любви и братстве», сопровождает мальчика на пути к постижению Целого.

В заключительной главе романа «Свистулька. Вместо эпилога» этот мотив получает свое завершение. Символом Целого становится в данном случае грошовая глиняная свистулька, которую пятилетний герой выменял у товарища на перочинный нож, украденный им у отца. Узнав об этом, разгневанный отец разбил ее, а потом

склеил и долгие годы хранил среди самых дорогих вещей. Увидев свистульку уже после смерти отца, автобиографический герой испытал «чувство покоя и тихой ясной радости», которая объединяет нас и «поднимает над нашими ссорами, над непониманием» (314).

Третий «ключ» к роману выводит читателя к пониманию своеобразия героев Ю. Буйды. Он тоже был получен в виде «урока», который преподдал автобиографическому герою его отец.

«Однажды я сказал, что люди, грызущие семечки, – жалкие недоумки и обыватели.

Отец ответил примерно следующее: “Человек, грызущий семечки, это и есть человек, ради которого случаются войны и революции. <...> Он беден, прост, наивен, он никогда не напишет «Войну и мир», не изобретет порох и не выговорит слово «экзистенциализм», но <...> если ты однажды заглянешь в душу человека, грызущего семечки, и не найдешь там ни любви, ни ненависти, ни пропастей, ни высей, ни дьявольской тяги к разрушению, ни страсти к божественному полету, – грош тебе цена”» (106).

Здесь же мы находим еще один – стилиевой «ключ» к постижению своеобразия прозы Буйды. Это оксюморон, который, как некая барочная призма, позволяет одновременно видеть красоту и безобразие. Точнее, у Буйды красота непременно просвечивает сквозь любую грязь. В романе «Вор, шпион и убийца» герой получает урок такого видения от обычного сапожника. В его будке на стене висела вырезанная из журнала репродукция Джоконды. На вопрос «почем Джоконда», тот без запинки ответил: «Пятьдесят честных копеек». «Да весь журнал, из которого вы его вырезали, стоит тридцать пять!» – возмутился юный герой. На что последовал гениальный ответ:

«– Молодой человек ... да хоть из говна. Джоконда – она и в говне Джоконда!» (150).

С тех пор эта репродукция, вырезанная из «Огонька», будет сопровождать автобиографического героя повсюду.

Наконец, еще одно важное ключевое слово-мотив возникает во второй главе романа – это «золотые лиарды». Оно связано с мечтой мальчика о кладе, о сокровищах. Но постепенно взрослеющий герой понимает, что настоящие золотые лиарды – это твое дело, твоя цель. Он приходит к выводу, что «цель бессмысленна без идеала», тем более невозможно без идеала настоящее творчество. Сжигая свою первую повесть, которая была «результатом насилия над собой, над воображением», герой приходит к выводу, что высшее счастье писателя – перейти в свои книги. Поэтому в финале вновь звучат слова, вынесенные в название романа: «Я не только считал себя вором, шпионом и убийцей, но и был им, только им, никем иным» (312). В этом и заключается его счастье, его золотые лиарды.

Подводя итог, следует признать, что жанровая природа романа «Вор, шпион и убийца» синте-

тична: это и автобиографический роман, в основе которого лежит история становления личности, и мемуары – дань памяти людям, которые, порою сами того не сознавая, стали учителями автобиографического героя на этом пути, это и метапроза, своеобразный творческий автокомментарий, и своего рода призма, в которой преломляются законы существования художественного мира Буйды. Все это позволяет видеть в романе «Вор, шпион и убийца» итоговое произведение писателя.

Примечания

- ¹ Рахаева Ю. Замочные скважины : интервью Ю. Буйды. URL: <https://www.rg.ru/2013/11/06/bujda.html> (дата обращения: 01.09.2014).
- ² Николина Н. Поэтика русской автобиографической прозы : учеб. пособие. М., 2002. С. 9.
- ³ Там же. С. 10.
- ⁴ Буйда Ю. Вор, шпион и убийца. М., 2013. С. 157. Далее ссылки на данное издание даются в тексте с указанием страницы в скобках.
- ⁵ См.: Осовский О. Явление метапрозы в контексте литературоведческих изысканий последних десятилетий. URL: <http://philology-and-culture.kpfu.ru/?q=system/files/C%20174-177.pdf> (дата обращения: 01.10.2014).
- ⁶ См. об этом: Prochorova T., Sorokina T. Fantastyczna zwyczajność w zbiorze novel Jurija Bujdy Pruska narzeczona // Realizm magiczny. Teoria i realizacje artystyczne / Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego. Łódź, 2007. S. 289–303 ; Прохорова Т. Роман Ю. Буйды «Синяя кровь» : жизнь как театр или театр жизни // Вопр. литературы. 201. № 1. С. 117–135.
- ⁷ Рахаева Ю. Указ. соч.
- ⁸ См. об этом: Прохорова Т. Межкультурный диалог в прозе Ю. Буйды // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica. Lodz, 2012. С. 111–119.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070(470.41)+811.161.1'38+811.512.145'38

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ И ИНТЕРАКТИВНЫХ СВОЙСТВ СЕТИ ИНТЕРНЕТ В ЭЛЕКТРОННЫХ ГАЗЕТАХ ТАТАРСТАНА

А. Н. Гильманова

Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: boss1001@yandex.ru

В статье изложены результаты сравнительного контент-анализа интервью в интернет-газетах на русском и татарском языке «Бизнес online» и «Intertat.ru» за период с 1 июня 2012 г. по 1 января 2014 г. Единицами анализа и счета стали тематика, вид интервью, стилистические приемы журналиста, использование оригинальных свойств интернет-СМИ. Всего проанализировано 160 интервью.

Ключевые слова: интервью, интернет-издание, жанр, мультимедийность, интерактивность, средства массовой информации, социальные сети.

The Usage of Multimedia and Interactive Features of the Internet in Electronic Newspapers of Tatarstan

A. N. Gilmanova

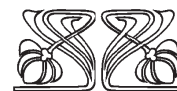
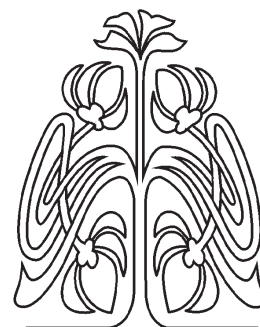
The article presents the results of a comparative content analysis of interviews in online newspapers *Business online* and *Intertat.ru* in the Russian and Tatar languages in the period from 1 June, 2012 to 1 January, 2014. Units of analysis and calculation are the subject-matter, layout, journalist's stylistic devices, as well as the use of the original online media properties. 160 interviews have been analyzed.

Key words: interview, online edition, genre, multimedia, interactive, mass media, social networks.

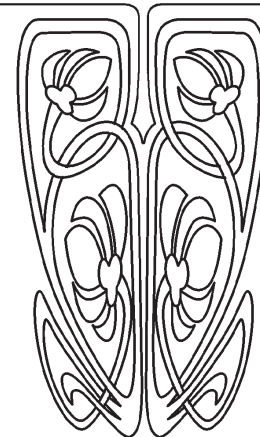
В Республике Татарстан подвели итоги развития медиаотрасли в 2013 г. Здесь осуществляют деятельность 768 СМИ, из них 381 газета и 170 журналов, 66 телеканалов¹. На информационном рынке государственного сектора присутствуют два гиганта – это Республиканское агентство по печати и массовым коммуникациям ОАО «Татмедиа» и Телерадиокомпания «Новый век». Тревожными для отрасли являются тенденции последних лет по снижению подписки на печатные СМИ, падение тиражей, дотационность и некупаемость государственных СМИ. «В 2013 году сумма государственного заказа СМИ составила 1,2 млрд рублей. ГосСМИ заработали на рынке рекламы значительно меньше, чем им дали денег из бюджета»². Хотелось бы отметить, что падение тиражей, переход СМИ в интернет-среду, старение аудитории традиционных СМИ является глобальной тенденцией медиабизнеса.

Выходом из сложившейся ситуации, по мнению специалистов ОАО «Татмедиа», является освоение традиционными СМИ интернет-пространства, привлечение читательской аудитории через социальные сети «ВКонтакте» и Twitter. В качестве одной из мер по привлечению аудитории является «ребрендинг сайта информагентства “Татар-информ” (кстати, четвертый за последние 8 лет), которым займется студия самого известного, пожалуй, в России дизайнера Артемия Лебедева»³.

Необходимо отметить, что негосударственный сектор СМИ Татарстана уже давно развивает он-лайн версии своих изданий: по данным рейтинговой компании сайтов www.tatarstan.net, из 768 СМИ Татарстана 208 (27%) имеют он-лайн версии. Электронными изданиями,

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

не имеющими традиционных версий, являются 65 сайтов. Также интернет-версии есть у 96 газет и журналов, 12 информационных агентств, 18 радиостанций, 17 телекомпаний.

Одним из первых средств массовой информации в Татарстане стала электронная газета «Intertat.ru», которая была зарегистрирована в 2002 г. и имела в своем составе русскую и татарскую редакции. Финансируется из госбюджета, является филиалом ОАО «Татмедиа». До сих пор данная редакция имеет лидирующие позиции среди сетевых СМИ на татарском языке, также популярными изданиями за последние годы стали «Безнен гажит», «Ирек майданы», «Акчарлак», которые имеют печатные и электронные версии. На негосударственном рынке СМИ Татарстана лидером является общественно-политическая газета «Вечерняя Казань», учредителями которой выступают ООО «Издательский дом «Вечерняя Казань», ООО «Редакция газеты «Вечерняя Казань». Газета издается с 1979 г. В 1991 г. у нее был рекордный среди СМИ республики тираж – 300 тыс. экземпляров. На сегодняшний день общий тираж составляет 30 018 экземпляров. В 2011 г. сайт газеты «Вечерняя Казань» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций как электронное СМИ.

Среди негосударственных телеканалов Татарстана лидером является телекомпания «Эфир», которая в 1992 г. одной из первых в России получила лицензию на телевидение. Производство телепередач происходило совместно со студентами журфака в физическом корпусе Казанского государственного университета. Сайт у телекомпании «Эфир» появился в 2007 г. Согласно данным Gallup Media, зрительская аудитория телекомпании «Эфир» ежедневно составляет 150 тыс. человек.

Информационный вакуум в Татарстане также восполняют региональные вкладки федеральных СМИ, таких как «Комсомольская правда», «Коммерсантъ», «Аргументы и факты».

В 2008 г. стартовал проект электронного издания «Бизнес online», в первый же год существования он выбился в лидеры среди СМИ. Учредителем газеты является ООО «Бизнес Медиа Холдинг». В «Бизнес online» привлекаются известные в республике журналисты, на сайте газеты поднимаются актуальные для общества, а главное, запретные для государственных СМИ темы: клановость политической элиты республики, коррупционность бизнеса. По данным информационно-аналитической системы «Медиа-логия», в рейтинге самых цитируемых федеральных СМИ за ноябрь 2013 г. газета «Бизнес online» заняла 10-е место. В ТОП 20 самых цитируемых ресурсов Татарстана за III квартал 2013 г. «Бизнес online» является абсолютным лидером⁴.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сектор интернет-СМИ Татарстана сложился. В нем лидируют коммерческие СМИ. Задача

лидеров – не потерять завоеванных позиций. Нами проведен качественный и количественный контент-анализ материалов в жанре интервью в интернет-газетах на русском и татарском языке «Бизнес online» и «Intertat.ru» за период с 1 июня 2012 г. по 1 января 2014 г. Единицами анализа стали тематика, вид интервью, стилистические приемы журналиста, использование оригинальных свойств интернет-СМИ. Всего проанализировано 160 интервью. Исследование было проведено с целью выявления специфики использования оригинальных свойств интернет-СМИ: гипертекстуальности, мультимедийности, интерактивности (введены в научный оборот в 2005 г. М. М. Лукиной, И. Д. Фомичевой) татарстанскими интернет-изданиями.

Интервью в теории журналистики рассматривается с точки зрения двух подходов – как жанр и как метод сбора информации. Нами для анализа был выбран жанр интервью, так как это популярный и способствующий проявлению интерактивных свойств сетевых СМИ формат журналистского текста. Более того, интервью входит не только в российскую систему жанров, но и в систему, принятую в качестве стандарта крупнейшими новостными агентствами, который разработал и ввел Международный совет по прессе и телекоммуникациям (International Press Telecommunication Council). Согласно данной жанровой системе, существенно отличающейся от российской, подразделяющей жанры на три группы: информационные, аналитические, художественно-публицистические, в каталоге IPTC есть ряд технических стандартов для обмена новостями. Жанр интервью в каталоге IPTC определяется как материал, содержащий диалог с источником, в котором слова источника занимают значительное место. Также в каталоге IPTC выделяются формы, которые близки к видам интервью: вопрос – ответ, опрос, ответ на вопрос, цитата.

В жанровой теории российской журналистики подразделяют интервью на информационное, оперативное, расследование, портрет. Среди проанализированных нами 65 интервью, опубликованных в газете «Intertat.ru», в виде информационного интервью опубликовано 43 материала, интервью-портрета – 15, интервью-расследования – 7. Популярность информационного интервью закономерна для сетевых изданий, так как специфика коммуникации в среде Интернет на первый план выводит информационную функцию.

Исследователь интервью М. М. Лукина классифицирует интервью по типу поведенческих стилистических приемов журналиста на конфронтационный, элитарный стиль и партнерский режим⁵. Проводя контент-анализ интервью, опубликованных в газете «Intertat.ru», мы в качестве единицы счета использовали классификацию М. М. Лукиной. Из 65 интервью 53 создано журналистами в рамках стилистического приема «партнерский режим», который предполагает равноправное взаимодействие людей; 12 интер-

вью написано в элитарном стиле; в конфронтационном – ни одного. Данный факт мы связываем с исторически сложившейся «просветительско-воспитательной» моделью татарской журналистики. Воспитательная, образовательная функция в татарской журналистике всегда стояла на первом месте. Данные традиции татарская журналистика транслирует и по сей день, сознательно избегая конфликтных тем беседы, что отрицательно сказывается на посещаемости сайтов татарских интернет-изданий и на обратной связи с аудиторией.

Подводя итоги анализа опубликованных интервью в газете «Intertat.ru» на предмет использования оригинальных свойств интернет-СМИ, таких как интерактивность и мультимедийность, можно сделать вывод о том, что возможности Интернета в издании используются ограниченно. Из 65 интервью мультимедийными свойствами корреспонденты воспользовались в 5 интервью, где были выложены видеоролики, музыкальные клипы, как, например, в интервью Венеры Беляевой с певицей Альбиной Сэфэровой: «Халык болай яратыр дип уйламаган идем»⁶. Интерактивные свойства интернет-СМИ используются более широко, комментариями читателей снабжены 45 интервью. Примечательно, что из 12 интервью, написанных в элитарном стиле, ни одно не получило комментариев читателей. Наиболее обсуждаемыми стали интервью, написанные в партнерском режиме: Муршиды Кыямовой «Гөлүсә Закирова: Нишләп халык язучыларын ипләбрәк укымаска?»⁷ (12 комментариев читателей), беседа Радика Сабирова «Рашат Якупов: Гарри Поттер турында татарча язабыз»⁸ (18 комментариев). Данные интервью посвящены проблемам развития татарского языка. Именно проблемное интервью вызывает наибольший отклик читателей. Характерно, что реальная аудитория газеты «Intertat.ru» открыта, неагрессивна, в отличие от популярных изданий на русском языке.

В газете «Бизнес online» мультимедийные свойства интернет-СМИ используются более широко, чем в татарском издании «Intertat.ru». Из 71 интервью, опубликованного в рубрике «Персона», 65 содержат фото- и видеофрагменты беседы. Также необходимо отметить, что «Бизнес online» первой из республиканских интернет-СМИ разместила рубрику «Инфографика», в которой в доступной и наглядной форме публиковала статистическую, аналитическую информацию. За период с 19 ноября 2012 г. по 7 августа 2013 г. на сайте газеты было опубликовано 11 материалов в виде инфографики. Большое количество их было посвящено промежуточным результатам и итогам «Универсиады-2013». Сейчас эта рубрика ушла в архив и больше не пополняется, что, на наш взгляд, неправильно, так как присутствие оригинальной инфографики – это современное использование мультимедийных свойств интернет-СМИ.

Интерактивные свойства интернет-СМИ активно используются в комментариях к интервью

в издании «Бизнес online». Раздел «Персона» ориентирован на беседу с представителями малого и среднего бизнеса Республики Татарстан. Во всех интервью в разделе «Персона» (кроме интервью, опубликованных на правах рекламы) присутствуют комментарии. Более того, читательская аудитория разворачивает полемику, критикует товар или услугу предпринимателя, обвиняет в использовании административного ресурса. Наиболее обсуждаемыми стали материалы «Айдар Исмагилов. “Пятое колесо”: Все родилось в момент краха» – интервью с владельцем сети шиномонтажа вызвало 84 комментария, полемику⁹. На втором месте по интенсивности обратной связи с читателем – материал «Зульфия Хашимова, дизайн-студия “АРТЭГО”: Самая дорогая отделка квартиры в Казани обошлась в 14 миллионов рублей»¹⁰. Интервью с владелицей дизайн-студии вызвало 76 комментариев, где критикуется работа дизайн-студии.

Оригинальным интерактивным проектом газеты «Бизнес online» можно считать раздел «Online конференция», который построен в формате «Прямая связь». На сайте газеты заранее анонсируется, что готовится интервью в форме круглого стола с известным певцом, музыкантом, чиновником и читатели могут отправить вопрос, который будет задан собеседнику. Затем публикуется стенограмма интервью с эпизодами видео, вопросы читателей не анонимны, под каждым подписано конкретное имя и фамилия задавшего вопрос. Данный вид интервью является хорошо забытым, старым журналистским форматом, который часто использовался на телевидении. В газете «Бизнес online» работает смешанный коллектив из сильных журналистов, перекупленных из различных СМИ, в том числе и из телекомпании «Эфир», где каждую неделю шла передача «Прямая связь», в студию телекомпании приглашались мэр г. Казани, министры и даже Президент РТ. Но в интернет-СМИ такой формат используется впервые и любим читателями.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что использование оригинальных свойств интернет-СМИ в электронных газетах Татарстана осуществляется недостаточно. Редакционный маркетинг требует постоянных новшеств для удержания внимания читателя. Закон уникального торгового предложения действует и на интернет-СМИ, тем более что блоги уже во многом выполняют функции журналистики. Читатель ждет эксклюзивной информации, инфографики, актуального видео. По мнению медиа-исследователей, будущее за персонифицированной информацией: при помощи смартфонов компьютерные программы способны вычислить, где находится в данный момент читатель, а среда Интернет – предложить тематические, актуальные для индивида новости. Наиболее посещаемым СМИ останется то, которое будет постоянно совершенствоваться и отвечать запросам потребителя.

Примечание

- ¹ См.: «Сегодня главное – победить в информационной войне, а все остальное потом» // Деловая электронная газета Татарстана «Бизнес online». 08.02.2013. URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/74773/> (дата обращения: 19.01.2014).
- ² Коллегия «Татмедиа» : между соцсетями и сетями киосков // Деловая электронная газета Татарстана «Бизнес online». 15.01.2014. URL: [http://www.business-gazeta.ru/article/95348/#prettyGallery\(gallery_46452\)/24/](http://www.business-gazeta.ru/article/95348/#prettyGallery(gallery_46452)/24/) (дата обращения: 19.01.2014).
- ³ Там же.
- ⁴ См.: Рейтинг самых цитируемы федеральных СМИ, ноябрь 2013 года // Информационно-аналитическая система «Медialogия» : [сайт]. 20.11.2013. URL: http://www.mlg.ru/ratings/federal_media/ (дата обращения: 19.01.2014).
- ⁵ См.: *Лукина М.* Технология интервью. М., 2003. С. 5.
- ⁶ См.: *Сәфәрова А.* Халык болай яратыр дип уйламаган идем // Республиканская электронная газета Intertat.ru. 1.07.2012. URL: <http://www.intertat.ru/tt/angama-tt/item/5778-albina-safarova-halyik-bolay-yaratyir-dip-uylamagan-idem.html> (дата обращения: 10.01.2014).
- ⁷ *Закирова Г.* Нишләп халык язучыларын ипләбрәк укымаска? // Республиканская электронная газета Intertat.ru. 9.01.2013. URL: <http://www.intertat.ru/tt/angama-tt/item/10203-golysa-zakirova-nishlap-halyik-yazuchyilaryin-iplabrak-ukyimaska?.html> (дата обращения: 10.01.2014).
- ⁸ *Якупов Р.* Гарри Поттер турында татарча язабыз // Республиканская электронная газета Intertat.ru. 13.01.2013. URL: <http://www.intertat.ru/tt/angama-tt/item/10416-rashat-yakupov-garri-potter-turyinda-tatarcha-yazabyiz.html> (дата обращения: 10.01.2014).
- ⁹ *Исмагилов А.* «Пятое колесо» : Все родилось в момент краха // Деловая электронная газета Татарстана «Бизнес online». 17.01.2013. URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/73148/> (дата обращения: 10.01.2014).
- ¹⁰ *Хашимова З.* Самая дорогая отделка квартиры в Казани обошлась в 14 миллионов рублей // Деловая электронная газета Татарстана «Бизнес online». 17.09.2012. URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/66344/> (дата обращения: 10.01.2014).

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

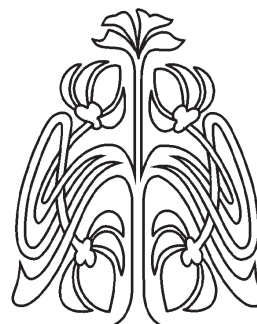
Литературоведение на современном этапе. Теория. История литературы. Творческие индивидуальности. К 130-летию со дня рождения Е. И. Замятина. По материалам Международного конгресса литературоведов 1–4 октября 2014 года : в 2 кн. Книга первая / отв. ред. и сост. Л. В. Полякова. Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. 536 с. ; Книга вторая / сост. Н. Н. Комлик. Елец : Елец. гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2014. 471 с.

Солидное двухтомное издание «Литературоведение на современном этапе» составлено по материалам Международного конгресса литературоведов (Первые российско-украинские филологические чтения «Диалог славянских культур»), состоявшегося 1–4 октября 2014 г. в Тамбовском гос. университете им. Г. Р. Державина и Елецком гос. университете им. И. А. Бунина и приуроченного к юбилеям М. Ю. Лермонтова (1814–1841), Т. Г. Шевченко (1814–1861), Е. И. Замятина (1884–1937).

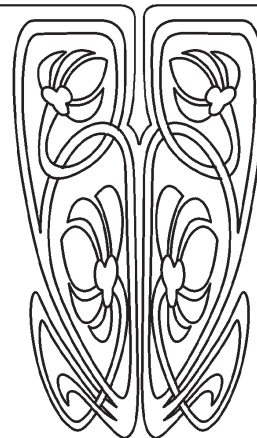
В Предисловии к изданию организатор этого конгресса литературоведов, признанный руководитель Международного научного центра изучения творческого наследия Е. И. Замятина, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ Л. В. Полякова кратко и емко изложила научную концепцию второго тамбовского конгресса литературоведов (первый проходил в Тамбове в 2009 г.), обозначила основные направления и достижения в работе Замятинского центра и представила читателям первый, Замятинский, том современного издания. Вместо введения выступает статья А. И. Чагина (Москва) «О национальных моделях литературного развития. Опыт русского зарубежья», в которой автор убедительно показывает, что «модели литературного развития в изгнании» определяются живой связью «с литературной, культурной традицией своего народа, верностью духовному “имени нации” или, вспоминая слова Бунина, своему “Белевскому уезду”» (с. 30).

Первая книга состоит из шести разделов, посвященных Е. И. Замятину и его творчеству. В первом разделе рассматриваются различные аспекты творческой, историософской концепции Е. Замятина в контексте отечественной литературы, мировой культуры: «К оценке историософской концепции Евгения Замятина» Л. В. Поляковой (Тамбов), «Природа и человек в концептосфере замятинского текста» Е. В. Алтабаевой (Москва), «Е. И. Замятин и персонализм» В. Н. Евсеева (Тюмень), «Замятинская “спираль искусства”: новый виток и повторение пройденного» Е. В. Бороды (Тамбов), «Собирание человека “Мы” закончили в “Котловане”» (А. Богданов, Е. Замятин, А. Платонов: переключки идей и тем) А. Л. Семеновой (Великий Новгород). Особое значение имеют в этом плане работы, представляющие восприятие творчества Е. Замятина на Западе (С. Г. Долженко (Ишим) «Эволюция рецепции творчества Е. И. Замятина на Западе в периодических изданиях 20–80-х годов XX века») и осмысление предварительных итогов и перспектив современного отечественного замятиноведения (О. В. Толмачева (Тамбов) «Связь творчества Е. И. Замятина с общефилософским контекстом эпохи: по страницам работ о писателе»).

Второй, самый большой раздел книги объединяет статьи, обращенные к роману Е. Замятина «Мы». Заглавной, программной выступает здесь статья Е. Б. Скороспеловой (Москва) «Роман “Мы”: художественно-философская проза», в которой замятинский роман характеризуется как «роман поистине первопроходческий» (с. 101) и синтетический, художественно-философский. «О разуме, религии и иронии: роман Евг. Замятина “Мы” в контексте европейского иррационализма» пишет О. М. Табачникова (Бат, Великобритания). «“Русь изначальная” в рома-

ПРИЛОЖЕНИЯ

не Е. Замятина «Мы» осмысливается Н. Н. Комлик (Елец) на примере образов двух героинь романа – I-300 и O-90 и в контексте древних этико-эстетических воззрений русского народа и «целостного замятинского Космоса» (с. 143). «О романе Е. И. Замятина «Мы», электромагнетизме, робототехнике, нанотехнологиях и постмодернизме» увлеченно размышляет В. В. Колчанов (Тамбов). «Художественное мышление Е. И. Замятина: психологическая проницательность в романе «Мы» – в центре внимания американского исследователя Б. Кука (Колледж-Стейшен, США). «Роман Евг. Замятина «Мы» и миф о Прометее» анализируется в статье Н. З. Кольцовой (Москва). «Соотношение «Я» и «Мы» в романе Е. Замятина» прослеживает К. Д. Гордович (Санкт-Петербург). «Шаманство в романе «Мы» Замятина» в его четырех аспектах: болезнь, камлание, посещение покровителя и духовная смерть – обнаруживает и оригинально интерпретирует О. Кук (Колледж-Стейшен, США). «История издания романа «Мы» на русском языке: по архивным материалам Глеба Струве, Михаила Карповича и издательства имени Чехова» тщательно воссоздается в статье Юкио Накано (Токио, Япония). С. Н. Капустина (Тамбов) прослеживает «Историю рождения души в романе Е. Замятина «Мы»». «Пародийные приемы изображения в романе Е. Замятина «Мы» и повести М. Козырева «Ленинград» анализирует А. Е. Ануфриев (Киров). «Образ правителя в романе Е. И. Замятина «Мы» в интерпретации М. Геллера» – тема заметки А. С. Веселовой (Тамбов). Завершает второй раздел статья И. Н. Ивановой (Ставрополь) ««Мы» Е. И. Замятина и новейшая отечественная антиутопия» с ее оптимистическим выводом: «...именно благодаря Замятину центральной философской проблематикой современной антиутопии становится проблема человечности» (с. 233).

Третий раздел книги образуют увлекательнейшие по материалу статьи М. Ю. Любимовой (Санкт-Петербург) «Евгений Замятин в годы Первой мировой войны (забытые факты, заново открытые документы)» с Приложением «документов о наложении ареста на журнал «Заветы», в котором напечатана повесть «На куличках», подписанная «Евг. Замятин»» (с. 246–250) и статья Н. С. Замятиной (Липецк) «Тамбовские корни в родословной Е. И. Замятина», представляющая «платоновскую ветвь замятинского родословного древа» (с. 256).

Четвертый раздел книги можно обозначить «Е. И. Замятин и традиции русской литературы». Открывает его статья И. О. Шайтанова (Москва) «Евгений Замятин в традиции русской прозы», в которой намечается важный аспект анализа: «сказ, бытописание, беллетристика» и последовательно рассматриваются следующие ракурсы: «Горький и Замятин: бытописание и сказ» (с. 259), «под «простака»» («об озвученности смысла», с. 265), «Куприн и Замятин: беллетристика и притча» (с. 267). Т. Т. Давыдова

(Москва) обращается к проблеме «М. Горький и Е. Замятин: к проблеме литературных связей». Статья О. Кук «Московские» романы Белого и «Роберт Майер» Замятина: Литературный ответ на термодинамику» дается на английском языке. Интересная историко-литературная проблема решается в статье Ю. Б. Орлицкого (Москва) ««Техника прозы» и «хронический анапест»: Замятин против Андрея Белого».

Глубинная перекличка идей, образов и настроений, типологические параллели в центре внимания Л. И. Шишкиной (Санкт-Петербург): «Чудо и крест: «Жизнь Василия Фивейского» Л. Андреева и «Знамение» Е. Замятина». Л. Е. Хворова (Тамбов) пишет о ««простоте неореализма»: Е. Замятин и С. Сергеев-Ценский» на непростоном уровне «поэтики портрета и пейзажа». И. И. Брюханова (Санкт-Петербург) раскрывает «страницы истории литературы 1920–1930 годов», связанные с «судьбами писателей-политехников» (Е. И. Замятин, П. К. Губер, М. Я. Козырев, Б. Житков, Л. Добычин и др.).

В пятом разделе рассматриваются актуальные аспекты изучения творчества Е. Замятина от его повестей 1910-х гг. до последнего очерка. Первую часть раздела образуют статьи «Эмоционально-нравственный комплекс «страх-стыд» в повестях Е. Замятина 1910-х годов» А. С. Сваровской (Томск), «Цветопись Е. И. Замятина (повести «Алатырь», «Север»): на пути к «синтезизму»» Т. В. Ивановой (Петрозаводск), «Рассказ Е. И. Замятина «Херувимы» (1917): пародийная интерпретация библейского видения» А. В. Третьякова (Екатеринбург), «Динамичная структура повести Е. И. Замятина «Островитяне»» С. Ю. Воробьевой (Волгоград), ««Сказка про Фиту» Е. И. Замятина в журнале «Вестник Русского Христианского Движения» (Париж–Нью-Йорк)» В. А. Бодрова, Н. В. Сафроновой (Орехово-Зуево) и «Языковые средства репрезентации концепта Природа в «Рассказе о самом главном» Е. И. Замятина» С. Г. Ганчева (Мичуринск). Далее проблематика раздела расширяется и обогащается в целом ряде интересных работ: Т. П. Дудина (Елец) ««История одного города» Е. Замятина: сатирический парадокс или философия «вечного возвращения»?»; И. Е. Ерыкалова (Санкт-Петербург) «О финале трагедии «Атилла» (блестящий текстологический анализ)»; Л. К. Оляндэр (Луцк, Украина) «Пространство, время, люди в романе Евг. Замятина «Бич Божий»: К вопросу о художественно-философской позиции писателя и коммуникативной сущности его творчества»; Н. Ю. Желтова (Тамбов) ««Кинематографические загогои» Е. И. Замятина в освещении французской прессы» (новые грани замятинского творчества на новом материале); М. А. Хатямова, Н. В. Аксенова (Томск) ««Ричард Бринсли Шеридан» Е. И. Замятина: ирландский код и авторская саморефлексия» (последняя в пятом разделе, итожащая проблему диалога со временем и читателем).

Шестой раздел первой книги составляют работы, рассматривающие творчество Е. Замятина в контексте языковых проблем, стилевых исканий, народной эстетики, культуры эпохи. Это статьи О. Н. Головий (Луцк, Украина) «“От быта – к бытию, от физики – к философии, от анализа – к синтезу”»: творчество Е. Замятина в контексте современных стилевых исканий», И. Е. Поляковой (Елец) «Поэтика “кустодиевских” образов в прозе Е. И. Замятина в контексте лубочной эстетики», Е. Е. Захаровой (Тамбов) «Эстетический потенциал имени в прозе Е. И. Замятина», Т. В. Красновой (Тамбов) «К вопросу о типологической классификации сюжетов Е. И. Замятина», И. М. Курносой (Елец) «Узуальное и окказиональное: к вопросу о лексикографировании языка Е. Замятина».

В Приложении книги публикуются исследования лауреатов Международного конкурса научных работ молодых филологов «Русская литература в современном мире: взгляд молодых»: «“Портретные” стихотворения М. Ю. Лермонтова» Г. С. Зуевой (Пенза), «Философско-психологическая общность поэтических мотивов М. Ю. Лермонтова и А. де Сент-Экзюпери» Е. В. Новиковой (Ставрополь), «Изображение деревни в рассказе В. Л. Кигна-Дедлова “Лес”» Д. Ю. Степанковой (Тамбов), «Полисемия и роль читателя в рассказе “Дракон” Е. И. Замятина» В. Бертолы (Милан, Италия), «“Мы” Е. И. Замятина и “Голодные игры” С. Коллинз: жанровый аспект» Т. В. Самойловой (Ишим), «Жанровые особенности романа П. Н. Краснова “Амазонки пустыни”» К. О. Кузнецовой (Тамбов), «“Внутренний” цикл в лирическом творчестве О. Э. Мандельштама: разработка контекстного метода исследования» М. А. Бурой (Владивосток), «Степень апеллятивности книги И. Бродского “Новые стансы к Августе”» Я. Ю. Двоенко (Смоленск), «Лирика Ларисы Васильевой: диалогический аспект» А. Д. Серовой (Тамбов).

Вторая книга научного издания «Литературоведение на современном этапе» дает мощный массив исследований проблем общего литературоведения, зарубежной и отечественной литературной классики, а также тенденций и имен литературы новейшей и состоит из пяти разделов.

Книгу и первый раздел открывает программная статья А. Я. Эсалнек (Москва) «Место и значение компаративистики в системе современного литературоведения», которую органично продолжает работа К. К. Султанова (Москва) «Культурные различия – предпосылка диалога или “камень преткновения”?», утверждающая философию диалога и «идеал межнационального согласия» (с. 35). В «компаративном аспекте» исследует Т. И. Гундорова (Киев, Украина) «Женское письмо и гендерную иерархию в литературном поле» (поле украинской литературы и критики конца XIX– начала XX веков). Актуальные проблемы метода и восприятия художественного текста ставятся в статьях М. В. Моклицы (Луцк, Украина)

«Романтизм как дискурс модернизма» и Б. П. Иванюка (Елец) «О метафоре, Фейерабенде и методе восприятия художественного текста». Естественно дополняют друг друга статьи М. М. Голубкова (Москва) «Концепция личности в критике 20-х годов» и Д. С. Московской (Москва) «О “бесконечно малых величинах”»: опыт XX века», которая акцентирует «краеведческий», «географический» аспекты русского персонализма (с. 93).

Материалы второго раздела раскрывают различные грани жизни литературной классики XIX века. Это: «Творчество Т. Г. Шевченко в европейском литературном полилоге (вступление к теме)» Ю. Я. Барабаша (Москва), «Художественно-философское осмысление творческого наследия М. Ю. Лермонтова в “молодой” литературе русского зарубежья» Н. Ю. Желтовой (Тамбов), «Жанровая форма как аргумент поэтики: Стихотворение М. Лермонтова “Молитва” (“Я, Мать Божия, ныне с молитвою...”» О. В. Червинской (Черновцы, Украина), «Законы фантазии и виды абсурда в сказке М. Ю. Лермонтова “Ашик-Кериб”» В. С. Воронина (Волгоград), «Концепт Одиночество в дискурсе лирики М. Ю. Лермонтова» И. А. Колтуцкой (Луцк, Украина), «“Парус” М. Ю. Лермонтова в украинском и польском переводах» В. В. Остапчук (Луцк, Украина), «Концепт гений в художественном осмыслении русских поэтов» Т. П. Левчук (Луцк, Украина). Три публикации посвящены Н. В. Гоголю: «Роль и функциональная природа библейского слова в создании персонажей второго тома “Мертвых душ” Н. Гоголя» Н. М. Сквиры (Киев, Украина), «Пространственные архетипы художественных миров Н. В. Гоголя и С. А. Есенина» М. И. Знобичевой (Тамбов), «“В Гоголе больше нераскрытого, чем раскрытого”»: А. К. Воронский о Н. В. Гоголе» Н. В. Сорокиной (Тамбов).

С. А. Ломакина (Елец) «на примере творчества Г. Успенского и А. Эртеля» рассматривает «быт и бытие русской деревни в литературе конца XIX– начала XX веков». «Песенный фольклор как диалектографический материал» привлекает внимание Ю. В. Громика (Луцк, Украина). «Образ времени в жизни и мемуарах С. М. Соловьева» освещают О. В. Беличенко и Н. В. Лысенко (Славянск, Украина).

Третий, самый большой раздел второй книги представляет широкий спектр историко-литературных проблем XX в. Закладывают основание раздела статьи О. А. Мещеряковой (Елец) «Тема любви в бунинских переводах стихотворений польского поэта А. Асныка», О. В. Корякиной (Тамбов) «К вопросу о художественной фантастике А. И. Куприна», И. С. Урюпина (Елец) «Внеевангельские сюжеты евангельской истории в русской литературе начала XX века (на материале рассказов Л. Н. Андреева и Ю. Л. Слезкина)». Русская литература Первой мировой войны в центре внимания И. Ф. Герасимовой (Рязань) «Союзники России по Первой мировой войне в

русской поэзии 1914–1918 годов» и А. И. Иванова «“Горе побежденным”: 1916 год в публицистике о Первой мировой войне». Привлечение новых материалов, новые взгляды на поставленные проблемы отличают работы О. К. Крамарь (Елец) «Из опыта комментария к роману-хронике Тихона Чурилина “Тяпкатань” (по материалам Государственного архива Липецкой области)», Н. В. Корниенко (Москва) «Тамбов в литературной биографии А. Платонова: К 115-й годовщине со дня рождения». Проблемы рецепции художественных произведений, отечественной критики ставятся в статьях С. Г. Иванниковой (Тамбов) «Творчество С. Н. Сергеева-Ценского в зеркале критики XX века» и Э. Н. Дзайкос (Тамбов) «Роман Б. Темиряева (Ю. П. Анненкова) “Повесть о пустяках” в критике современников». Вопросы истории и поэтики русского романа с разных сторон рассматриваются в работах Н. С. Егоровой (Тамбов) «Образ яблоньки в романе А. Т. Аверченко “Шутка мецената”», Т. Д. Беловой (Саратов) «“Жизнь Клим Самгина” в контексте культурно-исторических представлений М. Горького и нашей современности», Л. Б. Хван (Нукус, Узбекистан) «Некоторые аспекты художественного времени и простарнства в романе Б. Пастернака “Доктор Живаго”», Н. М. Муравьевой (Борисоглебск) «“Бабий бунт” в романе М. А. Шолохова “Поднятая целина”»: историческая основа и художественный вымысел», Е. А. Шириной (Белгород) «О внешнем и внутреннем в портрете героев М. А. Шолохова (по роману “Тихий Дон”)», М. Н. Капрусовой (Борисоглебск) «“Какой интересный город, не правда ли?”: Некоторые размышления об образе Москвы в романе М. Булгакова “Мастер и Маргарита”», Е. Н. Барминой (Тамбов) «Поэтика карнавала в “Санкт-Петербургском романе” О. А. Ильиной (1982)». «Литературное произведение и проблема времени: онтологический аспект» – тема Н. И. Астрахан (Житомир, Украина). Многообразные аспекты жанровой поэтики анализируются в статьях Л. А. Борзых (Мичуринск) «Растительные символы в поэтическом контексте поэмы С. А. Есенина “Пугачев”», М. Л. Вилесовой (Томск) «Женские образы в сборнике Б. К. Зайцева “Земная печаль”», Г. П. Охотниковой (Елец) «Мифическая картина мира в очерковой прозе М. Пришвина», Л. В. Гурленовой (Сыктывкар) «Технократические концепции в ранней советской прозе: повесть Л. Леонова “Саранча”», А. И. Ванюкова (Саратов) «“Охранная грамота” Б. Пастернака как повесть личности».

Лагерную поэзию XX в. исследуют Н. Г. Колошук (Луцк, Украина) «Опыт пребывания в реализованной антиутопии: ГУЛАГ в украинской, русской, белорусской поэзии» и А. В. Дубинин (Тамбов) «Лагерная литература XX века: к вопросу о полноте художественных исканий».

«Война в произведениях писателей Ди-Пи и второй эмиграции» представлена в работе В. В. Агеносова (Москва).

В четвертом разделе второй книги рассматриваются проблемы современной литературы и СМИ. Сначала идут постановочные, крупномасштабные статьи «Неомодернистские тенденции в современной русской прозе» Я. В. Солдаткиной (Москва), «Культурный универсализм в русской литературе начала XXI века» С. Ю. Толоконниковой (Борисоглебск), «Жанровые характеристики современной антиутопии» Б. А. Ланина (Москва), «Время в антиутопическом дискурсе (на материале украинской и русской прозы конца XX– начала XXI веков)» Л. Б. Лавринович (Луцк, Украина). Далее на сцену выходят современные писатели, их книги и герои: «“Священная книга оборотня” В. Пелевина: мифопоэтический аспект» О. Ю. Осьмухиной (Саранск), «Кинестетический код прозы Захара Прилепина» А. В. Жучковой (Москва), «Творчество Александра Кабанова: особенности украинской русскоязычной поэзии» С. И. Красовской (Москва), «Образ главной героини в романе современного дальневосточного писателя Александра Белых “Сны Флобера”» Ю. А. Яроцкой (Владивосток), «Автобиография как минус-прием в рассказе Михаила Елизарова “Мы вышли покурить в 17 лет”» Д. Ю. Юрьева (Краснодар). Современную прессу, журналистику изучают С. И. Кравченко (Луцк, Украина) «Пресса – катализатор межкультурного диалога в славянских литературах» и Е. А. Зверев (Тамбов) «Журналистика эпохи постмодерна: синергетический подход».

Пятый раздел второй книги объединяет работы, посвященные зарубежной литературе. Это статьи О. Ю. Малкиной (Москва), Е. А. Мирошниченко (Мичуринск) «К вопросу о жанровом своеобразии трагедии Дж. Б. Шоу “Святая Иоанна”», А. Ю. Пономаревой (Москва) «Семантика цветowych эпитетов в творчестве Генриха Белля на примере романа “Дом без хозяйна”», М. В. Родиноной (Тамбов) «Память и забвение в фантастической повести К. С. Льюиса “Серебряное кресло”», А. С. Дороховой (Волгоград) «Дискурс “ложь-истина” в романе Паскаля Мерсье “Ночной поезд на Лиссабон”» и А. В. Виншель (Тамбов) «Образ Дон Жуана в романе Х.-Й. Ортайля “Ночь Дон Жуана”».

Таким образом, двухтомный труд «Литературоведение на современном этапе» предстает перед нами солидным научным изданием, богатым по материалу, оригинальным по проблематике и структуре, ярко раскрывающим характерные тенденции и направления современной филологической науки, литературоведческой мысли.

А. И. Ванюков

Альтшуллер М. В тени Державина : Литературные портреты : Ермил Иванович Костров. Николай Семенович Смирнов. Николай Петрович Николев. СПб. : Изд-во «Пушкинский Дом», 2014. 624 с., ил.

Лет десять назад отгремела и закатилась короткая слава нового историзма, и история литературы вновь осталась без путеводной звезды. Писать по-старому вроде бы неудобно. Писать по-новому? – но как? как определить хотя бы для самого себя тот новый путь, по которому я думаю идти? Человеку молодому для ответа на такие вопросы своих знаний обычно не хватает, и он заимствует ответы у других, неизбежно впадая в начетничество. Люди немолодые делятся на два типа. Одни наставительно начинают учить других, как надо, хотя совершенно очевидно, что именно так ни жить, ни делать не надо. Другие же немолодые люди понимают, что для ответа на эти вопросы никогда не хватит жизни: пока будешь объяснять другим, как и почему ты это делаешь, так не успеешь записать то, что ты делаешь.

Все это имеет прямое отношение к книге, о которой идет речь. Известный историк литературы М. Г. Альтшуллер подводит в ней итоги своих многолетних изучений трех русских поэтов эпохи Державина: Е. И. Кострова, Н. С. Смирнова и Н. П. Николева (в некотором смысле на самом деле *подводит*, так как стихи Смирнова он опубликовал еще в 1971 г. вместе с Ю. М. Лотманом в томе «Поэты 1790–1810-х годов» в серии «Библиотека поэта»). Это очень разные поэты, и никакой мысли, которая могла бы объединить их, автор книги не искал: для него достаточно было уже и того, что все они принадлежат одной эпохе. Но проблема состоит в том, что все они были не самыми крупными и не магистральными литературными величинами. Стоит ли таких поэтов изучать монографически? – ведь каждая часть книги, посвященная одному из поэтов, представляет собой небольшую монографию.

В каждом из этих трех случаев М. Г. Альтшуллер применяет один и тот же прием – глубокое погружение в биографию и творческую личность изучаемого автора. Ничего нового в этом приеме нет, но в современном научном контексте этот прием прочитывается в качестве принципиально новой посылки антропологического метода (или литературоведения как человековедения, как привычно говорить автору рецензии).

Чтобы сразу стало ясно, о чем идет речь, приведу один пример. Говоря о творчестве Смирнова, М. Г. Альтшуллер замечает, что «все известные» тексты его, «за исключением двух-трех произведений, отличаются глубоким пессимизмом. Это естественно при его биографии, и мрачная поэтика раннего романтизма вполне отвечала подобным настроениям» (с. 216). Иначе сказать, пессимизм и соответствующие ему поэтические приемы – это следствие трагических обстоятельств личной жизни

Смирнова, а историко-литературный процесс весьма кстати встретился на пути этих трагических обстоятельств. Советское и послесоветское литературоведение, позитивистское и материалистическое по своим неразмышляющим презумпциям, находит биографический ответ слишком ограниченным и недостаточным для «широкой» постановки «общезначимых» вопросов и отдает предпочтение социальным влияниям. Антропологическое (человековедческое) литературоведение видит в человеке как творческой личности призму, через которую преломляется опыт социума, когда становится индивидуальным опытом, поскольку вне индивидуального опыта творческое начало не может быть реализовано. Например, если бы Маяковский не освоил опыт Октябрьской революции личностно, он не смог бы состояться как поэт в том виде, в каком мы его знаем.

Но в случае с Николаем Семеновичем Смирновым все обстоит сложнее. М. Г. Альтшуллер восстанавливает биографию этого писателя с максимально возможно полнотой, как и биографии двух других поэтов, – это общий его принцип в данной книге (насыщение биографическим материалом придает книге особый интерес). Знакомясь с этой биографией, мы понимаем, что только теоретически можно допустить, что крепостной крестьянин Смирнов освоил общеевропейский предромантический опыт и выразил его в своих произведениях. В той конкретной ситуации, в которой жил Смирнов, гораздо более реальной был другой тип соотношения частного и общего. Из предлагаемых современностью моделей социального поведения Смирнов выбрал ту, которая в наибольшей степени соответствовала его настроениям. Иначе сказать, творческая личность воплощает в себе коллективный опыт индивидуально и избирательно, не во всей полноте, а лишь в той мере, которая более соответствует его индивидуально-психологическим и даже физиологическим свойствам. В этом плане алкоголизм Ермила Кострова оказывается одной из возможных форм социального поведения поэта, подчеркивающей его асоциальность и бессребренничество, наивность ребенка и гения.

М. Г. Альтшуллер сам не рефлектирует по поводу своего метода. И едва ли эта рефлексия необходима: она требует слишком много временных затрат, а результаты ее слишком малы, поскольку человековедение реально как принцип, но не как определенные процедуры анализа, которые можно систематически описать (впрочем, то же самое можно сказать и о других историко-литературных методах; все они реальны как принцип, но как только они подвергаются систематическому описанию, они закосневают и девальвируются). Но не рефлектируя по поводу своего метода, М. Г. Альтшуллер демонстрирует все возможные его преимущества.

Со стороны метода содержание книги М. Г. Альтшуллера можно было бы сформули-

ровать следующим образом. Судьба каждого из трех ее героев демонстрирует нам три возможных варианта литературного поведения. Ермил Костров – поэт, конечно, никакой; он интересен только лишь тем, что первым переводил на русский язык Гомера, Апулея, Оссиана, и переводил довольно удачно. Его переводы жили долго, пока не появлялись новые. Но с появлением новых переводов его труды тут же умирали, и в этом была не его вина: сам язык его времени устарел, а не его поэтические принципы. И Ермил Костров останется вечным памятником правильного, но не гениального в творчестве. Николай Смирнов – поэт, конечно, никакой, хотя в легкости стиха ему не откажешь; он интересен лишь своей судьбой и останется памятником сопротивления человека нечеловеческим обстоятельствам (памятников этих, к несчастью, увы, много по всему миру). Николай Николаев – поэт, может быть, еще более никакой, чем Костров и Смирнов; но он является ярким участником процесса формирования литературной полемики пока еще в недрах литературных скандалов. Без Смирнова история литературы, в принципе, реальна. Но без Кострова и без Николаева построить историю литературы совершенно невозможно: их место в литературном процессе, как оказывается, никто заменить не может. Дело, таким образом, не столько в самостоятельном достоинстве тех или иных литературных текстов (тем более в глазах потомков), сколько в их социальной валентности. Герои книги М. Г. Альтшуллера находятся «в тени Державина», но свет Державина не затмевает значения их литературной деятельности.

Собственно, именно это и является главным открытием книги М. Г. Альтшуллера. Но в ней так много «мелочей», весьма ценных для историка, что обойти их вниманием значит потерять главное: жизнь из мелочей-то и состоит. Я не буду описывать все эти мелочи и приведу только один пример.

Вязь этих мелочей восстанавливает перед нами прошедшую жизнь. В связи с комической оперой М. И. Попова «Анюта» М. Г. Альтшуллер пишет: «Анюта появляется на сцене, напевая слегка обработанную, но подлинную и очень поэтичную народную песню. Правда, зритель с самого начала знает (приемный отец рассказывает, что она подкидыш), что перед ним не совсем обычная крестьянка:

Кабы да на цветы не морозы,
И зимой бы в полях цвели розы;
Кабы да на меня не печали,
Во слезах бы меня не встречали» (с. 248).

На самом деле, тот текст, который лег в основу песни Анюты, «обработан» не слегка, а

весьма основательно, в чем легко удостовериться, сравнив тексты:

Ах, кабы на цветы не морозы,
И зимой бы цветы расцветали;
Ох, кабы на меня не кручина,
Ни о чем-то бы я не тужила.

Но тут-то и начинаются «мелочи». Песня «Ах, кабы на цветы да не морозы» считается одним из наиболее показательных образцов семейно-бытовой песенной поэзии. Однако она известна, оказывается, только в одном этом варианте, который был перепечатан на рубеже XVIII–XIX вв. еще дважды¹. Других записей этой песни мы не знаем, а текст, изданный в Н. И. Новиковым в 1780 г., несет очевидные следы литературной обработки, если не сочинения. Но поскольку «Анюта» увидела свет в 1772 г., то еще есть все основания поставить под сомнение, что Попов обработал народную песню, которую потом Новиков в подлинном виде напечатал в своем сборнике. Есть гораздо больше оснований предполагать, что Новиков обработал песню Попова, приблизив ее к народной манере, – обычная практика для XVIII в.

А кроме того, мы вдруг понимаем, что в песне из «Анюты» едва ли не впервые употребляется знаменитая в русской литературе рифма *розы-морозы*. Вот, оказывается, откуда пушкинские ноги растут! И на этом фоне замечание М. Г. Альтшуллера о социальном происхождении Анюты получает совершенно новое значение. Таким «мелочам» в книге несть числа, и это придает ей особую прелесть².

Я не буду перечислять другие многочисленные достоинства новой книги М. Г. Альтшуллера, а призыву почитать ее и найти в ней те достоинства, которые были пропущены рецензентом.

М. В. Строганов

Примечания

- ¹ См.: Новое и полное собрание российских песен : в 5 кн. М. : Университетская типография у Н. Новикова, 1780. Ч. I. С. 162 ; Весельчак на досуге, или Собрание новейших песен... : в 2 ч. М., 1797–1798. Ч. 1. С. 197 ; Новейший и полный российский общенародный песенник... М. : В Университетской типографии, 1810. С. 154.
- ² К этому же типу историко-литературной вязи относится неожиданная формула в трагедии Н. П. Николаева «Сорена и Замир»: «Куда ни обратись, иль жертва, иль тиран!» (с. 318). М. Г. Альтшуллер приводит эту цитату в совершенно ином контексте, развивая свою собственную мысль, но для читателя она звучит еще и дополнительными своими обертонами.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Балашова Елена Юрьевна – доцент кафедры английского и испанского языков Саратовской государственной юридической академии. E-mail: balashovaelena@yandex.ru

Васильева Юлия Олеговна – магистрант кафедры новейшей русской литературы Саратовского государственного университета. E-mail: Julia5015@yandex.ru

Гильманова Айгуль Нургаяновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики электронных СМИ Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: boss1001@yandex.ru

Дубкова Мария Владимировна – аспирант кафедры истории зарубежной литературы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. E-mail: pismoossec@gmail.com

Захаров Кирилл Михайлович – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего литературоведения и журналистики Саратовского государственного университета. E-mail: zahodite@list.ru

Золотарев Михаил Владимирович – аспирант кафедры английского языка и методики его преподавания Саратовского государственного университета. E-mail: mizrkb@gmail.com

Илюкина Людмила Вячеславовна – соискатель кафедры русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. E-mail: ILV72@yandex.ru

Книгин Игорь Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего литературоведения и журналистики Саратовского государственного университета. E-mail: igor.knigin2012@yandex.ru

Курсакова Екатерина Игоревна – аспирант кафедры славянской филологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. E-mail: sorciere21@yandex.ru

Мицц Белла Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания русского языка и литературы Саратовского государственного университета. E-mail: bella-mints7@yandex.ru

Морозова Оксана Васильевна – аспирант кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского государственного университета. E-mail: mov9393@yandex.ru

Назарова Раиса Зифировна – кандидат филологических наук, профессор кафедры английского языка и методики его преподавания Саратовского государственного университета. E-mail: rz-nazarova-dean@rambler.ru

Никитина Алена Юрьевна – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Чувашского государственного университета, Чебоксары. E-mail: alyona.nikitina@gmail.com

Родионова Татьяна Вячеславовна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Саратовского государственного медицинского университета им. В. И. Разумовского. E-mail: rodionova.tvsar@yandex.ru

Привалова Ирина Владимировна – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Саратовского государственного медицинского университета им. В. И. Разумовского. E-mail: ivprivalova@mail.ru

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики Саратовского государственного университета. E-mail: prozorov@sgu.ru

Прохорова Татьяна Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и методики преподавания Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: tatprohorova@yandex.ru

Разумовская Елена Александровна – старший преподаватель кафедры зарубежной литературы и журналистики Саратовского государственного университета. E-mail: razumovskaja@mail.ru

Ромайкина Юлия Сергеевна – аспирант кафедры новейшей русской литературы Саратовского государственного университета. E-mail: orel-55555@yandex.ru

Рясов Даниил Леонидович – аспирант кафедры общего литературоведения и журналистики Саратовского государственного университета. E-mail: gyasow@mail.ru

Сдобнова Алевтина Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры начального языкового и литературного образования Саратовского государственного университета. E-mail: sдобноваар@yandex.ru

Сергеев Андрей Сергеевич – аспирант кафедры общего литературоведения и журналистики Саратовского государственного университета. E-mail: lorandesai@yandex.ru

Трофимова Нелли Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранного языка Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург. E-mail: nelart@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Balashova Elena Yuryevna – Associate Professor, Chair of English and Spanish Languages, Saratov State Law Academy. E-mail: balashovaelena@yandex.ru

Dubkova Maria Vladimirovna – Graduate Student, Chair of History of Foreign Literature, Lomonosov Moscow State University. E-mail: pismonossec@gmail.com

Gilmanova Aigul Nurgayanovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Chair of Theory and Practice of Electronic Mass Media, Kazan (Volga region) Federal University. E-mail: boss1001@yandex.ru

Ilyukina Ludmila Vyacheslavovna – Degree-Seeking Student, Chair of Russian Language and Teaching Methods, Ryazan State University named for S. Yesenin. E-mail: ILV72@yandex.ru

Knigin Igor Anatolyevich – Candidate of Philology, Associate Professor, Chair of General Literary Studies and Journalism, Saratov State University. E-mail: igor.knigin2012@yandex.ru

Kursakova Ekaterina Igorevna – Graduate Student, Chair of Slavic Philology, Lomonosov Moscow State University. E-mail: sorciere21@yandex.ru

Mints Bella Aleksandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Chair of Teaching Methods of the Russian Language and Literature, Saratov State University. E-mail: bella-mints7@yandex.ru

Morozova Oksana Vasilyevna – Graduate Student, Chair of Russian Language and Verbal Communication, Saratov State University. E-mail: mov9393@yandex.ru

Nazarova Raisa Zifirovna – Candidate of Philology, Professor, Chair of English Language and Teaching Methods, Saratov State University. E-mail: rz-nazarova-dean@rambler.ru

Nikitina Alyona Yuryevna – Senior Lecturer, Chair of Russian as a Foreign Language, Chuvash State University, Cheboksary. E-mail: alyona.nikitina@gmail.com

Privalova Irina Vladimirovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Chair of Russian as a Foreign Language. Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky. E-mail: ivprivalova@mail.ru

Prokhorova Tatiana Gennadyevna – Doctor of Philology, Profes-

or, Chair of Russian Literature and Teaching Methods, Kazan (Volga region) Federal University. E-mail: tatprohorova@yandex.ru

Prozorov Valeriy Vladimirovich – Doctor of Philology, Chairperson, Chair of General Literary Studies and Journalism, Saratov State University. E-mail: prozorov@sgu.ru

Razumovskaya Elena Aleksandrovna – Senior Lecturer, Chair of Foreign Literature and Journalism, Saratov State University. E-mail: razumovskaja@mail.ru

Rodionova Tatiana Vyacheslavovna – Senior Lecturer, Chair of Foreign Languages, Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky. E-mail: rodionova.tvsar@yandex.ru

Romaykina Yulia Sergeevna – Graduate Student, Chair of Contemporary Russian Literature, Saratov State University. E-mail: orel-55555@yandex.ru

Ryasov Daniil Leonidovich – Graduate Student, Chair of General Literary Studies and Journalism, Saratov State University. E-mail: ryasow@mail.ru

Sdobnova Alevtina Petrovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Chair of Primary Language and Literature Education, Saratov State University. E-mail: sdobnovaap@yandex.ru

Sergeev Andrey Sergeevich – Graduate Student, Chair of General Literary Studies and Journalism, Saratov State University. E-mail: lorandesai@yandex.ru

Trofimova Nelly Arkadyevna – Doctor of Philology, Professor, Chair of Foreign Language, National Research University «Higher School of Economics» (HSE), St. Petersburg. E-mail: nelart@mail.ru

Vasilyeva Yulia Olegovna – Master's Degree Student, Chair of Contemporary Russian Literature, Saratov State University. E-mail: Julia5015@yandex.ru

Zakharov Kirill Mikhailovich – Candidate of Philology, Associate Professor, Chair of General Literary Studies and Journalism, Saratov State University. E-mail: zahodite@list.ru

Zolotarev Mikhail Vladimirovich – Graduate Student, Chair of English Language and Teaching Methods, Saratov State University. E-mail: mizrkb@gmail.com